

XX
век

**в документах
и исследованиях**

ТОТАЛИТАРИЗМ **Исторический опыт** **Восточной Европы**

*«Демократическое
интермеццо»
с коммунистическим
финалом*

1944 – 1948

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

XX *Century in Documents and Research*

TOTALITARIANISM

Historical Experience of the Eastern Europe

*«A Democratic
Intermezzo»
with a Communist
Finale
1944 – 1948*

MOSCOW «NAUKA» 2002

XX век в документах и исследованиях

ТОТАЛИТАРИЗМ

Исторический опыт Восточной Европы

*«Демократическое
интермеццо»*

*с коммунистическим
финалом*

1944 – 1948

МОСКВА «НАУКА» 2002

УДК 94(100–87)
ББК 63.3(0)64
Т 63

*Серия “XX век в документах и исследованиях”
основана в 2001 году*

Редколлегия:

доктор исторических наук *В.В. Марьина*
(ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Л.Б. Милякова*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *М.А. Робинсон*,
доктор исторических наук *Ар. А. Улунян*

Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. “Демократическое интермеццо” с коммунистическим финалом. 1944–1948. – М.: Наука, 2002. – 222 с.

ISBN 5-02-008786-6

В книге дана характеристика режимов, установившихся после второй мировой войны в восточноевропейских странах, выявлены их черты и типичные особенности. Вторая половина 1940-х годов для стран Восточной Европы – переходный период от тоталитаризма правого толка (фашизм) к тоталитаризму левого толка (социалистические режимы советского образца). Исследуется широкий круг проблем: роль СССР в становлении советских режимов в Восточной Европе, методы и содержание советской пропаганды в регионе, сходство и различие национальных и классовых по форме диктатур, механизм “коммунизации” Восточной Европы.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

ТП-2002-I-№ 31

ISBN 5-02-008786-6

© Издательство “Наука”, 2002

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “XX век в документах и исследованиях” (разработка, оформление), 2001 (год основания), 2002

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>В.В. Марьина</i>).....	6
<i>Л.Я. Гибианский</i> . СССР, Восточная Европа и формирование советского блока.....	16
<i>А.С. Стыкалин</i> . Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов).....	38
<i>С.А. Романенко</i> . Между национальной и пролетарской диктатурой: Милан Недич–Дража Михайлович–Анте Павелич–Йосип Броз Тито.....	61
<i>В.В. Марьина</i> . Чехословацкий “февраль” 1948-го начинался в 1945 году	88
<i>Е.П. Серапионова</i> . Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность.....	113
<i>Л.Б. Милякова</i> . Польская социалистическая партия: эволюция внешнеполитических концепций (1945–1948 годы).....	133
<i>Е.Л. Валева</i> . Политические процессы в Болгарии 1944–1948 годов	143
<i>Б.Й. Желицки</i> . Народная демократия и становление тоталитарного режима в Венгрии.....	175
<i>В.В. Дамье</i> . Из истории анархизма в Восточной Европе 1940-х годов	208

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию общественности предлагается второй сборник из серии “Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы”. Первый, посвященный теории и методологии вопроса с привлечением конкретно-исторического материала стран региона, увидел свет в 1995 г. Наряду с характеристикой установившихся в восточноевропейских странах общественно-политических режимов, выявлением имманентных им на различных этапах развития черт и особенностей, а также объединяющих их признаков и степени приближенности к “классическим” образцам авторы первого выпуска сделали попытку показать, как проявлял себя тоталитарный режим в области идеологии, культуры и науки.

Настоящий сборник – продолжение начатого исследования. Авторский коллектив, как и ранее, полагает, что путь “мозаичного” восстановления портрета рассматриваемого явления, дающий представление лишь об отдельных деталях общей картины, является при теперешней изученности проблемы наиболее целесообразным.

В последнее время в некоторых кругах общественных деятелей появилось сомнение относительно необходимости дальнейшего обращения к проблематике тоталитаризма. Утверждается, что мода на изучение этого феномена прошла, что тут уже все сказано. Так ли это? Возможно, подобное мнение возникло потому, что тоталитарные режимы на Западе изучаются буквально со времени их возникновения, т.е. с 20–30-х годов XX в. В России же интерес к этой проблематике, обнаружившийся лишь в последнее десятилетие, когда были сняты идеологические табу, только возрастает. Это касается как собственно советского режима, так и его модифицированных аналогов в Восточной Европе.

Обращение к научной литературе по проблеме, опубликованной в последние годы как на Западе, так и в России, опровергает мнение о снижении внимания к исследованию феномена тоталитаризма, начало которому было положено выходом в свет в 50-е годы книги видного представителя либеральной философии Ханны Арендт¹ и работы американских политологов Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского². Американские, английские, немецкие, французские, итальянские политологи и историки продолжают, особенно в связи с крушением коммунистической системы в СССР и Восточной Европе, изучение тоталитарных режимов, обращаясь и к теоретическим, и к конкретно-историческим аспектам проблемы, нередко используя сравнительно-исторический метод³.

В России же, как уже говорилось, исследование этого феномена XX в. на отечественном и зарубежном материале находится на начальной стадии. В 1996 г. вышла в свет объемная монография “Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления”, созданная коллективом авторов Института всеобщей истории РАН. Презентация книги показала интерес российской общественности к указанной проблематике, было подготовлено ее второе издание. В Институте всеобщей истории действует и постоянный семинар “Тоталитаризм и демократия”. Конкретно-исторические и теоретические аспекты проблемы привлекают внимание двусторонних комиссий историков, в частности российско-германской и российско-венгерской⁴. Характер восточноевропейских коммунистических режимов, их эволюция и причины краха стали темой обсуждения на конференции “Революции 1989–1990-х годов в Центральной Европе: взгляд через десятилетие”, прошедшей в Институте славяноведения РАН.

Различные аспекты проблематики тоталитаризма начали привлекать в 90-е годы внимание и обществоведов бывших стран социалистического лагеря. Здесь в их деятельности выделяются три направления: во-первых, идет ознакомление с тем, что уже сделано на Западе в изучении этого феномена, переводятся работы западных исследователей; во-вторых, осуществляются собственные теоретические изыскания; в-третьих, ведется конкретно-историческое исследование режимов, существовавших почти полвека в регионе, их сопоставление с советским строем⁵.

Весьма пристально проблема тоталитаризма изучается, например, в Румынии⁶, где в 1993 г. по решению правительства для этих целей создан специальный институт⁷. В его задачи входит: сбор, изучение и публикация документов по таким вопросам, как эволюция коммунистического режима в Румынии в 1945–1989 гг. (от советской к национальной модели социализма); советизация послевоенной Румынии; формы тоталитаризма в межвоенный период. Возглавляет институт Р. Чучану, бывший политзаключенный, 17 лет проведенный в тюрьмах и лагерях Румынии. Институт имеет свой журнал, выходящий два раза в год⁸. Кроме того, в Румынии издается специальная периодика, посвященная изучению феномена тоталитаризма. Ассоциация бывших политзаключенных выпускает с 1991 г. сборник под названием “Din dokumentale Rezistenței”. Союз писателей с 1990 г. – “Memoria”, а Ассоциация свободной румынской прессы с 1996 г. – “Dosarele istoriei”.

Многие ученые (что следует и из названных работ) начинают свои исследования режимов, установившихся в странах Восточной Европы после войны, с 1945 г. И это, думается, оправдано. Исторический опыт свидетельствует, что тоталитарные режимы, как и всякий социальный организм, имели свою историю развития, включавшую их становление, расцвет и более или менее длительное (а ино-

гда и моментальное, например вследствие поражения в войне гитлеровской Германии или фашистской Италии) падение. Следовательно, первый для историка методологический посыл при анализе конкретного тоталитарного режима – рассмотрение его не в статике, а в динамике, в контексте взаимодействия, взаимовлияния постоянно меняющихся внутренних и внешних условий его существования.

Методы, используемые тоталитарными режимами по отношению к обществу и отдельным его индивидам, неодинаковы на разных этапах их истории. Отсюда – и отличие в формах сопротивления тоталитаризму со стороны неприемлющих его сил. Изучение форм противодействия режиму должно быть соотнесено с фазами его развития. Это – второй важнейший методологический посыл при раскрытии темы антитоталитарного сопротивления.

Что касается послевоенных тоталитарных режимов советского образца в странах Восточной Европы (или в странах Центральной и Юго-Восточной Европы – разные авторы пользуются разными терминами), то, видимо, можно согласиться с теми исследователями, которые выделяют несколько этапов развития этих режимов, относя начало их становления к 1945 г.

Первые послевоенные годы, рассматривавшиеся в марксистской исторической литературе как время развития народно-демократических революций и утверждения народно-демократического строя, – это по сути период борьбы коммунистических партий за установление своего политического полновластия при опоре на мощь и возросший после войны международный авторитет Советского Союза. С точки зрения рассматриваемой темы этот период может быть охарактеризован как переходный от тоталитаризма правого толка (фашизм) к тоталитаризму левого толка (социалистические режимы советского образца). Коммунисты, несмотря на официально обнародованные ими демократические программы, с самого начала были нацелены на захват власти и установление строя, аналогичного советскому. Его утверждению оказывали сопротивление еще сохранившиеся силы поверженных фашистских и близких к ним режимов, представители антифашистских либеральных кругов, которые не пошли на сотрудничество с коммунистами в рамках национальных фронтов, бывшие политические партнеры коммунистов по антифашистской борьбе в годы войны, а также оппозиция внутри самих коммунистических партий.

Советские руководители в конце войны, исходя из собственной общей внешнеполитической стратегии, предостерегали компартии от постановки вопроса о немедленной советизации своих стран, считая, что это дело более или менее отдаленного будущего. Сталинская рекомендация “идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции” была отражена в политике национальных фронтов, одобренной Москвой. Но эта политика рассматривалась коммунистическими руководителями не

как средство в первую очередь поиска возможностей сотрудничества с партнерами по фронту, а как выгодная для компартий с точки зрения ведения ими классовой борьбы. Развитие международной ситуации сократило не определенные заранее сроки подведения масс к социализму советского образца до минимума.

На исходе 40-х годов, сложился комплекс предпосылок, благоприятных для захвата власти коммунистами. К этому времени было сломлено сопротивление части антикоммунистических сил: осуществлена их депортация (масштабы ее до сих пор неизвестны); проведены политические процессы по делам сотрудничавших с гитлеровцами представителей общественных слоев, осуществлена расправа над антифашистами либерального толка, оказавшимися вне национальных фронтов, начато уничтожение политических партнеров-соперников коммунистов по этим фронтам.

Конец 40-х годов в истории коммунистического тоталитаризма в странах Восточной Европы знаменовал собой начало его расцвета, для которого характерен приоритет силовых методов взаимоотношений тоталитарного строя с обществом. “Карательный меч” коммунистической диктатуры, направляемый с согласия руководства восточноевропейских компартий из советского центра, коснулся всех социальных и политических слоев общества. Перманентный поиск врага, носящий, как и в СССР, “ступенчатый”, все углубляющийся характер (сначала политическое и физическое уничтожение сил правого тоталитаризма, затем партнеров коммунистов по борьбе с ним, наконец, соратников по партии), привел к довольно массовым, хотя и несравнимым по масштабам с советскими, репрессиям, затронувшим самые активные слои общества стран Восточной Европы. К этому времени, например в Чехословакии, относятся репрессии против служителей католической церкви (особенно ее верхушки), процессы по делу М. Гораковой (члена национально-социалистической партии, неформальным лидером которой был умерший в сентябре 1948 г. президент Э. Бенеш), военных (приговорен к смерти бывший глава военной миссии в Москве генерал Г. Пика, репрессирован вызывавший подозрения в нелояльности к КПЧ министр национальной обороны Л. Свобода), карательные меры против крестьян, сопротивлявшихся начавшейся коллективизации сельского хозяйства, мелких городских предпринимателей, выступавших против национализации их собственности, участников рабочих забастовок, протестовавших, в частности, против денежной реформы 1953 г. Был начат поиск врагов и внутри партии: возникли судебные дела против ряда крупных партийных функционеров (О. Шлинг и М. Швермова), словацких “буржуазных националистов” (Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский), а затем – дело “антигосударственного и антипартийного центра”, руководимого Генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским, ближайшим сподвижником и соратником К. Готвальда.

Несомненным признаком расцвета тоталитарного режима была и мощная целенаправленная, по существу принудительная индоктринация, т.е. навязывание обществу коммунистической доктрины. Индоктринация была свойственна и предыдущему этапу (массовые издания краткого курса истории ВКП(б), биографии Сталина, Конституции СССР, произведений Сталина и, в меньшей степени, Ленина, Маркса и Энгельса, книг об СССР и т.д.), но не имела тогда столь всеохватывающего характера, как в период полного расцвета тоталитаризма.

После смерти Сталина в 1953 г. и особенно после XX съезда КПСС в 1956 г. в странах Восточной Европы обозначились тенденции и начался процесс (он происходил отнюдь не гладко, имел свои взлеты и падения, свою национальную специфику) отхода от тоталитаризма. Для него характерен отказ от чисто силовых методов контроля над обществом и человеком (осуждение и частичный пересмотр политических процессов начала 50-х годов), а также от безоглядной индоктринации, что имело следствием вызревание в недрах партии и интеллигентских кругах диссидентских настроений и тенденций. Конкретные формы и механизм процесса “размывания” тоталитаризма требуют дополнительного изучения. Видимо, можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что с его началом страны региона вступили в стадию авторитаризма, хотя немалая часть тоталитарных механизмов была сохранена.

Авторский коллектив настоящего сборника склоняется к мнению, что изучение тоталитарных режимов советского образца в Восточной Европе надо начинать с 1944–1945 гг. Поэтому данный выпуск посвящен так называемому народно-демократическому этапу в послевоенной истории восточноевропейских стран.

Народная демократия. Что это такое? Достаточно неуклюжий термин, переводимый буквально как народная власть народа, не случайно подвергался критике, имеющей целью заменить его определением “новая демократия”. Термин родился в руководящих недрах предвоенного Коминтерна; его появление, видимо, было вызвано желанием обозначить отличие нового режима как от буржуазной, так и от социалистической демократии, видя в нем что-то среднее между той и другой. По мысли коминтерновских теоретиков, народная демократия должна была эволюционировать в направлении советского строя, который, как утверждалось, олицетворял собой высшую форму демократии. Народная демократия рассматривалась как окно в светлое социалистическое будущее, а на деле оказалась путем в темный тупик социализма с “советским лицом”. Так какие же черты предполагаемой демократии и грядущего тоталитаризма нес в себе народно-демократический режим? Какие силы утверждали первую и сопротивлялись второму? И почему демократии пришлось в конце концов отступить? На все эти вопросы и предстоит дать ответы исследователям (на современном этапе изучения) этого

короткого, но важного периода в послевоенной истории стран Восточной Европы.

Без преувеличения можно сказать, что историография народно-демократического этапа в развитии стран региона колоссальна. Ее разбор не входит в нашу задачу. Надо лишь отметить, что сейчас в отечественной исторической науке имеются две точки зрения по поводу сути происходивших в то время процессов⁹. Сторонники одной акцентируют роль внешнего фактора – прежде всего советского влияния на становление и развитие народно-демократических режимов, подчеркивая специфику этого процесса, обусловленную национальными особенностями каждой из стран. Для отстаивающих эту точку зрения характерно отрицательное (или скептическое) отношение к вопросу об альтернативных вариантах развития стран региона в первые послевоенные годы, о возможности реализации на практике идей “национальных путей к социализму”, отличному от советского образца. Сторонники другой точки зрения признают наличие в общественной жизни стран региона реальных альтернатив перспективе установления монополярной власти коммунистов.

Представляется не совсем правильной и адекватной действительности, точнее не отвечающей ее многообразию, такая постановка вопроса, как “народная демократия: миф или реальность?”. Союз “или” предполагает выбор между двумя рассматриваемыми вариантами. На самом деле все было гораздо сложнее, и тут скорее уместен союз “и”: и миф, и реальность. Они были взаимосвязаны и как бы дополняли друг друга. Народная демократия оказалась на самом деле режимом с чертами, отличными от советского. Иными были представления ее элит, в том числе и части коммунистической, о возможности национальных, специфических, особых путей к социализму. Москва поддерживала эти воззрения до тех пор, пока они не стали помехой реализации ее внешнеполитической стратегии. Советские руководители, несмотря на их пространные и часто повторявшиеся во время войны и сразу после нее заявления о поощрении намерения стран региона идти по демократическому пути, на самом деле всячески содействовали укреплению позиций в них коммунистических партий, политика которых находилась постоянно в поле зрения советских лидеров и контролировалась ими.

Вместе с тем народная демократия была иллюзией, поскольку существовавшие международные реалии (вхождение Восточной Европы в советскую сферу влияния) не давали ни малейшего шанса утвердиться этой отличной от советской и, в представлении Кремля, низшей по сравнению с ней форме демократии.

Народно-демократический режим возник и существовал как переходный от тоталитарного строя правого толка к тоталитарному строю левого образца – от фашистских, профашистских, а-ля фашистских и т.д. режимов к социалистическим режимам советского образца. И партнеры коммунистов по национальному фронту, и их ос-

тавившиеся вне его рамки оппоненты предлагали свое видение дальнейших путей развития стран региона. Некоторые из этих программ, в частности аграристские и социал-демократические, имели немалое число сторонников в обществе. Популярна была и идея национальных путей к социализму, пользовавшаяся поддержкой различных общественных сил. Правда, под понятием “социализм” каждый разумел свое. Для большинства коммунистов в конечном счете это был “социализм с советским лицом”, и они отстаивали лишь свой, в чем-то не совпадавший с советским, путь к этому идеалу.

Если говорить о многообразии взглядов на общественное развитие, пользовавшихся большей или меньшей внутренней поддержкой в странах региона, и если называть эти взгляды альтернативными коммунистической программе, то, видимо, можно говорить и об альтернативных вариантах развития этих стран в тот период. Однако, учитывая международную ситуацию и “хозяйскую руку” Кремля в регионе, можно констатировать, что шансов на победу программы какой-либо другой, кроме коммунистической, здесь не существовало. Народная демократия как переходный режим, в котором наличествовали и демократическая, и тоталитарная альтернативы, эволюционировала в направлении коммунистического единовластия. Эволюционировала в силу ряда причин, главным образом внешнего порядка, гораздо более быстрыми темпами, чем это виделось советским лидерам и их креатуре в странах региона на завершающем этапе войны и сразу после нее.

Советизация Восточной Европы началась не в конце 40-х годов, когда здесь была установлена монополия коммунистической власти, а раньше, сразу после войны, когда стали реализовываться подготовленные коммунистами при участии Москвы программы, когда представители компартий заняли более или менее прочные позиции во властных структурах стран субконтинента.

Новые документальные материалы, в том числе и из российских архивов, дают возможность по-новому взглянуть на период 1944–1948 гг. в истории стран Восточной Европы¹⁰. Этот новый подход был продемонстрирован, в частности, и на международных конференциях последних лет: “Внутренние факторы, которые облегчили советизацию стран Центральной и Восточной Европы в 1944–1948 гг.” (Опочно, 1993 г.)¹¹, “Чехословацкий февраль 1948 г.: внутренние и международные предпосылки и последствия” (Прага, 1998 г.)¹². Новый поворот в оценке периода 1944–1948 гг. обнаружился и в трудах обществоведов стран Восточной Европы, о чем, например, можно судить по работам чешских, словацких, польских, румынских исследователей¹³. Внимание ученых привлекают, в частности, такие вопросы, как методы, которыми пользовались коммунисты на пути к власти: фальсификация результатов парламентских выборов, политические процессы, взаимоотношения с Москвой (по партийной, государственной, дипломатической линиям), борьба за

овладение ключевыми позициями во властных структурах, состоящие оппозирующих коммунистам политических сил и предложенные ими программы развития. Новейшие исследования показали, что советизация не всегда была результатом инициатив Москвы, а являлась следствием “усердия” внутренних сил – коммунистов и левых социал-демократов, стремившихся зачастую опередить своего патрона.

Все эти вопросы находятся в центре внимания авторов предлагаемого читателю сборника. Изображение в прошлом народной демократии как пролога социализма, как увертюры социалистических революций в странах Восточной Европы вело к упрощенному представлению о существовавшем здесь обществе, к затушевыванию его многообразия, сводило происходившие в нем разнонаправленные процессы к борьбе между рабочим классом как ведущей силой общества и буржуазией как уходящим с исторической сцены классом. Выступавшие на политическом подиуме партии оценивались под углом зрения их содействия или противодействия утверждению социализма как магистрального направления исторического прогресса. Поэтому и программы, и деятельность политических оппонентов коммунистов всегда получали лишь отрицательную оценку со стороны исследователей советской эпохи и не изучались всерьез и по существу. Действия же коммунистов рассматривались через призму неизбежности становления нового общественного строя – социалистической демократии как высшего ее типа. Их победа в конце 40-х годов считалась закономерной и неизбежной. Вероятно, в тех конкретно-исторических условиях так оно и было, и теперь следует посмотреть на народную демократию с другой стороны – как на пролог тоталитарного строя советского образца, а следовательно, обратить серьезное внимание на те силы, которые препятствовали его установлению, и на методы, использовавшиеся коммунистами для достижения победы. Уяснение природы режима, начавшего складываться в Восточной Европе сразу после войны, когда регион оказался в сфере советского влияния, а коммунисты при поддержке своего патрона – СССР нацелились на монополию власти, – актуальная задача в историческом и политическом плане.

В.В.Марьина

¹ *Arendt H.* The origins of Totalitarianism. N.Y., 1951. В этом же году в Нью-Йорке книга была опубликована на нем. яз.: *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft.

² *Fridrich C.E., Brzezinski Z.K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.

³ См., например: *Berstein S.* Democracies, regimes autoritaires et totalitarismes an XX siècle: pour une histoire politique du monede developpe. P., 1992; *Gleason A.* Totalitarianism: The inner history of the Cold War. N.Y., 1995; *Kornder K.J.* Kontrevolution und Faschismus: Zur Analyse von Nationalsozialismus, Faschismus

und Totalitarismus im Werk von Karl Korsch. Frankfurt a / M., 1993; *Polin C.* Le Totalitarisme. P., 1994; Terroristische Diktaturen im 20. Jahrhundert: Strukturelemente der nationalsozialistischen und stalinistischen Herrschaft. Wiesbaden, 1996; *Tormey S.* Making Sense of Tyranny: Interpretation of Totalitarianism. Manchester, 1995; Totalitarismus. Berlin, 1993; *Gentili E.* La via italiana al totalitarismo. Roma, 1995.

⁴ См.: Россия–Германия–Европа. Исследования, публикации. Вып. 2: Тоталитаризм в Европе XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 8–9; Авторитарные режимы Восточной Европы. 1917–1990-е годы. М., 1999. В мае 1998 г. состоялась международная конференция “Россия и Германия в XX веке: пути к анти тоталитарному согласию. Опыт и задачи”, на которой были рассмотрены следующие вопросы: изучение тоталитаризма, опыт XX в. и формы преодоления тоталитаризма, демократия как ответ на тоталитарный вызов.

⁵ В частности, об этом свидетельствуют работы, опубликованные в Чехии, Словакии: *Arendtova H.* O nasili. (Překl. z angl.). P., 1995; *Aron R.* Demokracie a totalitarismus. (Překl.) Brno, 1993; *Totalita a demokracie.* Olomouc, 1992; *Sladek Z.* Z dějin sovětského totalitarismu. 1. Doba Leninovy utopie: Sovětské Rusko v letech 1917–1922; 2. Stalinův totalitarism // *Slovanský přehled.* 1990. № 6; 1991. № 1–3; *Krizy režimov sovietskeho bloku v rokoch 1948–1989.* V. Bystrica, 1997.

⁶ Материал о состоянии изучения проблем тоталитаризма в Румынии предоставлен М.Д. Ерещенко.

⁷ Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului.

⁸ Arhivele Totalitarismului.

⁹ *Волокитина Т.В., Марьина В.В., Новопашин Ю.С.* История Восточной Европы – от начала второй мировой войны до современности // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 19.

¹⁰ См., например: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Москва; Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948 гг.; СССР–Польша: Механизмы подчинения. 1944–1949 гг. / Сб. док. М., 1995; *Гибианский Л.Я.* Коминформ в действии. 1944–1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1, 2; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. Документы российских архивов. М., 1998; *România. Viața politică în documente: 1945* (Buc., 1993), 1946 (Buc., 1994), 1947 (Buc., 1996); *ČSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezivládních jednání.* Brno, 1997.

¹¹ Vnitřní faktory, které usnadnily sovětizaci států střední a východní Evropy v letech 1944–1948. Oročno, 11.09.93–13.09.93 (Ряд материалов конференции опубликован в журнале “Soudobé dějiny” в 1993–1994 гг.).

¹² Československý “únor” 1948: předpoklady a důsledky doma a ve světě. Praha, 19–21 února 1998. (Часть материалов конференции опубликована в журнале “Soudobé dějiny”, 1997, № 3–4, и в книге “Чехословацкий февраль 1948: Москва и Прага. Взгляд через полвека”. М., 1998.)

¹³ См., например: *Sovětizace východní Evropy: Země střední a jihovýchodní Evropy v letech 1944–1948.* Pr., 1995; *Tejchman M.* Sovětizace střední a jihovýchodní Evropy. 1944–1949 // *Slovanský přehled.* 1993. № 3–4; *Cesta do katastrofy.* Pr., 1993; *Od diktatury k diktatúre: Slovensko v rokoch 1945–1953.* Br., 1995; *Brod T.* Cesta československých komunistů k moci v

letech 1945–1948. Pr., 1990–1991; *Kaplan K.* Československo v letech 1945–1948. Pr., 1990; *Idem.* První povalečná vláda: komentované dokumenty // K ústavnímu vývoji v českých zemích a na Slovensku v letech 1938–1948. Pr., 1992; *Idem.* Nekrvavá revoluce. Pr., 1993; *Idem.* Pět kapitol o únoru. Brno, 1997; *Opat J.* Od antifašismu k diktaturne stalinismu // Kde domov můj? Praha, 1992; *Prokš P.* Politická moc a sovětizace Československa. (1945–1948) // Moderní dějiny. Pr., 1995; *Barnovský M.* Na ceste k monopolu moci. Mocenskopolitické zápisy na Slovensku v rokoch 1945–1948. Br., 1993; *Dudka A.* Państwo i Kościół w Polsce. 1945–1970. Kraków, 1995; *Friszke A.* Opozycja polityczna w PRL. 1945–1980. Londyn, 1994; *Fijalkowska B.* Borejsza i Rózansky. Przyczynek do dziejów stalinizmu w Polsce. Olsztyn, 1995; *Werblan A.* Stalinizm w Polsce. Wa-wa, 1991; Ежегодник Института истории ПАН “Polska 1944/1945–1989. Studia i materiały”. 1995. № 1; 1997. № 2; *Tismăneanu V.* Arheologia terorii. Buc., 1992; *Onisoru Gh.* Alianțe și confruntări. Între partidele politice din România. Buc., 1996; *Buzatu Gh.* România în arhivele Kremlinului. Buc., 1996.

СССР, ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО БЛОКА*

Становление коммунистического тоталитаризма в Восточной Европе, происходившее в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы, охватило все сферы функционирования государства и жизнедеятельности общества в каждой из стран региона. Вместе с тем одной из характерных черт этой тоталитарной системы было то, что она представляла собой выходящее за национальные рамки единое целое, которое еще в процессе своего создания стало структурироваться в международном плане в виде возглавляемого Москвой советского блока. В сущности, само наступление тоталитаризма в Восточной Европе происходило как процесс, двумя неотделимыми одна от другой сторонами которого были установление коммунистических режимов в странах региона и формирование советского блока, получившего затем название сначала “антиимпериалистический и демократический лагерь”, а немного позже – “социалистический лагерь”.

Проблема образования советского блока давно оказалась в фокусе внимания исследователей. В исторической и политологической литературе затрагивались различные аспекты этого явления. Западные ученые обращались к данной теме в разной связи, начиная с вышедших еще по горячим следам установления коммунистических режимов в Восточной Европе книг Х. Ситона-Уотсона, Ф. Фейто, Ф. Боркенау, А. Улама, а затем трудов З. Бжезинского, Ф. Клаудина, Ю. Браунгала, У. Маккэга, Ч. Гати и др. Эти исследователи дали серьезные научные характеристики общей природы и некоторых конкретных сторон создания советского блока¹. Но они были почти целиком лишены доступа к необходимым документам в архивах СССР и восточноевропейских социалистических государств. В этой связи многие важные стороны образования блока, закулисные планы и комбинации советского руководства и коммунистических лидеров “народных демократий” оставались неизвестны западным авторам, а некоторые их конкретные выкладки и представления отнюдь не всегда соответствовали историческим реалиям.

Что же касалось советской и восточноевропейской историографии в период коммунистического господства, то там тема формирования советского блока была одним из объектов наибольшей фальсификации, определявшейся официальными идеологическими уста-

* Статья является частью исследования, поддержанного The Research Support Scheme of the Open Society Institute (grant № 941/94).

новками². В СССР и странах, находившихся под советским господством, эти установки были направлены на апологетику блока, на сокрытие его истинного характера и реальностей процесса его создания. В Югославии, которая в результате конфликта 1948 г. оказалась вне “лагеря”, официальная версия стала, наоборот, критической в отношении блока как орудия советской гегемонии, но в то же время глорифицировалась якобы иная по направленности югославская политика и искажалась реальная роль Белграда в создании советского блока в период, предшествовавший конфликту. В обоих случаях в той или иной мере использовались цензурные запреты, искусственная селекция и тенденциозная интерпретация документального материала, отсутствие доступа к основным, наиболее важным архивным источникам.

Лишь с падением прежних запретов в России и восточноевропейских странах стали появляться первые исследования по данной проблематике, основанные на ранее недоступных архивных материалах и содержащие попытку более адекватного взгляда на те или иные стороны формирования блока³. Это направление продолжает и данная статья.

Образование советского блока базировалось прежде всего на двух факторах. Первым было единство социально-политических целей режима, существовавшего в СССР, и целей компартий, вставших у власти в странах Восточной Европы, общность их основных представлений о методах достижения этих целей – “построения социализма” в каждой из стран и его расширения на мировой арене, борьбы против “империализма”. Вторым фактором являлась организационная связь компартий с Советским Союзом как мировым коммунистическим центром, сложившаяся еще со времени Коминтерна. Выросшая из доктринально-политических основ коммунистического движения эта связь на завершающем этапе второй мировой войны приобрела особое значение применительно к компартиям Восточной Европы ввиду той важнейшей роли, которую играл СССР в установлении и поддержке их господствующего положения. В большинстве стран региона советское военное присутствие и включение этих государств в орбиту политического контроля Москвы имело решающее значение для прихода коммунистов к власти. Даже в Югославии и Албании, где коммунистические режимы выросли на собственной основе, политическая поддержка СССР (подкрепленная в Югославии также временным участием советских войск в освобождении северо-восточной части страны от фашистской оккупации осенью 1944 г.) в огромной мере способствовала созданию условий, при которых движения, руководимые там компартиями, смогли не только одержать военно-политическую победу, но закрепить ее и стабилизировать международное положение образованных ими режимов.

Указанные выше факторы во многом предопределили направленность и характер формирования блока.

Они обусловили обоюдную заинтересованность Москвы и “народных демократий” Восточной Европы, в той или иной степени руководимых коммунистами, в тесном блоковом объединении. Коммунистические лидеры стран региона видели в таком объединении, и прежде всего в Советском Союзе как ядре формирующегося блока, поддержку и опору в укреплении политического, военного, экономического, международного положения своих режимов, а также в общем противостоянии “мировому империализму”. На тот момент подобного рода противостояние понималось лидерами “народных демократий” Восточной Европы как противодействие политике Запада, пытавшегося препятствовать установлению коммунистического господства в странах региона. Советское руководство со своей стороны рассматривало создание блока как распространение – за пределами советских границ – “социалистической системы”, аналогичной существовавшей в СССР, а тем самым и сферы своего влияния и контроля. Характерно в этом смысле известное свидетельство Милована Джиласа о высказывании Сталина, сделанном в апреле 1945 г. в узком кругу на ужине в честь приехавшего в Москву Тито: “В этой войне не так, как в прошлой, а – кто займет территорию, тот навязет и свою социальную систему. Каждый навязет свою систему там, куда дойдет его армия”⁴.

Образованию блока, нередко обозначавшемуся тогда в советском политическом лексиконе как объединение или союз славянских народов, Сталин, как и коммунистические лидеры “народных демократий”, придавал серьезное значение в качестве инструмента противостояния “империализму”. Это относилось не только и даже не столько к конкретной обстановке 1944–1945 гг., сколько к будущему военному столкновению с “капиталистическим миром”, которое он считал неизбежным. Об этом Сталин говорил на том упомянутом выше ужине в честь Тито и на состоявшемся двумя с половиной месяцами раньше, 28 января 1945 г., ужине с руководящими деятелями Югославии и Болгарии, о котором известно из дневника Георгия Димитрова⁵, возглавлявшего тогда Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б). Хотя в обоих случаях кремлевский правитель связывал перспективу будущего столкновения и с возможным возрождением угрозы со стороны Германии, когда последняя оправится от поражения и вновь встанет на ноги, однако в своих высказываниях 28 января 1945 г. он сделал особый упор на неизбежность конфликта с западными союзниками. “Кризис капитализма, – записал Димитров слова Сталина, – проявился в разделении капиталистов на две фракции – одна фашистская, другая – демократическая. Получился союз между нами и демократической фракцией капиталистов, потому что последняя была заинтересована не допустить господства Гитлера, так как это брутальное господство привело бы рабочий класс до крайности и до свержения самого капитализма. Мы теперь с одной фракцией против другой, а в будущем и против этой фракции капиталистов”⁶.

По свидетельству Джиласа, в апреле 1945 г. Сталин считал, что новая война может разразиться через 15–20 лет⁷. Год с лишним спустя, во время беседы с болгарскими руководителями в начале июня 1946 г., он сказал, что передышка до новой войны продлится примерно 10–15 лет⁸. Но независимо от того, какие конкретные сроки Сталин называл в том или ином случае, неизменным было главное – нацеленность на неизбежность такого военного столкновения и стремление к образованию блока как важного фактора в предстоящей конфронтации.

Что касалось практического формирования структуры блока и системы внутривблоковых отношений, то, как свидетельствуют изученные автором многочисленные документы из отечественных и восточноевропейских архивов (в Белграде, Варшаве, Софии, Праге), стержнем формирования, главной конструкцией блока стало складывание системы двусторонних взаимосвязей СССР с каждой из “народных демократий”. Эти связи, вместе взятые, представляли собой “лучевую систему”, сходящуюся к одному центру – Москве, занявшей доминирующую позицию в регионе. Правда, наряду с такой центральной конструкцией возникновение “народных демократий” сопровождалось начавшимся установлением связей и между ними самими, как правило, тоже на двусторонней основе. Однако подобные связи имели, особенно в первое время, сугубо локальный характер, поскольку не объединялись непосредственно каким-то общим центром. Это особенно видно на примере треугольника Югославия–Болгария–Албания, где до конфликта 1948 г. отношения между тремя упомянутыми коммунистическими режимами были самыми интенсивными в Восточной Европе. Но и они оставались локальными, в крайнем случае – субрегиональными, хотя сами по себе являлись одним из важных признаков блокообразования⁹. Отношения же каждого восточноевропейского режима с Москвой, сходясь в едином центре, складывались тем самым в общевблоковую систему, включавшую в свою орбиту все “народные демократии”. Именно эти отношения были той практической структурой, через которую осуществлялась взаимосвязь в рамках всего блока. Вот лишь один, но более чем красноречивый пример. Только Москва имела в тот период специальную секретную радиотелеграфную связь с коммунистическими руководствами в восточноевропейских странах. Сами же руководства такой связи между собой не имели, за единичными исключениями: например, – между Тито и Димитровым. И в случае необходимости быстрого оперативного контакта коммунистические лидеры Восточной Европы должны были сноситься друг с другом через Москву¹⁰.

Подобная “лучевая” структура, ставшая практическим организационно-политическим стержнем советского блока, образовалась во многом на той системе отношений между Москвой и восточноевропейскими компартиями, которая существовала к моменту, когда

эти партии начиная с 1944–1945 гг. стали превращаться в правящие.

Хотя Коминтерн официально был распущен в начале июня 1943 г.¹¹, на самом деле он в несколько реорганизованном виде продолжал действовать по крайней мере до поздней осени 1945 г. Центральный аппарат исполкома Коминтерна, его президиума и секретариата и система связи руководства Коминтерна с компартиями были подчинены созданному сразу после декларированного роспуска Коминтерна Отделу международной информации ЦК ВКП(б). Решение об образовании отдела было принято на совещании у Сталина вечером 12 июня 1943 г., где присутствовали некоторые из членов и кандидатов в члены политбюро ЦК ВКП(б) (Молотов, Ворошилов, Микоян, Берия, Маленков, Щербаков) и Димитров, зафиксировавший это в своем дневнике¹². На следующий день это решение было оформлено как постановление политбюро ЦК ВКП(б)¹³. Практически на отдел возлагались задачи продолжения той деятельности, которую до этого осуществляли руководящие органы Коминтерна. Постановление имело сугубо секретный характер, отдел был учрежден без какой-либо огласки. Его заведующим назначил кандидата в члены политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова, а заместителями – Георгия Димитрова и Д.З. Мануильского.

В отличие от прежнего положения, когда в руководящих органах Коминтерна работали представители компартий разных стран, ОМИ ЦК ВКП(б) укомплектовывался только из советских сотрудников. Единственным исключением стал Димитров, которому с самого начала фактически поручили возглавить работу отдела, Щербаков в сущности являлся заведующим номинально. В конце декабря 1943 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о реорганизации отдела, в результате чего Димитров официально занял пост заведующего¹⁴. Он остался на этой должности и после новой реорганизации в июле 1944 г., когда постановлением политбюро ЦК ВКП(б) было окончательно закреплено место отдела международной информации в организационной структуре ЦК¹⁵. Свой пост Димитров занимал вплоть до отъезда из СССР в Болгарию в ноябре 1945 г. Остальные иностранные коммунисты, которые до ликвидации Коминтерна работали в его центральных органах в Москве, после роспуска стали работать в подчиненной Отделу международной информации структуре, созданной на основе бывшего аппарата Коминтерна. Эта структура состояла из ряда звеньев, основное место среди которых занимали так называемые специальные институты: институт № 99, чьей задачей была пропагандистская и кадровая работа среди военнопленных; институт № 100 – бывший отдел специальной связи Коминтерна, по-прежнему осуществлявший связь с компартиями через систему секретных радиопередатчиков и нелегальных курьеров; институт № 205, охвативший бывшие коминтерновские редакции ра-

диовещания на различные страны и группы информации по странам и компартиям. Наряду с иностранными коммунистами в перечисленных “институтах” было значительное число советских сотрудников, в том числе среди руководящих кадров. Особой частью структуры, подчиненной ОМИ ЦК ВКП(б), являлись так называемые заграничные бюро ряда компартий, образованные в Москве. Они представляли собой фактически руководящие органы компартий европейских стран, находившихся в то время под фашистским господством¹⁶.

Реорганизованный таким образом механизм бывшего Коминтерна, теперь уже не только фактически, но и прямо ставший частью советского партийного аппарата, продолжал прежнюю деятельность по руководству коммунистическим движением в соответствии с линией, определявшейся Кремлем. Это относилось и к компартиям Восточной Европы. Многочисленные архивные документы ОМИ ЦК ВКП(б)¹⁷ и дневник Димитрова свидетельствуют о том, что положение в странах Восточной Европы, долгосрочные цели и конкретные текущие задачи компартий этого региона занимали одно из главных мест в работе отдела. Важнейшую часть из подчиненных ему заграничных бюро составляли бюро компартий восточно-европейских стран. Их деятельность находилась в ведении референтов по соответствующим странам, работавших непосредственно в самом отделе¹⁸. В ряде случаев, как было, например, с компартиями Румынии или Польши, заграничные бюро создавались просто решением ЦК ВКП(б), без участия руководства соответствующей партии, действовавшего в своей стране¹⁹. Исключением являлись компартии Югославии и Албании: в Москве не было их заграничных бюро. Через действовавшую радиосвязь ОМИ ЦК ВКП(б) и лично Димитров сносились непосредственно с руководством КПЮ²⁰. Связь с руководством КП Албании осуществлялась через ЦК КПЮ, поскольку Москва считала тогда нецелесообразным прямой контакт с албанской компартией и санкционировала политический патронат ЦК КПЮ по отношению к ЦК КПА²¹.

Деятели восточноевропейской коммунистической эмиграции в Москве и органы компартий в самих странах Восточной Европы постоянно получали директивы от Отдела международной информации ЦК ВКП(б) по актуальным политическим вопросам, равно как установки, выработанные советским руководством. Причем в 1944–1945 гг., когда происходило освобождение Восточной Европы от гитлеровской оккупации и прогитлеровских режимов, центральными в этих указаниях становятся проблемы, касающиеся характера власти, которая устанавливалась в странах региона, взаимоотношения коммунистов с другими политическими силами и практической деятельности компартий в новых условиях, задачи укрепления коммунистических позиций. В сущности, не только принципиальные направления политики компартий, но и многие их конкретные шаги либо согласовывались, либо определялись в Москве. Это касалось

даже КП Югославии, которая в большей мере, чем другие, проявляла определенную самостоятельность в своих действиях. И когда, например, в марте 1945 г. югославское коммунистическое руководство при формировании временного правительства страны позволило себе незначительные отступления от того, что было предварительно согласовано в Москве, последняя строго одернула югославов, и те были вынуждены покаяться в “ошибках”²². Что уж говорить о других компартиях, которые в отличие от югославской, могли рассчитывать на власть в своих странах преимущественно за счет советской поддержки. Достаточно сказать, что когда в 1943 г. к руководству компартией в оккупированной гитлеровцами Польше (речь идет о Польской рабочей партии, ППР) пришел Владислав Гомулка, кандидатура которого не была предварительно согласована с Димитровым, в Москве Гомулку в качестве генерального секретаря фактически не признали. Более того, в январе 1944 г. решением политбюро ЦК ВКП(б) был тайно создан из находившихся в СССР польских коммунистических деятелей орган, альтернативный возглавлявшемуся Гомулкой руководству ППР, – Центральное бюро польских коммунистов в СССР. Лишь после своего приезда в Москву летом 1944 г. Гомулка был, наконец, признан. А после вступления в июле 1944 г. Красной Армии в Польшу, когда Кремль поставил у власти так называемый Польский комитет национального освобождения, созданный в Москве при личном участии Сталина, политика этой коммунистической администрации полностью стала зависеть от советских решений. “Посоветоваться со Сталиным” – этот рефрен сопровождал рассмотрение чуть ли не каждого серьезного вопроса на заседаниях польского политбюро в ходе формирования новой власти осенью 1944 г.²³

По мере того как с лета–осени 1944 г. началось установление “народных демократий” и стал происходить захват коммунистами власти в Восточной Европе, иерархическая система отношений компартий региона с Советским Союзом превратилась в одну из непосредственных основ формирования советского блока. При этом, как свидетельствуют архивные документы, посткоминтерновская организационная структура, о которой шла речь выше, продолжала сохранять существенное значение. ОМИ ЦК ВКП(б) по-прежнему выполнял функции контроля за деятельностью компартий, отныне либо участвовавших во власти, либо занявших господствующее положение в странах Восточной Европы. По системе радиотелеграфной шифросвязи отдел систематически запрашивал у компартий информацию об их деятельности, о дальнейших планах, о положении в их странах, получал от партий соответствующие отчеты, направлял им разного рода указания, которые советское руководство считало в тот или иной момент необходимыми²⁴. Наряду с шифроперепиской другой важной формой контроля и руководства компартиями стали с этого времени периодические поездки восточноевропейских ком-

мунистических деятелей в Москву для рассмотрения более важных текущих вопросов. Весьма часто обсуждения проходили в отделе у Димитрова или его ближайших сотрудников. Помимо специального рассмотрения конкретных вопросов и принятия по ним определенных решений, приезжавшие коммунистические руководители из Восточной Европы должны были, как и представители других компартий, выступать на заседаниях отдела с общей информацией о положении в своей стране и политике компартии. Как видно из хранящихся в архивах протокольных записей или стенограмм таких по сути отчетов восточноевропейских коммунистических лидеров, в ходе этих заседаний Димитров высказывал оценки услышанного, давал рекомендации²⁵.

Например, когда делавший 26 января 1945 г. информационный доклад первый секретарь компартии Болгарии Трайчо Костов упомянул о том, что оппозиционный коммунистам лидер Земледельческого союза Гемето попросил визу на выезд из Болгарии и что болгарское коммунистическое руководство склонно пойти на такой шаг, полагая этим облегчить свою деятельность в стране, Димитров возразил, что за границей Гемето будет гораздо вреднее, и указал Костову, что, если Гемето начнет очень мешать в стране, нужно просто посадить его в тюрьму²⁶. Характерно и другое замечание Димитрова, которое он сделал Гомулке во время информации последнего на заседании отдела 10 мая 1945 г. В ответ на слова Гомулки о том, что противники “народной демократии” в Польше обладают сильными позициями среди населения и ведут острую борьбу против коммунистов, Димитров обвинил польское коммунистическое руководство в том, что оно не применило достаточно крутых карательных мер. На попытку Гомулки объяснить, что политическую работу среди населения для нейтрализации антикоммунистической волны невозможно подменить мерами террора и что массовые аресты, заключения в концлагеря не решат проблемы, Димитров отреагировал репликой – “без концлагеря не обойдешься”. После чего Гомулка вынужден был оправдываться, заверяя, что “у нас есть концлагерь”²⁷.

В особенно важных случаях вопросы с приезжавшими в Москву восточноевропейскими коммунистическими деятелями рассматривались не только у Димитрова, но и на более высоком уровне, вплоть до Молотова и самого Сталина. Судя по архивным материалам, в 1944–1945 гг. это касалось больше всего проблем Польши²⁸. Но неизменно очень серьезное внимание уделялось и другим странам региона. Исследование обсуждавшихся при этом вопросов позволяет выяснить и тот принципиальный круг задач, которые стали решаться в рамках формирующегося советского блока. Во-первых, это была, как в случае с Польшей, задача обеспечения коммунистической власти в странах Восточной Европы и осуществления компартиями внутривластной линии, отвечавшей замыслам

Кремля. Во-вторых, – задача проведения “народными демократиями” внешнеполитического курса, соответствовавшего советским планам, прежде всего в отношениях с западными державами: примером этого, в частности, являлись политика, касавшаяся польского и югославского вопросов в антигитлеровской коалиции. В-третьих, – задача строгого регулирования Москвой отношений между восточноевропейскими странами блока, обязательный для всех них советский арбитраж по поводу возникающих между ними взаимных претензий и спорных вопросов. Примером последнего было рассмотрение советским руководством (лично Сталиным в конце 1944 – начале 1945 г.) проблемы отношений между Югославией и Болгарией (планы создания федерации южных славян), а также югославских территориальных претензий почти ко всем пограничным странам, включая оказавшиеся в советской орбите Болгарию, Румынию и Венгрию²⁹.

Эти три принципиальные направления советских устремлений в рамках блока получили дальнейшее развитие после завершения второй мировой войны, причем организационно в механизме функционирования блока происходили определенные изменения.

С освобождением стран Восточной Европы от гитлеровского господства и начавшимся установлением режимов так называемой народной демократии в процесс формирования блока включилась вся многоотраслевая система советских ведомств, развернувших активную деятельность в регионе. Это были военные, дипломатические, экономические, идеологические структуры СССР, его органы разведки, репрессивных служб (НКВД–МВД–МГБ). Их усилия и взаимодействие с восточноевропейскими компартиями и – чем дальше, тем больше – с государственными органами “народных демократий” создавали тот реальный повседневно действовавший разветвленный механизм, с помощью которого создавалась блоковая связь стран Восточной Европы с Советским Союзом как центром – законодателем блока³⁰. В этой многоканальной деятельности советских ведомств, направлявшейся и координировавшейся советским руководством, особую роль продолжал играть и тот специфический канал контроля за компартиями, которым почти до конца 1945 г. являлся ОМИ ЦК ВКП(б).

После того как работавшие в этой структуре европейские коммунистические деятели, находившиеся в Советском Союзе в эмиграции, в том числе и восточноевропейские, включая самого Димитрова, вернулись в свои страны, отдел был реорганизован в чисто советский орган. Он стал называться с начала 1946 г. отделом внешней политики (ОВП) ЦК ВКП(б) и его возглавил М.А. Суслов. В отношении восточноевропейских стран и их компартий функция реорганизованного отдела, работавшего теперь параллельно с другими советскими органами, не была столь ключевой, как у его предшественника. В частности, из архивных документов видно, что после ре-

организации, в 1946 – начале 1947 г. ОВП был потеснен в восточноевропейских вопросах министерством иностранных дел, что вызвало жалобы Сулова вышестоящим советским руководителям³¹. Тем не менее отдел являлся важным инструментом наблюдения за деятельностью компартий региона, а отчасти выработки и передачи им советских установок по различным вопросам. С этой целью по-прежнему использовались специальная радиотелеграфная шифросвязь с каждым из коммунистических руководств Восточной Европы и встречи с систематически приезжавшими в Москву представителями компартий. Новым методом стали частые поездки сотрудников отдела в страны региона, где они знакомились с положением дел и работой компартий, на месте обсуждали актуальные проблемы с их функционерами и лидерами, передавали им советские рекомендации. По результатам по сути инспекционных поездок, в отделе составлялись информационно-аналитические записки, которые нередко направлялись советскому руководству и могли повлиять на его позицию и принятие соответствующих решений³².

В не меньшей, а в еще большей мере подобного рода инспекционно-контрольные функции, но на постоянной основе, осуществлялись дипломатическими представительствами СССР, различными его экономическими, пропагандистскими и прочими учреждениями, корреспондентами, советниками и другим многочисленным советским персоналом в восточноевропейских странах “народной демократии”. Частично они играли и роль каналов воздействия Москвы на деятельность компартий и государственных органов этих стран, через которые внедрялись оценки, мнения, желания Кремля³³.

Как свидетельствуют архивные документы, в большей или меньшей степени систему подчиненности советскому патрону принимали – или мирились с ней – руководящие деятели всех восточноевропейских компартий и утверждавшихся, где быстрее, а где более постепенно, коммунистических режимов. Особенно старались продемонстрировать свою лояльность такие наученные годами эмиграции в СССР коммунистические лидеры, как, например, Димитров, Ракоши, Готвальд. Дело доходило почти до анекдотических ситуаций, подобных той, что произошла весной 1947 г., когда инструктор ОВП ЦК ВКП(б) Ф.Т. Константинов приехал в Болгарию с заданием подготовить аналитическую статью об экономической политике болгарской компартии, предназначенную для закрытого бюллетеня ЦК ВКП(б). Димитров, выразивший готовность оказать Константинову всемерное содействие в сборе необходимого материала, высказал даже пожелание, чтобы статья с “глубоким анализом” содержала, помимо прочего, и “критические замечания” по поводу экономической политики возглавляемой им партии³⁴. Такая сервильность выглядела особенно нарочитой, если учесть, что лишь двумя годами раньше тот же Димитров, будучи тогда заведующим отделом между-

народной информации ЦК ВКП(б), принимал молодого Константинова на работу в аппарат ЦК и был его начальником.

Советское руководство требовало от “народных демократий” и тамошних компартий дисциплинированного проведения нужной Кремлю внешней политики – как в отношениях с Западом, так и в важных вопросах отношений между самими странами Восточной Европы. Причем это касалось не только тех государств региона, где уже возникли по сути коммунистические режимы, но и тех, где до определенного времени таких режимов еще не было – в Венгрии до лета – осени 1947 г. или в Чехословакии до февраля 1948 г.

Так, в июле 1946 г., а затем ультимативно в феврале 1947 г. Москва, вопреки довольно серьезным чехословацко-польским противоречиям из-за Тешина, потребовала от конфликтующих сторон, в том числе от правительства Чехословакии, заключить чехословацко-польский договор о дружбе и взаимопомощи³⁵. В результате договор в марте 1947 г. был подписан.

Еще более характерный пример: грубый нажим Сталина на чехословацкое правительство, включая лидера КПЧ Клемента Готвальда, возглавлявшего правительство, в связи с планом Маршалла в июле 1947 г. Под этим нажимом Праге пришлось отказаться от намечавшегося участия Чехословакии в переговорах по осуществлению плана Маршалла³⁶. По поводу позиции, которую следовало занять по отношению к программе, выдвинутой Джорджем Маршаллом от имени правительства США и поддержанной британским и французским правительствами, советский диктат не ограничился лишь одной Чехословакией. Из архивных документов видно, что Москва давала указания руководителям всех восточноевропейских компартий. Причем, поскольку Кремль сначала колебался, какую конкретно линию поведения избрать, эти указания на протяжении первых дней июля 1947 г. несколько раз менялись. Но от восточноевропейских коммунистических лидеров советская сторона всякий раз требовала следовать ее сменявшим одна другую установкам³⁷. И когда руководство Польской рабочей партии, исходя из заинтересованности Польши в получении некоторой экономической помощи с Запада, попыталось потянуть время и поискать хотя бы какое-то чисто тактическое решение, которое позволило бы Варшаве уклониться от откровенно негативного ответа на план Маршалла, это вызвало серьезное недовольство и подозрения советского руководства. От прибывшего в Москву члена политбюро ЦК ППР Якуба Бермана, принятого 22 июля Сталиным, потребовали объяснений по поводу польской позиции, несмотря на то что Варшава не пошла дальше намерений и на деле дисциплинированно выполнила все советские указания. Берман всячески заверял Кремль в полной лояльности польской коммунистической верхушки³⁸.

Особенно остро Москва реагировала на самостоятельные, не согласованные с ней заранее внешнеполитические инициативы стран

“народной демократии”, которые, по мнению советской стороны, более или менее ошутимо затрагивали либо отношения СССР и его подопечных с Западом, либо положение внутри советского блока. Так, в августе 1947 г. Сталин обрушился с резкой критикой на Димитрова и Тито за то, что они объявили о подготовленном к заключению болгаро-югославском договоре о дружбе и взаимопомощи и тем самым нарушили предшествовавшие советские указания подождать с таким договором до тех пор, пока не будет ратифицирован, в том числе Англией и США, мирный договор с Болгарией³⁹. А когда в январе 1948 г., опять-таки без спроса у Москвы, Тито договорился с Ходжей о вводе югославских войск в Албанию, а Димитров сделал свое известное заявление журналистам о будущем создании федерации и таможенной унии восточноевропейских стран, это привело к еще более резкой советской реакции, в том числе к публичному дезавуированию Димитрова и к жесткой проработке Сталиным и Молотовым руководящих представителей Болгарии и Югославии на секретном совещании с ними в Москве 10 февраля 1948 г.⁴⁰ В результате совещания болгары и югославы подписали по советскому требованию соглашения с СССР об обязательных консультациях по внешнеполитическим вопросам⁴¹.

Такое же обязательство было внесено в договоры о дружбе и взаимопомощи между СССР и Румынией, Венгрией и Болгарией, подписанные в феврале–марте 1948 г.⁴² Этим Москва намеревалась еще больше закрепить лучевую блоковую подчиненность себе во внешнеполитической сфере каждой из “народных демократий”. И нарушение такой подчиненности Белградом, особенно в отношениях с Албанией, стало одной из главных причин острейшего советско-югославского конфликта⁴³.

Что же касалось внутривосточноевропейского развития “народных демократий”, то, насколько видно из архивных документов, по крайней мере до лета 1947 г. Москва в основном стремилась к максимально возможному в конкретных условиях каждой страны в тот или иной момент укреплению и расширению позиций коммунистов в государственной власти. В тех случаях, когда, по мнению советского руководства, какая-то из восточноевропейских компартий допускала ошибки в достижении этой цели, Кремль направлял ее лидерам соответствующие директивы. Например, в начале лета 1946 г. Сталин обвинил руководителей компартии Болгарии в уступчивости оппозиции и партнерам по Отечественному фронту, потребовал сместить некоторых некоммунистических министров, целиком установить контроль над армией, “показать зубы”⁴⁴. Эти требования были выполнены. А осенью 1946 г., когда после парламентских выборов должно было быть сформировано новое правительство Болгарии, Димитров послал Жданову предварительный проект его состава с просьбой сообщить, если у Сталина возникнут замечания по проекту⁴⁵.

С конца лета – начала осени 1947 г. в документах отдела внешней политики ЦК ВКП(б) появляются установки, нацеливавшие восточноевропейские компартии на социалистическое развитие своих стран. Конкретно это было связано с подготовкой к совещанию девяти компартий в Шклярской Порембе (Польша), на котором был создан Коминформ. В ходе подготовки отдел по заданию советского руководства составил в августе – начале сентября 1947 г. информационно-аналитические записки почти о каждой существовавшей тогда компартии, причем особое внимание уделялось компартиям Восточной Европы⁴⁶. В записках содержались как положительные характеристики, так и критика того, что, с советской точки зрения, казалось неудовлетворительным.

Главными критериями оценки положения в той или иной стране при этом являлись степень сосредоточения власти в руках коммунистов, оттеснения, подчинения или фактической ликвидации других политических партий, изменения всей государственной структуры в соответствии с этими целями, масштаб осуществления национализации, т.е. перехода в государственную собственность промышленности, транспорта, финансовой системы и торговли, проведения аграрной реформы в деревне, развития кооперации под контролем компартии. Важнейшим критерием была также степень ориентированности внешней политики на Советский Союз, следования советской линии и советским интересам на международной арене. В качестве стран, которые по этим критериям в наибольшей мере продвинулись по пути “народной демократии”, особенно с точки зрения установления коммунистической доминации и устранения оппонентов, в упомянутых выше записках и других материалах, подготавливавшихся отделом внешней политики ЦК ВКП(б) в связи с совещанием в Шклярской Порембе, наивысших оценок удостоились прежде всего Югославия и за ней Албания. Далее следовали Болгария, ступенькой ниже – Польша, еще ниже – Чехословакия, затем Румыния, а замыкала этот ряд Венгрия. Такая иерархия особо обосновывалась в одном из сводных подготовительных материалов, где проводилось сравнение всех восточноевропейских стран “лагеря” друг с другом⁴⁷.

Те или иные недостатки либо “ошибки” отмечались применительно ко всем компартиям этих стран. Но особо острой критике подвергались коммунистические лидеры Польши и Чехословакии, хотя обе страны в приведенной выше иерархии занимали вовсе не последние места, а находились в центре. В качестве одного из главных пунктов обвинения фигурировали недооценка советского опыта, концепция специфически польского либо чехословацкого пути к социализму, отличного от советского. В польском случае при этом указывалось на заявления Гомулки о неприемлемости диктатуры пролетариата и коллективизации деревни в условиях Польши. В чехословацком случае руководство компартии обвинялось в увлече-

нии парламентской деятельностью, в притуплении борьбы с “реакционерами” в Национальном фронте, говорилось об упущенных коммунистами возможностях более широкой национализации и установления большего контроля над государственным аппаратом и армией⁴⁸. Подобную критику в отношении чехословацкой компартии первоначально планировалось даже включить, вместе с критикой компартий Франции и Италии, в доклад Жданова на совещании в Шклярской Порембе⁴⁹. Но в тот момент было решено этого не делать⁵⁰.

Однако из архивных документов видно, что в начале весны 1948 г. параллельно с начавшейся фабрикацией политико-идеологических обвинений против компартии Югославии Москва вновь вернулась к вопросу о руководстве польских и чехословацких коммунистов. 18 марта отдел внешней политики ЦК ВКП(б), выполняя данное ему задание, представил Суслову, ставшему секретарем ЦК, записку “Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики”⁵¹. Ее содержание стало основой последующих советских писем югославскому руководству, а затем резолюции Коминформа. 5 апреля тот же отдел представил Суслову еще две записки “Об антимарксистских идеологических установках руководства Польской рабочей партии” и “О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии”⁵². В их основе лежала критика, которая уже была намечена в записках августа – начала сентября 1947 г., но теперь она была крайне ужесточена и стала стержнем характеристики руководителей не только польской, но и чехословацкой компартии, несмотря на удачный переворот в феврале 1948 г. И первые, и вторые обвинялись в “антимарксистских установках”, а поляки к тому же – в сползании на позиции национализма.

По своей структуре и тональности обе записки обнаруживали сходство с запиской по Югославии. Это наводит на мысль о возможных замыслах фабрикации, наряду с “югославским делом”, таких же “дел” в отношении коммунистических руководителей Чехословакии и особенно Польши. Одновременно, в конце марта 1948 г., из отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Суслову поступила и записка “О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати”, также развивавшая и усиливавшая критику, появившуюся еще перед совещанием Коминформа 1947 г.⁵³ Правда, она была заметно менее острой, чем записки по Югославии, Польше и Чехословакии, не касалась вопроса о концепции строительства социализма и не инкриминировала венграм “антимарксистские установки”. Но вместе взятые, все эти записки свидетельствовали о стремлении Кремля к резкому ужесточению своего контроля теперь уже, после переворота в Чехословакии в феврале 1948 г., везде над чисто коммунистическими режимами Восточной Европы. И неотъемлемой частью этого

контроля стал курс на полную унификацию их внутреннего развития по советскому образцу. Хотя весной 1948 г. Москва, заинтересованная в поддержке со стороны восточноевропейских коммунистов начавшейся советской атаки на Белград, воздержалась от действий в отношении коммунистических руководителей Польши и Чехословакии, однако через несколько месяцев обвинения, содержащиеся в записке по Польше, были реализованы путем устранения Гомулки. А еще раньше, в ходе подготовки совещания Коминформа в июне 1948 г., отделом внешней политики ЦК ВКП(б) были составлены материалы, в которых почти всем коммунистическим руководителям Восточной Европы была инкриминирована приверженность концепции “национального пути к социализму”. В материалах содержались установки на полный отказ от такой концепции, на развертывание борьбы с “кулачеством”, на усиление репрессивной политики и копирование большевистской модели компартиями⁵⁴. Осуществление этой линии стало одной из основ советского блока.

В подобных условиях создание в сентябре 1947 г. Коминформа, а в январе 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) как формально коллективных органов не привело на деле к возникновению подлинно многосторонней структуры советского блока.

Образование Коминформа планировалось и готовилось советским руководством в полной тайне от остальных восьми компартий, приглашенных на совещание в Шклярской Порембе 22–28 сентября 1947 г. Совершенно неожиданно для них советская сторона явочным порядком предложила создать координирующий орган в виде информбюро, поставив других участников встречи перед необходимостью немедленного ответа и обеспечив тем самым принятие желательного ей решения⁵⁵. Последующая деятельность Коминформа всецело определялась Москвой. Это касалось и всех заседаний, и совещаний представителей компартий – членов Коминформа, и издания его газеты “За прочный мир, за народную демократию!”, и работы созданной в августе 1948 г. постоянной канцелярии секретариата Коминформа. Характерно, что руководство и все политические сотрудники канцелярии, являвшейся постоянным оперативным органом Коминформа, были только советскими, а канцелярия действовала фактически как часть аппарата ЦК ВКП(б). На деле Коминформ стал советским инструментом дополнительного контроля над восточноевропейскими коммунистическими режимами. В его задачи входила организация с территории стран “народной демократии” пропагандистских и иных усилий, направленных против югославского коммунистического режима, отторгнутого от “социалистического лагеря”⁵⁶.

В отличие от Коминформа Совет экономической взаимопомощи по своей организационной структуре, а также по процедуре рассмотрения различных вопросов в большей мере напоминал многосторонний орган. Его деятельность частично отражала не

только советские интересы, но и специфические экономические устремления ряда коммунистических режимов Восточной Европы. Это во многом было связано с особенностями самой сферы работы СЭВ, имевшей конкретно-экономический, а не политико-идеологический характер. Однако, хотя при рассмотрении в рамках Совета ряда вопросов его восточноевропейские участники стремились реализовать те или иные собственные хозяйственные интересы и задачи, что находило отражение в некоторых конкретных решениях СЭВ, тем не менее, как видно из архивных документов, основные направления его деятельности и сколько-нибудь важные решения определялись советской стороной. С первых же шагов организации СЭВ Москва фактически продиктовала остальным его членам меры по разрыву экономических связей с Югославией и по установлению контроля над торгово-экономическими отношениями каждой из восточноевропейских стран с государствами вне “социалистического лагеря”. Тем самым СЭВ сразу же превращался в инструмент политических решений, нужных советскому руководству. В то же время инициированные Москвой первые решения СЭВ – о ценах и многостороннем клиринге между государствами – участниками Совета, о внедрении единой системы стандартизации – практически тоже вели к усилению диктата советской стороны, поскольку ставили рубль в необоснованно преимущественное положение по отношению к восточноевропейским валютам и фактически распространяли на Восточную Европу советские технические стандарты. На практике СЭВ целиком оказывался в советских руках и превращался в своеобразный придаток “лучевой” структуры советского блока⁵⁷.

Характерны и такие многосторонние по форме внешнеполитические акции блока, как совещания министров иностранных дел СССР и “народных демократий” по германскому вопросу в июне 1948 г. и в октябре 1950 г. Решение о проведении первого же из них, состоявшегося в Варшаве 23–24 июня 1948 г., было принято исключительно советской стороной⁵⁸. Остальные страны–участницы встречи, намеченные опять-таки советским руководством, получили уведомление о созыве совещания лишь в самый последний момент. Они даже не знали толком о его цели и не были заранее ознакомлены с проектом его итогового документа, выработанного Москвой. Фактически им отводилась лишь роль статистов, от которых требовалось изобразить “международное” выступление, полностью срежиссированное советскими распорядителями⁵⁹.

Таким образом, советский блок сформировался на завершающем этапе второй мировой войны и в первые послевоенные годы как монолит, всецело управлявшийся из Москвы и обеспечивавший как существование коммунистических режимов, так и господство СССР в Восточной Европе.

¹ *Seton-Watson H.* The East European Revolution. L., 1950; *Fejtö F.* Histoire des démocraties populaires. P., 1952; *Borkenau F.* Der europäische Kommunismus: Seine Geschichte von 1917 bis zur Gegenwart. Bern, 1952; *Ulam A.* Titoism and the Cominform. Cambridge (Mass.), 1952; *Brzezinski Z.* The Soviet Bloc: Unity and Conflict. Cambridge (Mass.), 1960; *Claudin F.* The Communist Movement: From Comintern to Cominform. Harmondsworth (Middlesex), 1975; *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. 2. Aufl. B.; Bonn, 1978 Bd. 3; *McCagg W.* Stalin Embattled, 1943–1948. Detroit, 1978; *Gati Ch.* Hungary and the Soviet Bloc. Durham, 1986; etc.

² Исключением была лишь восточноевропейская диссидентская и эмигрантская историография, преимущественно чехословацкая и польская, которая реализовывалась в “самиздате” или публиковалась на Западе.

³ В числе первых работ см., например: *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991; *Лалков М.* От надежда към разочарование: Идеята за федерацията в балканския югоизток (1944–1949 гг.). С., 1994; У истоков “социалистического сотрудничества”: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / Отв. ред. Л.Я. Гибианский. М., 1995; *Гибианский Л.Я.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // Холодная война: новые подходы, новые документы / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. Частично эта тема рассматривается и в: *Kaplan K.* Československo v RVHP, 1949–1956. Pr., 1995; The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / Ed. N. Naimark, L. Gibianskii. Boulder (Colo.), 1997. Из работ самого последнего времени см., в частности: *Тошкова В.* Великие победители и провалът на проектите за южнославянска федерация след Втората световна война // Историческо бъдеще (София). 2000. Бр. 1–2; *Гибианский Л.Я.* Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12.

⁴ *Đilas M.* Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 75; *Idem.* Revolucionarni rat. Beograd, 1990. S. 423.

⁵ *Đilas M.* Razgovori... S. 75-76; *Idem.* Revolucionarni rat. S. 423; *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). С., 1997. С. 463–464.

⁶ *Димитров Г.* Указ. соч. С. 464.

⁷ *Đilas M.* Razgovori... S. 76; *Idem.* Revolucionarni rat. S. 423.

⁸ БКП, Коминтернъ и македонският въпрос (1917–1946). Съст. Ц. Билярски, И. Бурилкова. С., 1999. Т. II. С. 1268.

⁹ Подробнее см.: *Гибианский Л.Я.* Проблемы международно-политического структурирования... С. 100–112.

¹⁰ См., например: Archiwum Akt Nowych [Варшава] (AAN). KC PPR, 295/VII–247, k. 2, 3–5, 9–10; Arhiv Josipa Broza Tita [Белград]. F. Kabinet Maršala Jugoslavije (AJBT–KMJ). I–3–b/507, l. 2–3; I–3–b/643, l. 2, 4.

¹¹ Постановление президиума исполкома Коминтерна (ИККИ) о роспуске Интернационала было принято и опубликовано в мае 1943 г., а 9 июня президиум ИККИ декларировал прекращение с 10 июня деятельности руководящих органов Коминтерна. Из дневника Димитрова видно, что на самом деле Сталин лично решил распустить Коминтерн в начале мая, а ночью 8 мая об этом было сообщено Молотовым генеральному секретарю ИККИ Димитрову и секретарю ИККИ Мануильскому (*Димитров Г.* Дневник. С. 372). Руководство Коминтерна просто выполнило директиву Кремля. Все действия президиума и секретариата ИККИ по поводу роспуска Ко-

минтерна предпринимались по советским указаниям. Постановления президиума ИККИ о роспуске представлялись на согласование, редактирование и визирование советскому руководству и лично Сталину. Об этом свидетельствуют записи в дневнике Димитрова за май–июнь 1943 г. (Там же. С. 372–375, 378, 379, 380) и архивные материалы Коминтерна (анализ этих материалов см.: *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Роспуск Коминтерна // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / Отв. ред. О.А. Ржешевский. М., 1995. С. 72–85; *Марьина В.В.* Ликвидация или модификация? (Коминтерн. 1939–1943 гг.) // Славяноведение. 1994. № 5). Хотя в официально опубликованных постановлениях президиума ИККИ роспуск Коминтерна обосновывался тем, что нецелесообразно было руководить компартиями из единого центра в условиях специфичности их задач в различных странах, в действительности дело было в стремлении Сталина устранить недовольство западных союзников существованием Коминтерна (подробнее см.: *Гибиацкий Л.Я.* Некоторые неизученные проблемы истории Коминтерна // Коминтерн: опыт, традиции, уроки / Под общ. ред. Ф.И. Фирсова. М., 1989. С. 162–163; *Волков В.К.* У истоков концепции “социалистического лагеря” // У истоков “социалистического содружества”... С. 13–15).

¹² *Димитров Г.* Указ. соч. С. 381.

¹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 59.

¹⁴ Там же; *Димитров Г.* Указ. соч. С. 402.

¹⁵ Основываясь на этом решении политбюро, в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (сейчас – РГАСПИ) при составлении описи документов отдела международной информации ЦК ВКП(б) ошибочно указали, будто отдел стал функционировать лишь с июля 1944 г. Эта ошибка была повторена в “Кратком путеводителе” по архиву, выпущенном уже после его постсоветской реорганизации (М., 1993. С. 17), откуда заимствована рядом исследователей.

¹⁶ Об этой организационной структуре см., например: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 703. Л. 1; также: *Лебедева Н., Наринский М.* Роспуск Коминтерна в 1943 году // *Междунар. жизнь.* 1994. № 7–8.

¹⁷ Эти документы содержатся в РГАСПИ (см., в частности: Ф. 495. Оп. 10, 10а, 73, 74; Ф. 17. Оп. 128), а также в материалах Димитрова, увезенных им при отъезде из СССР в Болгарию в ноябре 1945 г. – Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 1466. Оп. 2.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 703. Л. 1.

¹⁹ См.: Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 460. Л. 2–5; СССР–Польша: Механизмы подчинения. 1944–1949 гг.: Сб. документов / Под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. С. 13–15, 21–25; *Димитров Г.* Указ. соч. С. 402, 403–405.

²⁰ Из этой радиопереписки, которая велась на русском языке, некоторая часть, находившаяся в югославских архивах, была опубликована в Югославии в переводе на сербско-хорватский язык, главным образом в собрании сочинений Тито (см.: *Broz Tito J.* Sabrana djela. Beograd, 1982–1986. Т. 15–25) и в издании документов центральных органов КПЮ (*Izvori za istoriju SKJ.* Ser. A. Т. II: Dokumenti centralnih organa KPJ. NOR i revolucija (1941–1945). Beograd, 1986–1990. Knj. 13–21). Часть переписки, хранящейся

в РГАСПИ, опубликована, см.: Коминтерн и вторая мировая война / Сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1998. Ч. II: После 22 июня 1941 г.

²¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 31. Л. 5; Д. 178. Л. 1; Д. 599. Л. 54, 57.

²² АЖВТ–КМЈ, I–3–b/592; см. также: Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998. С. 421, 422–424; РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 413. Л. 11, 68.

²³ Подробнее об этом см.: *Яжборовская И.С.* “Согласовать со Сталиным”: Советско-польские отношения и проблема внутреннего устройства Польши в конце 1943 – начале 1945 г. // У истоков “социалистического содружества”...

²⁴ Многочисленные материалы такого рода исследовались автором в упомянутых выше коллекциях РГАСПИ, а также в ЦДА. Ф. 16, 36, 1466, 1476; АЖВТ–КМЈ; Архив Југославије (Белград). Ф. 507, ЦК СКЈ; ААН, Biegot (254), КС РРР (295); Státní ústřední archiv в Праге (SÚA). Ряд документов опубликован в таких сборниках, как, например: СССР–Польша: механизмы подчинения; Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. Т. I: 1944–1948 гг.; Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953: Документы. М., 1999. Т. 1: 1944–1948 / Отв. ред. Т.В. Волокитина.

²⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 750, 751.

²⁶ Восточная Европа... Т. I. С. 150.

²⁷ СССР–Польша: механизмы подчинения. С. 117, 119–120.

²⁸ По данным журнала регистрации лиц, принятых Сталиным в его кабинете в Кремле (данные не являются исчерпывающими), в 1944–1945 гг. на долю различных польских деятелей приходилась почти треть всех иностранных посетителей. Подсчеты произведены по: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / Публ. А.В. Короткова, А.Д. Чернева, А.А. Чернобаева // Ист. архив. 1996. № 4. С. 67–114.

²⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 16–22; Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 10. Л. 9–12; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 86–90; АЖВТ–КМЈ, I–3–b/586, l. 1, 2.

³⁰ Обширная документация на эту тему исследовалась автором в архивах России (АВП РФ, РГАСПИ, Государственном архиве Российской Федерации, Центральном архиве министерства обороны, Российском государственном архиве экономики, Архиве бывшего министерства внешних экономических связей Российской Федерации) и ряда восточноевропейских стран (помимо упоминавшихся выше архивов в Белграде, Варшаве, Праге и Софии) отмечу также архивы министерств иностранных дел Польши и бывших Чехословакии и Югославии).

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 846. Л. 53, 63–64.

³² Вся эта деятельность отражена в многочисленных материалах, хранящихся в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 128, и частично в Ф. 575. Оп. 1). В записке на имя Жданова от 1 июня 1946 г. Суслов особо подчеркивал необходимость усиления связей с компартиями и получения как можно большей информации из-за рубежа (см.: Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 846. Л. 60–63).

³³ О функциях послов, сотрудников посольств и дипломатических миссий СССР в странах Восточной Европы можно судить как по записям их бесед с восточноевропейскими лидерами и функционерами (советские записи

исследовались автором в АВП РФ, а записи восточноевропейских собеседников – в упомянутых выше польских, болгарских, югославских и чешских архивах), так и по донесениям и различного рода справкам и отчетам (включая так называемые политотчеты и политписьма), поступавшим из советских дипломатических представительств в Москву, и указаниям, которые отправлялись им из Министерства иностранных дел СССР (эти материалы хранятся в АВП РФ). Об аналогичных функциях, осуществлявшихся работниками других советских учреждений в странах советского блока, в частности корреспондентами ТАСС, Совинформбюро, центральных советских газет и журналов, свидетельствуют, например, их сообщения в ЦК ВКП(б), хранящиеся в РГАСПИ (ряд таких материалов РГАСПИ опубликован, например, в упомянутых сборниках документов: СССР–Польша: Механизмы подчинения; Восточная Европа... Т. I; Советский фактор... Т. 1.). Роль советских советников стала в последние годы получать освещение на основании документов как из российских, так и из архивов восточноевропейских стран. См., например, монографии: *Kaplan K. Sovětští poradci v Československu 1949–1956. Pr., 1993; Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim, 1943–1968. W-wa, 1995.* В ряде стран Восточной Европы значительное число советских представителей было просто зачислено в штаты вооруженных сил и репрессивных органов, где они выполняли командные функции. Особенно много их было в польской армии.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 220. Л. 64–65.

³⁵ Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky (Прага). GS-Kabinet. K. 188, 020 SSSR. C. 149. 154, 9 srpna 1946. S. 1–2; SÚA. F. 100/24. Sv. 99. A.j. 1143. S. 14–16; Восточная Европа... Т. I. С. 492–495.

³⁶ Документы об этом из пражских архивов опубликованы, см.: *Československo a Marshallův plán: Sborník dokumentů / K vydání připravili R. Jičín, K. Kaplan, K. Krátký, J. Šilar. Sešity Ústavu pro soudobé dějiny. Pr., 1992. Sv. 1.* См. также: *Кратки К. Кремлевский запрет: Чехословакия и “план Маршалла” // У истоков “социалистического содружества...”;* *Наринский М.М. Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1998.*

³⁷ На основе документов из АВП РФ и Архива президента Российской Федерации это специально исследовано, см.: *Наринский М.М. СССР и план Маршалла // Холодная война... Советское руководство сначала само намеревалось участвовать в обсуждении плана Маршалла и изменить последний в своих целях; затем оно планировало участие в нем восточноевропейских “народных демократий”, которые должны были на определенном этапе заявить о несогласии и уйти с переговоров, попытавшись увести за собой и некоторые из малых западноевропейских государств. В итоге Кремль решил, чтобы страны Восточной Европы вообще отказались от участия в рассмотрении плана Маршалла.*

³⁸ Во второй половине июня и в течение первой недели июля польское руководство занимало выжидательную позицию и не торопилось сразу выражать негативное отношение к плану Маршалла. Когда же Москва решила, что восточноевропейские страны не должны участвовать в парижском обсуждении относительно осуществления американской программы, политбюро ЦК ППР попыталось заручиться согласием СССР на то, чтобы Польша не прямо отказалась от плана Маршалла, а направила бы прави-

тельствам Англии и Франции запрос, включающий два заведомо неприемлемых для Запада условия. Протоколы заседаний политбюро ЦК ППР 21 июня и 3 июля 1947 г. (AAN. KC PPR. 295/V–3. К. 94, 99) и памятная записка Бермана А.А. Жданову 23 июля 1947 г., составленная в связи с беседой у Сталина 22 июля 1947 г. и разосланная Ждановым Сталину, Молотову, Берия, Микояну, Маленкову и Вознесенскому, находящая среди материалов Жданова, поступивших в РГАСПИ из Архива Президента РФ).

³⁹ АЖВТ–КМЖ. 1–2/17. л. 70; ЦДА. Ф. 1466. Оп. 4. А.е. 689. Л. 19. Подробнее см.: *Гибианский Л.Я.* Проблемы международно-политического структурирования... С. 106–107.

⁴⁰ Это на основе архивного материала подробно рассматривалось автором в серии работ автора “К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.” См.: Рабочий класс и совр. мир. 1990. № 2, 5; Сов. славяноведение (с 1992 г. – Славяноведение). 1991. № 3, 4; 1992. № 1, 3; см. также: *Gibianski L.* The 1948 Soviet–Yugoslav Conflict and the Formation of the ‘Socialist Camp’ Model // *The Soviet Union in Eastern Europe, 1945 – 89* / Ed. O.A. Westad, S. Holtsmark, I. Neumann. L.; N.Y., 1994.

⁴¹ Советско-болгарские отношения, 1944–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969. С. 405–406; На пороге первого раскола в “социалистическом лагере”: Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии. 1948 г. / Публ. Л.Я. Гибианского, В.К. Волкова // Ист. архив. 1997. № 4. С. 109.

⁴² Внешняя политика Советского Союза, 1948 год: Документы и материалы. М., 1950. Ч. I. С. 54, 129; Советско-болгарские отношения... С. 412.

⁴³ Подробнее об этом см.: *Гибианский Л.Я.* От “нерушимой дружбы” к беспощадной борьбе: модель “социалистического лагеря” и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков “социалистического содружества”... С. 187–194, 198–202; *Gibianski L.* The Beginning of the Soviet–Yugoslav Conflict and the Cominform // *The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947, 1948, 1949.* Milano, 1994. P. 470–472, 474–476 (Fondazione Feltrinelli – Annali, Anno 30).

⁴⁴ См. записи бесед Сталина с Димитровым, Коларовым и Костовым 5 июня 1946 г. (БКП, Коминтернът... Т. II. С. 1268–1269) и с Тито 27 мая 1946 г. (Последний визит Й. Броза Тито к И.В. Сталину: Советская и югославская записи беседы 27–28 мая 1946 г. / Публ. Л.Я. Гибианского и Ю.Г. Мурина // Ист. архив. 1993. № 2. С. 27).

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 138. Л. 151–151об.; см. также: Восточная Европа... Т. I. С. 539–541.

⁴⁶ Всего было составлено около четырех десятков записок о действовавших тогда компартиях (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 7–43), из них семь – о “народных демократиях” и их компартиях: Д. 9 (Албания), 11 (Болгария), 14 (Венгрия), 32 (Польша), 33 (Румыния), 39 (Чехословакия), 41 (Югославия) (некоторые части из записок о Югославии и Чехословакии опубликованы. См.: Восточная Европа... Т. I. С. 704–709; Советский фактор... Т. I. С. 496–503).

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 3. Л. 103–116.

⁴⁸ Там же. 1. Д. 32. Л. 26–28; Д. 39. Л. 21–29. По этим параметрам Чехословакия ставилась в самый конец списка “народных демократий”, хотя по совокупным оценочным критериям, как уже говорилось, фигурировала в упомянутой выше иерархии восточноевропейских стран вовсе не на послед-

нем месте. См.: *Гибанский Л.Я.* Политика Сталина в Восточной Европе, Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны / Под ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. М.; Арзамас, 2000. С. 155–161.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 90. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Л. 10.

⁵¹ Восточная Европа... Т. I. С. 787–800.

⁵² СССР–Польша: механизмы подчинения. С. 229–246; Восточная Европа... Т. I. С. 831–858.

⁵³ Восточная Европа... Т. I. С. 802–806. Сравни: РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 14. Л. 42.

⁵⁴ Восточная Европа... Т. I. С. 891–897; Советский фактор... Т. 1. С. 589–618.

⁵⁵ Подробнее см.: *Гибанский Л.Я.* Как возник Коминформ: по новым архивным материалам//Новая и новейшая история.1993, № 4.

⁵⁶ На основе архивных материалов данная проблема рассматривалась автором, в частности, в работах: *Гибанский Л.Я.* Коминформ в действии. 1947–1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1, 2; *Он же.* Коминформ в зените активности: создание организационной структуры и третье совещание // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / Ред. Г.М. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я. Гибанский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998. См. также: *Адиебеков Г.М.* Коминформ и послевоенная Европа, 1947–1956 гг. М., 1994.

⁵⁷ Образование и первый год деятельности СЭВа отражены в протоколах его учредительного совещания, первой и второй сессий, заседаний Бюро и комиссий, в различных рабочих материалах этих органов (Российский государственный архив экономики. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1, 2, 8–10, 12, 79–83; Оп. 13. Д. 3 и др.); см. также: *Kaplan K.* Ceskoslovensko RVHP.

⁵⁸ Оно было задумано Москвой еще в марте 1948 г. как политико-пропагандистский противовес решению относительно создания западногерманского государства, принятому на конференции шести западных держав в Лондоне 23 февраля – 6 марта 1948 г. (см.: *Наринский М.М.* Берлинский кризис 1948–1949 гг.: Новые документы из российских архивов // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 20–21).

⁵⁹ См.: АЖВТ–КМЖ. I–3–с/13. I. 1–6; бывший Arhiva Saveznog sekretarijata za inostrane poslove [Белград]. Politička arhiva. F–IX. 1948. Str. Pov. 1657, 1658.

**СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
И НАСТРОЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
(вторая половина 1940-х годов)**

Зарождение в 1920-е годы фашизма и его последующее утверждение в целом ряде европейских государств, равно как и экономическая депрессия 1929–1933 гг. обозначили кризис индустриальной цивилизации, поставили человечество перед необходимостью совершенствования не только механизмов регулирования экономики, но и существующих политических систем (в первую очередь речь идет о выработке надежных средств, способных предохранить от широкой экспансии нацистской идеологии). Другой вызов был брошен либеральной демократии со стороны большевистского режима СССР, достигшего – хотя и ценой огромных человеческих жертв – весьма высокого промышленного и военного потенциала, что наглядно показала роль Советского Союза во второй мировой войне.

Только тотальный крах гитлеризма в результате войны открыл перспективы для воплощения в жизнь разработанных в теории новых моделей общественного устройства. Осмысляя пережитый опыт, извлекая уроки из свершившегося, различные политические силы послевоенной Европы (христианско-демократические, либеральные, социал-демократические и т.д.) предлагали разные проекты реформирования довоенных систем. Изучение программ политических партий, публицистики первых послевоенных лет позволяет говорить о том, что фактически в каждой из стран, переживших войну, стремление к поиску новых общественных форм, глубокому (хотя и по-разному понимаемому) обновлению духовной, политической жизни превалировало над верностью довоенным образцам, сохранением преемственности с ними. Критика идеологических установок и политической практики Веймарской Германии, где защитные механизмы против наступления фашизма так и не были выработаны, становится одним из стержневых направлений европейской общественной мысли. Причем стремление к разрыву с наследием предшествующей эпохи было характерно для настроений интеллигенции не только в странах с тоталитарным и авторитарным прошлым, но, к примеру, и в Чехословакии, чей политический режим 20–30-х годов по праву считался одной из наиболее совершенных форм тогдашней демократии. Как последователи взглядов Т.Г. Масарика из национальной социалистической партии, так и социал-демократы, сторонники иных идеологий обращаются к критическому осмыслению пути, пройденного страной между войнами.

Можно говорить о том, что духовная атмосфера послевоенной Европы располагала к переоценке многих ценностей, казавшихся ранее незыблемыми, появлению нового взгляда на культурно-историческое наследие той или иной нации. В каждом из регионов и в каждой из стран эта переоценка приобретала свое, обусловленное конкретным историческим опытом, звучание. Так, в государствах – наследниках монархии Габсбургов, на протяжении веков связанных более или менее тесными узами с немецкой культурой, в настроениях интеллигенции проявилась тяга к отмежеванию от традиции, ориентировавшей на близость с Германией. Естественная причина этого заключалась в той роли, которую играла Германия в мировой политике в 1933–1945 гг. Многие факты свидетельствуют о резком усилении германофобии в странах, испытавших ужасы войны. “Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами”, – отмечалось, например, в докладной записке политуправления советских войск, адресованной в ЦК ВКП(б) летом 1945 г.¹ Подобные же настроения были характерны и для поляков. Летом 1945 г. представитель политорганов Красной Армии в Польше доносил в Москву Г. Димитрову, возглавлявшему в то время отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б): “В последнее время положение на бывших территориях Германии, отошедших к Польше, резко ухудшилось... Не прекращается, а, наоборот, усиливается ограбление немцев со стороны польского населения, участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев, оскорблений”². В аналогичном донесении, написанном примерно через год, читаем: немцы на территории Польши не являются “полноправными гражданами, и поляки считают, что немец должен знать только станок и койку”³. Ясно, что послевоенный курс чехословацкого и польского правительств на переселение нескольких миллионов немцев в пределы новых границ Германии находил почти всеобщую поддержку населения этих стран. В рапорте политорганов Красной Армии о положении в венгерском городе Дьере (весна 1945 г.) также сообщалось, что “жители города, испытавшие больше, чем в других районах Венгрии, немецкое засилье, выражают резкие антинемецкие настроения”⁴. Даже в Австрии, где накануне войны подавляющее большинство граждан поддержало аншлюс, теперь заметно проявилось стремление многих жителей идентифицировать себя в качестве особой нации, отличной от немцев. Представители советской части Союзнической комиссии по Австрии указывали на многие факты обострения у австрийцев национального чувства⁵.

Массовое сознание в странах Центральной Европы было слишком потрясено войной, чтобы стремление отмежеваться от Герма-

нии могло ограничиться сугубо политической сферой. В чешской и венгерской публицистике (не только коммунистической) первых послевоенных лет остро и подчас с полемическими перекрестками ставился вопрос о том, какие пагубные последствия для развития национальных культур имело многовековое тяготение этих народов к германскому “культурному ареалу”. В отдельных концепциях германское культурное влияние противопоставлялось более благотворному французскому и англосаксонскому⁶. Советские эмиссары в различных центральноевропейских столицах отмечали в своих донесениях, что среди интеллигенции проявлялся интерес к налаживанию культурных связей с Великобританией, Францией, США. “В самое ближайшее время ожидается прибытие в Вену англичан, американцев и французов, которых население ждет с нетерпением, выражая надежду, что они внесут много нового и свежего в культурную жизнь австрийской столицы. Если мы не примем надлежащих мер, то последним не представит труда занять руководящее место в культурной жизни Австрии”, – предупреждал в июле 1945 г. руководство Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) представитель советской военной администрации в Австрии⁷. Аналогичные по содержанию донесения приходили из Варшавы, Праги, Будапешта⁸. Во второй половине 40-х годов среди интеллектуалов стран региона была популярна философия, драматургия и проза французского экзистенциализма – образованная публика увидела в экзистенциалистской концепции личности один из возможных способов сохранения душевного равновесия после всего пережитого в годы фашистского варварства. “Сартровская лихорадка в Венгрии достигла 40 градусов”, – так прокомментировала референт ВОКСа А. Кун информацию о постановке в театрах Будапешта сразу нескольких пьес Ж.П. Сартра и публикации ряда его произведений в журнальной периодике⁹. Воссоздаются и быстро активизируют свою деятельность общества дружбы и культурных связей с западными странами.

Факты свидетельствуют о том, что значительная часть населения стран региона в своих политических симпатиях отдавала предпочтение западным моделям общественного устройства. Так, в Венгрии на относительно свободных выборах в Государственное собрание в ноябре 1945 г. абсолютную победу одержала не скрывавшая своей прозападной ориентации Партия мелких сельских хозяев. В Польше, где в силу ряда обстоятельств не было создано условий для проведения столь же свободных выборов, о широкой поддержке населением некоммунистической альтернативы говорят и массовая социальная база партии С. Миколайчика Польске сторонничество людей, и участие тысяч поляков в непрекращавшемся до конца 40-х годов вооруженном сопротивлении новому режиму.

Но бесспорно и другое. Результаты парламентских выборов, рост численности левых партий свидетельствовали о серьезных

сдвигах в сознании политически активной части населения разных стран. Это было характерным не только для востока Европы, где присутствие Красной Армии в той или иной мере создавало ограничения для свободного выявления политических симпатий, но и для запада континента – Франции, Италии, даже Великобритании, где во второй половине 40-х годов произошел, как известно, основательный пересмотр лейбористских идейных доктрин. Во Франции и Италии коммунисты вошли в правящие коалиции. В Венгрии, где значительная часть жителей еще помнила социалистический эксперимент 1919 г., 17% голосов, полученных коммунистами на выборах, проходивших в ноябре 1945 г. под контролем всех союзных держав, были расценены коммунистическим руководством как поражение. Однако при более объективном взгляде можно скорее охарактеризовать это как успех Коммунистической партии Венгрии (КПВ), свидетельство широкой поддержки в обществе КПВ, только что вышедшей из подполья. Численность венгерской компартии всего за несколько месяцев 1945 г. выросла примерно в 10 раз. Еще более значительного успеха левые силы добились в Чехословакии на выборах 1946 г., также проходивших в условиях относительной свободы.

Подобные перемены в настроениях масс при недостаточной информированности о советской системе и навязывании фальсифицированных представлений о ней создавали питательную почву для усиления симпатий к СССР. Особенно показателен пример Чехословакии, где коммунисты умело использовали в своих целях левые сдвиги в сознании общества. В своей культурной концепции лидеры компартии Чехословакии (КПЧ) делали особый акцент на факте принадлежности чехов и словаков к славянскому миру. В 1945–1946 гг. в прессе и на различных интеллектуальных форумах (в том числе на съезде писателей летом 1946 г.) развернулась дискуссия о путях развития чешской и словацкой культур. При всей несомненности того факта, что идея принадлежности Чехии к славянскому миру в конкретно-исторических условиях второй половины 40-х годов однозначно подразумевала просоветскую политическую ориентацию, многие крупные деятели чешской культуры в ходе дискуссии солидаризировались с концепцией КПЧ. Среди тех, кто поддерживал ее, пусть и с оговорками, были известнейший чешский поэт XX в. В. Незвал, его талантливый собрат по перу Ф. Галас, выдающиеся театральные режиссеры Э.Ф. Буриан и Й. Гонзл, один из основателей всемирно известного Пражского лингвистического кружка Я. Мукаржовский, ряд музыкантов и архитекторов с европейским именем. Подобное увлечение чешской интеллектуальной элиты славянской идеей, свидетельствовавшее о совершенно определенном политическом выборе, едва ли может быть объяснено только страхом перед Красной Армией и смирением перед все более жестким натиском коммунистических сил внутри страны. Гораздо важнее был, на наш взгляд, “мюнхенский синдром”: политика демокра-

тических держав в отношении Праги конца 30-х годов, облегчившая Гитлеру задачу уничтожения чехословацкой государственности, серьезно разочаровала местную интеллигенцию в идейных и моральных основах западной демократии.

Даже применительно к такой стране, как Польша, с характерной для значительной части ее населения стойкой, имеющей глубокие исторические корни русофобией, можно говорить об известных сдвигах в сознании интеллигенции. “Гигантски выросший после войны интерес к славянской принадлежности Польши пришел на смену обычной для исторической науки этой страны акцентировке ее причастности к западноевропейскому культурному кругу”, – отмечает польский исследователь¹⁰. Вопреки всем взаимным обидам, устойчивый интерес части польской публики к русской культуре был вполне реальным фактом и в межвоенный период – контакты двух культур не прерывались даже в те времена, когда политические отношения становились весьма напряженными¹¹. Расширившимися возможностями для культурных связей воспользовались видные деятели польской культуры, которые стремились к установлению контактов с советскими коллегами. В 1946 г. в СССР побывал известный актер и режиссер А. Зельверович, в 1948 г. на 50-летнем юбилее МХАТа – крупнейший польский режиссер Л. Шиллер¹². Таким образом, даже в условиях острой политической борьбы первых послевоенных лет, когда прокоммунистические и антикоммунистические силы отчетливо противостояли друг другу, едва ли можно было говорить о бойкоте русской культуры видными представителями польской творческой интеллигенции. Налаживались двусторонние связи и в области науки. Сделанное 2 февраля 1946 г. заявление посла Польши в СССР В.Г. Деканозову о том, что “польские ученые, возобновившие работу в разрушенных научных учреждениях Польши, лишенных оборудования и библиотек, действительно нуждаются в помощи со стороны советской науки и стремятся завязать с нею контакт”¹³, могло быть воспринято как не более чем тактический ход, имеющий целью снискать расположение соседней великой державы, если бы не находило подтверждения в письмах как от научных коллективов, так и от отдельных ученых¹⁴. В условиях послевоенной разрухи польские ученые в самом деле не могли рассчитывать только на западную помощь и пренебрегать теми, пусть и ограниченными возможностями, которые открывало в деле восстановления материальной базы национальной науки сотрудничество с СССР.

В Румынии еще в 30-е годы среди участников Общества культурных связей с СССР были крупные деятели культуры: композитор и дирижер Дж. Энеску, писатели М. Садовяну, Т. Аргези, Л. Ребряну, ученый-медик К. Пархон¹⁵. После войны эта организация заметно расширила свой актив за счет других влиятельных представителей интеллигенции. Аналогичной была ситуация и в Венгрии, где

во главе Общества связей с СССР стоял ученый-биохимик с мировым именем, лауреат Нобелевской премии А. Сент-Дьерди, впоследствии, по мере нарастания тоталитарных тенденций в политической жизни страны, все более склонявшийся к антикоммунистической оппозиции и в конце концов эмигрировавший на Запад.

Роль СССР во второй мировой войне и победе над гитлеризмом способствовала усилению просоветских настроений среди интеллигенции и более широких кругов общественности во всем мире. Вот что писали члены советской делегации в своем отчете о поездке на международный конгресс юристов в Париж в октябре 1946 г.: “К СССР на Конгрессе господствовало очень благожелательное отношение... Заявление представителя французской делегации... (о том. – А.С.), что Советскому Союзу народы обязаны своим спасением от порабощения фашизмом, было встречено одобрением всего Конгресса, перешедшим в овацию”¹⁶. А в отчете о поездке группы советских кинематографистов на первый Каннский фестиваль в том же 1946 г. отмечалось: хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики “не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры... каждое появление тов. Сталина (при демонстрации одного из советских пропагандистских фильмов. – А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала”¹⁷. Уважительное отношение к СССР проявилось даже в пособии “СССР – порядки, учреждения и народ”, предназначенном для офицеров американской армии, которым предстояло на Эльбе вступить в контакт с советскими солдатами. Как отмечалось в этом документе, за годы войны “мир начал признавать силу правительства и армии Советского Союза, высокий моральный уровень его народа и величину его вклада в наше общее дело”¹⁸. И едва ли был не прав председатель правления ВОКСа В. Кеменов, писавший в августе 1945 г. в докладной, адресованной ЦК ВКП(б), о “происшедшем переломе в признании советской культуры за границей”, который “налагает на ВОКС огромные обязательства”¹⁹.

Необходимо отметить еще и такой момент. Одним из важных следствий второй мировой войны явилось изменение статуса СССР, усиление его роли в международных отношениях. “В противоположность своему положению в конце первой мировой войны, из которой Советский Союз вышел экономически разбитым и политически отверженным, к концу настоящей войны СССР появится на мировой арене, конечно, несколько ослабленный потерями, но по-прежнему сильный, со значительно возросшим престижем и уверенностью в себе и сможет вступить на мировом совете с требованиями, по меньшей мере равными требованиям остальных наций – главных членов победоносной коалиции”, – так, на наш взгляд, довольно точно охарактеризовали послевоенную ситуацию составители уже упомянутого пособия для американских офицеров²⁰. Причем усиление

позиций Советского Союза особенно проявилось в Центральной и в Юго-Восточной Европе, регионах, явившихся в силу своего географического положения объектами внешнеполитических устремлений СССР.

Очевидно, что повышение реального веса Москвы в мировой политике делало актуальной для всего мирового сообщества задачу получения разносторонней информации об СССР. Как справедливо замечает английский исследователь Р. Милибэнд, “восхищение Россией переплелось с совершенно новым интересом к социальной и экономической системе, в условиях которой были организованы военные усилия России”²¹. Сигналы о наметившемся повышении интереса зарубежной общественности к советскому государству отражены в письмах, поступавших в 1945–1947 гг. в ЦК ВКП(б) от советских эмиссаров в разных странах мира. Так, корреспондент “Правды” сообщал весной 1947 г. из Парижа: читатели французских журналов, и не только левых, “предъявляют огромный спрос на ... статьи об СССР, и журналы, не получающие в достаточном количестве таких материалов из СССР, мобилизуют все, что попадает под руку”²². В 1945–1946 гг. объединение Международная книга и Совинформбюро заметно расширили в сравнении с довоенным временем практику заключения договоров на публикацию самой разнообразной литературы об СССР, причем контакт был налажен с издательствами, преследовавшими исключительно коммерческие цели²³.

В странах Центральной Европы, вошедших после второй мировой войны в орбиту советского влияния, интерес к информации об СССР имел особые основания. В этих государствах среди активистов обществ дружбы и культурных связей с Советским Союзом были католические епископы и даже крупные бизнесмены. В Австрии в соответствующем обществе люди бизнеса настолько стали задавать тон, что его руководству пришлось даже осенью 1945 г. специальным документом акцентировать внимание на преимущественно культурном характере этого общества²⁴. В Кракове, где консервативная профессура при поддержке костела бойкотировала все культурные инициативы, исходившие от коммунистов, те же профессора во главе с оппонентом Польской рабочей партии ректором Ягеллонского университета Т. Лер-Сплавинским принимали участие в мероприятиях местного общества дружбы с СССР²⁵. Думается, что в их позиции свою роль играл естественный интерес к державе, которой на долгие годы предстояло определять судьбы народов центральноевропейского региона.

Говоря о Польше, надо отметить и еще один специфический момент. В секретных докладных об антисоветских умонастроениях польской интеллигенции встречаются свидетельства о том, что антикоммунистически настроенные политики и интеллектуалы справедливо видели в СССР главный гарант соблюдения новых польско-германских границ. Надо сказать, что как бы ни была болезненно

воспринята национальным сознанием утрата Польшей одного из главных своих культурных центров – Львова и обширных густонаселенных восточных территорий, но присоединение новых, северо-западных, земель, приобретение морского побережья, а главное, установление гораздо более выгодных границ с Германией и превращение ранее многонационального государства в мононациональное не только в известной мере компенсировали боль утраты, но и создавали польскому государству определенные геополитические и этнополитические преимущества. Одно из донесений, направленных осенью 1946 г. по линии политуправления советских войск, предлагало использовать в антизападной пропаганде то обстоятельство, что фултонская речь Черчилля была с известной настороженностью воспринята даже некоторыми противниками коммунистов, которые усмотрели в ней определенные сомнения в необходимости столь кардинального пересмотра границ между Польшей и Германией²⁶.

Было бы ошибкой полагать, что проведение просоветских пропагандистских мероприятий и создание обществ дружбы инициировались исключительно представителями СССР, а некоммунистическая интеллигенция стран региона выступала лишь в качестве послушного исполнителя их воли. Нередко она проявляла встречную активность. Так, в дипломатическом донесении от 12 апреля 1945 г. отмечалось, что писатель либеральной ориентации Л. Зилахи от имени группы интеллигенции обратился к представителям советской военной администрации в Венгрии с предложением организовать общество друзей СССР²⁷. Такое общество было создано летом 1945 г. Советская сторона с самого начала держала его деятельность под контролем, активно участвовала в налаживании механизма его работы²⁸, выдвигала своих доверенных лиц на ответственные должности в руководстве и одновременно настаивала на удалении из правления тех, кто не устраивал ее по деловым или политическим качествам²⁹. В расчлененной на сферы влияния четырех антифашистских держав Австрии, как было отмечено в одной из докладных, Общество культурной и экономической связи с СССР также действовало “под нашим контролем и организующим влиянием”³⁰.

О встречной активности определенной части некоммунистической интеллигенции свидетельствуют и документы Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Начальник этого Управления С.И. Тюльпанов, человек, судя по другим донесениям, отнюдь не склонный слишком переоценивать степень влияния коммунистических и левых идей на сознание немецких граждан³¹, в декабре 1945 г. докладывал начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову: “...некоторые немецкие литераторы выдвигают проект издания журнала, имеющего целью знакомить немецкую читающую публику с крупнейшими явлениями и достижениями русской классической и советской культуры”. Далее речь шла о том, что из среды интеллигенции по-

ступают многочисленные просьбы о приезде советских ученых, деятелей искусств, о проведении лекций и докладов о современной советской культуре. Театры, продолжал Тюльпанов, запрашивают пьесы советских драматургов и, “даже еще не имея их, зная о них лишь из прессы и радио, уже включают их в свои репертуарные планы”. От театров не отстают издательства, книготорговые фирмы и библиотеки, которые “усиленно ищут пути для получения советской художественной литературы”. В свою очередь, и “музыканты желают получить для исполнения партитуры и ноты... произведений советских композиторов”³². Столь радужная картина, обрисованная Тюльпановым, вызывает некоторое недоверие. Интересно, однако, то, что свидетельства, подобные приведенному выше, сочетаются в донесениях Тюльпанова и его сослуживцев со словами о предвзятом отношении немецкой интеллигенции к СССР, живучести антисоветских настроений³³. Преднамеренная неточность, допущенная Тюльпановым в докладе, могла диктоваться той или иной конкретной целью, например, стремлением обратить внимание руководства на опасность “вытеснения нашего политического влияния англо-американским, так как союзники в последнее время заметно активизировались в области пропаганды среди немцев своей культуры и искусства”³⁴. Относительная справедливость утверждений об интересе немецкой публики к разнородной информации об СССР и советской культуре подтверждается из других источников – архивных фондов ВОКСа и других организаций, где содержатся многочисленные письма, поступавшие из университетских, академических кругов³⁵.

В советских органах, ведавших пропагандой на зарубежье, отдавали себе отчет в том, что повышение интереса широкой общественности за рубежом к СССР открывало новые возможности для расширения масштабов пропагандистской деятельности, формирования в пользу СССР общественного мнения в разных странах мира. В составленной в августе 1945 г. докладной ВОКСа в ЦК ВКП(б) отмечалось: “Необходимо использовать обстановку, ковать железо, пока горячо, чтобы не дать распасться просоветским обществам из-за отсутствия у них материалов об СССР, чтобы не дать остыть интересу деятелей зарубежной культуры к советской науке и искусству из-за отсутствия ответов на их многочисленные запросы”³⁶. А такая опасность действительно существовала. Из разных стран в Москву поступали многочисленные тревожные сигналы, свидетельствовавшие о крайней нерасторопности и некомпетентности тех, кто ведал распространением позитивной информации об СССР, о слабой отлаженности пропагандистского механизма, о невысокой оперативности радиосообщений (например польский и чешский радиослушатель узнавал о важнейших внешнеполитических заявлениях Молотова из западных источников), о низком качестве пропагандистской продукции³⁷. Статьи, присылаемые Совинформбюро, написаны так, что “с трудом используются даже левой печатью”, – сето-

вал в июне 1947 г. посол СССР в Чехословакии В. Зорин³⁸. Не меньшими изъянами отличались статьи, подготовленные ВОКСом. Соответственно был невысоким спрос зарубежных изданий на советскую пропагандистскую продукцию: по некоторым данным, использовалось не более 10% материалов, поступавших от Совинформбюро³⁹. Вместе с тем ВОКС и другие ведомства не отвечали на многие запросы о посылке той литературы, на которую имелся больший спрос. “Здесь нет ни одного русского букваря... В новом учебном году мы собирались начать изучение русского языка в некоторых школах и, к сожалению, не получив от Вас поддержки, не можем этого сделать”, – подобная жалоба, адресованная в ВОКС, весьма характерна для венгерско-советского культурного общества⁴⁰. “Театры часто обращаются в Союзную Контрольную Комиссию за пьесами, но ничего получить не могут”, – говорилось в другом письме из Венгрии⁴¹. Не лучше обстояло дело с прокатом советских фильмов. Активист австрийско-советского культурного общества жаловался в частной переписке: “Совэкспортфильм возглавляется узколобыми коммерсантами и спекулянтами, которые могут с таким же успехом торговать сапожным кремом или свиным салом. Они не имеют ни малейшего представления о громадном политическом и культурном значении кино”⁴². Другой болевой точкой советской пропагандистской машины были поставки специальной, научно-технической литературы, в том числе и по линии межбиблиотечного обмена. В фондах ВОКСа за вторую половину 40-х годов содержится немало писем из стран Центральной и Восточной Европы, отправители которых (научные работники, врачи, инженеры и т.д.) жалуются, что им, вопреки усилению позиций Москвы в регионе, стало труднее получать специальную литературу из СССР, чем до войны⁴³.

Факты свидетельствуют об интересе в странах Центральной Европы не только к русской литературной, музыкальной классике, но и к произведениям советской культуры, пронизанным идеологической тенденциозностью и в то же время не укладывающимся в прокрустово ложе норм сталинской эстетики 40-х годов. Так, в венгерских журналах неоднократно были упоминания о В. Мейерхольде, хотя политическая конъюнктура не благоприятствовала ознакомлению с его творчеством ни при хортизме, ни тем более в условиях политического диктата СССР (ибо выдающийся режиссер пал, как известно, жертвой сталинских репрессий)⁴⁴. Мэтр венгерского авангарда в искусстве поэт и художник Л. Кашшак (социал-демократ по партийной принадлежности, с 1919 г. находившийся в очень сложных отношениях с коммунистами) в издаваемых им журналах широко обращался к опыту левых течений в художественной, театральной и кинематографической жизни СССР 20-х годов. Причем иной раз это был сознательный выбор в пику советским пропагандистским ведомствам, упорно делавшим вид, будто того пласта культуры не существовало. Независимость идейно-политической и эстетиче-

ской позиции Кашшака делала его объектом постоянных нападков со стороны части коммунистической прессы. Явный интерес к революционному авангарду в СССР проявляли и некоторые крупные деятели чешской культуры. Получался парадоксальный феномен: ведомства, отвечавшие за пропаганду за рубежом советской системы ценностей, не только не способствовали, а иной раз даже противодействовали распространению уникальных плодов советской культуры, даже если они не противоречили коммунистическим идеалам. Вот характерный пример. Один из основоположников эстетики кино, выдающийся венгерский критик и драматург Б. Балаж, работавший в эти годы в Будапеште, Праге и Вене, в письме советскому коллеге жаловался на то, что кинозрители стран Центральной Европы лишены возможности видеть лучшие произведения советского кино (например, фильмы С. Эйзенштейна), а те картины, что поступают из СССР, художественно слабы и не находят отклика, заметно уступают в популярности продукции Голливуда. “Я веду здесь упорный бой за советское кино”, – писал Балаж⁴⁵. В отличие от него, советские экспортеры кино не прилагали усилий для продвижения своих фильмов на восточноевропейские кинорынки. В Чехословакии в 1945 г. советские фильмы доминировали в прокате, а в течение двух последующих лет произошло заметное смещение пропорций в пользу западного, в первую очередь американского кино⁴⁶. Схожей была ситуация в Польше и Венгрии⁴⁷.

Культурная экспансия США и других западных держав в Центральной Европе не сводилась только к области кино. Большое значение в их пропагандистской деятельности придавалось поставке специальной литературы (научной, технической, медицинской и т.д.) – завоевание приоритетных позиций в этой области было призвано способствовать усилению прозападной ориентации интеллигенции стран региона. “Обилие английской и американской литературы по вопросам медицины и отсутствие советской литературы может привести к тому, что и та часть врачей, которая настроена просоветски, сможет попасть под нежелательное влияние”, – с обеспокоенностью реагировали в 1946 г. советские эмиссары в Венгрии⁴⁸. Выражение озабоченности по поводу активной пропагандистской деятельности союзников становится общим местом в донесениях из разных стран⁴⁹.

Не только в деле доставки литературы, но и в радиопропаганде, организации выставок, обеспечении прессы информацией советские пропагандистские службы явно не выдерживали конкуренции с американскими, британскими и французскими. В отчете о поездке группы деятелей советской культуры в Австрию и Венгрию летом 1946 г., подписанном главой делегации академиком В. Париним, отмечалось: “Крайне обидным для нас было видеть, насколько бледной выглядит наша работа по пропаганде советской культуры по сравнению с огромной пропагандистской деятельностью американ-

цев и англичан”⁵⁰. Даже полезные с пропагандистской точки зрения начинания часто осуществлялись настолько неумело, что производили обратный эффект. Так, советская военная администрация в Австрии наводнила кинотеатры своей оккупационной зоны фильмами советского производства, дублированными в Берлине. Между тем прусский акцент вызывал у австрийского кинозрителя резкое отторжение и заставлял уходить из кинозалов. Удивительно видеть, как через советское кино “мы сами внедряем в Австрии диалект ее поработителей”, сообщал в своей записке высшим инстанциям побывавший в 1947 г. в Вене писатель П. Павленко⁵¹.

Таким образом, культурная жизнь даже тех стран, где Советский Союз имел политический перевес над западными державами (Польша, Чехословакия и Венгрия), была в первые послевоенные годы полем конкурентной борьбы с США, Великобританией и Францией, поставленными в неравные с СССР объективные условия. Запад старался все-таки использовать все возможности для проникновения своих культур в эти страны и для усиления через культуру своего политического влияния. Эта работа приносила свои плоды, чему способствовали не всегда открытые проамериканские симпатии значительной части населения. Характерно, например, что в самых западных районах Чехословакии, освобожденных американской армией, численность обществ дружбы и культурных связей с США вплоть до февраля 1948 г. была, как правило, выше численности аналогичных просоветских обществ. И это несмотря на то что последние пользовались покровительством все более доминировавших в политической жизни коммунистических сил⁵². О результативности пропагандистских усилий недавних союзников говорит хотя бы тот факт, что вплоть до конца 1948 г. и в Польше, и в Чехословакии на книжном рынке преобладали книги западных авторов⁵³.

Почему сталинскому режиму так и не удалось создать эффективный и конкурентоспособный механизм пропаганды на зарубежье? Конечно, главную роль здесь играли объективные причины – нехватка материальных средств и квалифицированных кадров в разоренной войной стране. Но был и субъективный фактор. В атмосфере страха перед террором, пронизывавшей всю общественную жизнь СССР эпохи сталинизма, чиновники ВОКСа и других учреждений старались не проявлять инициативы и перестраховываться перед принятием любого решения, обращаясь за разрешением в вышестоящую инстанцию. Особенно это проявилось в деятельности советских эмиссаров, работавших за границей. “Личные общения с немецкими политическими кругами, необходимые в интересах работы, прекратились, так как они рассматриваются как факты неблагонадежного поведения. Вследствие названного выше причин сотрудники СВА (Советской военной администрации. – А.С.) боятся и не хотят работать с немцами”, – отмечалось в 1948 г. в докладной записке комиссии ЦК ВКП(б), проверявшей деятельность Управления

информации СВАГ⁵⁴. По результатам проверки комиссия сделала вывод: “Боязнь работы с немецким населением наносит огромный ущерб государственным интересам Советского Союза, в значительной степени сужает наши возможности в деле влияния на немцев и вырастает в политическую проблему огромной важности”⁵⁵.

Особенно бдительно советские пропагандистские службы следили за тем, чтобы за границу не просочилась “устаревшая” (согласно фразеологии того времени), “политически неактуальная” литература, к которой относились в первую очередь книги и статьи, содержавшие упоминания о “врагах народа”. Но вообще трактовка термина “политическая неактуальность” была гораздо более широкой. Бывали случаи, когда к разряду “устаревшей” литературы относили книгу Крупской о Ленине и даже труды классиков марксизма. В одной из работ Энгельса содержится “ряд неправильных положений”, а потому ее распространение нецелесообразно, читаем в письме руководства ВОКСа представителю этой организации в Будапеште (осень 1947 г.)⁵⁶. Поскольку совершались все новые и новые аресты, а просочившаяся за границу информация о них оказывалась в недосыгаемости органов Главлита, в действие вступало иное звено системы идеологического контроля – уполномоченные ВОКСа и других советских пропагандистских ведомств в соответствующих странах. Сохранилось, например, письмо представителя ВОКСа в Венгрии, адресованное начальству, с просьбой выслать списки устаревших фотоматериалов, которые надлежало незамедлительно изъять у редакций получивших их ранее газет – “представительство Совэкспортфильма такую работу уже организовано проводит”⁵⁷. Все-таки советский разрешительный механизм был несовершенен, давал сбой. Случалось, что в органах ВОКСа явно по недосмотру санкционировали отправку книг писателей, находившихся в заключении.

Таким образом, атмосфера страха и всеобщей бдительности негативно сказывалась на эффективности функционирования пропагандистского аппарата, призванного выполнять важную внешнеполитическую задачу – формировать благожелательное по отношению к СССР общественное мнение в зарубежных странах. Принимая решения об отправке тех или иных материалов за рубеж, ВОКС и другие ведомства руководствовались в первую очередь их идеологической выдержанностью, подчас в ущерб эстетическим критериям, что явно не способствовало повышению престижа СССР среди зарубежной интеллигенции. В ответ на запросы чешских издательств опубликовать ту или иную советскую книгу объединение Международная книга “отмалчивается, видимо перестраховываясь и стараясь на международный рынок выбрасывать только такие произведения, которые прошли у нас уже самую высокую апробацию”, – констатировалось в докладной одного из советских литераторов, побывавших в Праге в декабре 1947 г.⁵⁸

Иной раз даже деятели культуры, близкие компартиям, противились насаждению советскими представителями нехудожественной продукции. Так, писатель А. Габор выступил против постановки в венгерском Национальном театре пьесы К. Симонова “Русский вопрос”, не без оснований заявив, что эта пьеса “антихудожественна, агитка и для венгерского зрителя не подойдет”. Поскольку с мнением одного из либреттистов оперетт И. Кальмана не могли не считаться, руководитель театра вернул ее уполномоченному ВОКСа. «Нам пришлось основательно повозиться с т. Габором, чтобы он изменил свою точку зрения на “Русский вопрос”», – докладывал уполномоченный в Москву. В конце концов пьесе решено было поставить⁵⁹. Вообще важно заметить, что местные коммунисты не всегда оказывались хорошими партнерами советских пропагандистских органов. В условиях, когда политическая борьба еще носила открытый характер, чрезмерное усердие в восхвалении СССР могло их скомпрометировать как силу, служащую инациональным интересам. На это, кстати, неоднократно указывали в своих отчетах советские наблюдатели. “Недопустимо пассивная тактика компартии в вопросе оживления пропаганды советской культуры в стране и укрепления в связи с этим Общества (венгерско-советского культурного общества. – А.С.) объясняется, по нашему мнению, боязнью коммунистов, что их могут обвинить в недостатке патриотизма и пристрастии к Советскому Союзу”, – докладывал в Москву уполномоченный ВОКСа по Венгрии в начале 1948 г.⁶⁰ А несколько ранее другой сотрудник ВОКСа не без сарказма отмечал в своей записке, что газета венгерских коммунистов “Сабад неп” “почему-то считает своим долгом скромно умалчивать свой неустанный интерес и свои прочные симпатии к СССР”⁶¹. Показательно, что венгерско-чехословацкие межправительственные трения 1945–1948 гг., связанные с переселением венгерского меньшинства из Словакии в Венгрию, в немалой мере осложнили и отношения между компартиями обеих стран, поскольку каждая из партий была вынуждена из тактических соображений заявлять о себе в качестве силы, ставящей во главу угла национальные интересы. Уже упоминавшийся Б. Балаж, посетивший Москву летом 1946 г., в беседе с сотрудниками ВОКСа говорил о том, насколько трудно в условиях Венгрии пропагандировать “добрую волю” СССР. Возможно, в каких-то высших интересах и справедливо, что при решении вопроса о границах Советский Союз встал на сторону Чехословакии и Румынии, рассуждал Балаж. “Но многие венгры чувствуют себя обиженными, оскорбленными. Даже среди венгерских коммунистов есть такие, которые стали немножко националистами и которым трудно себе и другим до конца объяснить, как сочетать национальный патриотизм компартии с защитой действий СССР, направленных на этот раз не в пользу Венгрии... Многие венгры чувствуют себя так, как будто СССР покинул Венгрию в столь трудный для нее период”⁶², – утверждал он. Даже пос-

ле событий 1948–1949 гг., связанных в большинстве стран региона с вытеснением оппозиции и установлением однопартийных диктатур, перед коммунистами продолжала в той или иной мере стоять проблема сохранения своего “национального лица”. Весьма существенной ошибкой аппарата ЦК Польской объединенной рабочей партии “является боязнь перед националистическими и антисоветскими предрассудками и убеждениями известных слоев польского населения и ложное опасение того, как бы кто-нибудь не упрекнул их в том, что они (партия и ее печать) – агенты СССР, как бы не пересолить в пропаганде Советского Союза и его политики”, – читаем в докладной представителе Совинформбюро в Польше (1949 г.)⁶³.

Начиная с 1945 г. немало сложностей для коммунистов в разных странах создало участие советских карательных органов в акциях по очищению государственного аппарата от потенциальных противников коммунистической альтернативы, проводившихся под предлогом дефашизации. Жертвами этих действий стали не только лица, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с фашистами. «Мы часто слышим от “благосклонных” посторонних лиц о том, что влиянию нашей партии вредят злоупотребления Красной Армии по отношению к населению», – информировал М. Ракоши весной 1945 г. главу ОМИ ЦК ВКП(б) Г. Димитрова⁶⁴. Коммунистическим силам с немалым трудом удавалось убеждать население в том, что они являются не просто “агентурой оккупационных властей”, а одной из национальных политических партий⁶⁵.

Применительно к интеллигенции (и в первую очередь творческой) можно говорить, что возрастанию ее настороженности в отношении социалистической перспективы развития и снижению симпатий к СССР способствовали идеологические постановления 1946–1948 гг., усилившие наступление догматизма и нетерпимости в культурной политике ВКП(б). В грубом попрании творческих свобод в СССР виделся тот тип отношений между властью и деятелями культуры, который в случае крушения коалиционных форм правления и единоличного утверждения коммунистов у руля мог стать реальностью и в странах этого региона. В Чехословакии даже некоторые левые издания проявили обеспокоенность новыми постановлениями. В этой связи руководитель Союза советских писателей А. Фадеев срочно вылетел в Прагу, чтобы в ходе встреч с чешскими литераторами сделать необходимые разъяснения. Впрочем, они едва ли успокоили тех интеллектуалов, которые, симпатизируя социалистической идее, не желали подчинять свое творчество идеологическому диктату КПЧ⁶⁶. В канун решающих столкновений с политическими противниками коммунистические силы были объективно заинтересованы в укреплении своих позиций за счет привлечения значительного числа интеллигентов. Этому, однако, явно не способствовало усиление сектантских начал во внешней политике СССР, происходившее по мере обострения с весны 1946 г. холодной войны. Оно сказа-

лось на официальном отношении Москвы ко многим современным зарубежным художникам и целым направлениям в культуре, в том числе и левого толка. Факты свидетельствуют о крайней недалекости тех, кто, ведая в СССР пропагандой за рубежом успехов Страны Советов, оттолкнул от себя своей нетерпимостью немало потенциальных союзников. Художники коммунистического лагеря предостерегали иногда советскую сторону от непродуманных действий, способствующих падению престижа СССР. В РГАСПИ сохранилась запись беседы Л. Арагона с представителем ВОКСа (1948 г.). В ее ходе крупный французский писатель-коммунист с недоумением отреагировал на развязанную в СССР кампанию против формализма в искусстве, когда симпатизировавший СССР П. Пикассо объявлялся врагом социалистического искусства. Если Советский Союз настолько уверен в собственном политическом могуществе, что не испытывает нужды в союзниках за рубежом и благоприятном для себя общественном мнении на Западе, тогда деятельность организаций типа ВОКСа вообще теряет какой-либо смысл – такое умозаключение читается между строк в рассуждениях Арагона⁶⁷.

Если художественная интеллигенция зарубежных стран проявляла обеспокоенность развернувшейся в СССР борьбой против “формализма” в искусстве, то научная интеллигенция настороженно восприняла кампании по утверждению приоритетов русской науки, сопровождавшиеся острой критикой ученых-“космополитов”. Печально известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., ознаменовавшая собой наступление “лысенковщины” в биологической науке, в соответствии с принятыми на высоком партийном уровне установками широко пропагандировалась за рубежом. При этом отсутствовало всякое чувство меры. В Совинформбюро в 1948 г. устроили разнос журналисту, написавшему в заметке, адресованной зарубежному читателю, что задача советских биологов – “догнать и превзойти зарубежную науку”. “Наша биологическая наука уже решила эту задачу”, – прозвучал вердикт⁶⁸. Между тем все происходившее в СССР в области биологической науки воспринималось за рубежом прежде всего как свидетельство глубокого упадка научной мысли. Соответствующим образом оценивались и шумные пропагандистские кампании по утверждению приоритетов русских ученых в изобретениях, открытиях, технических нововведениях.

При всем идеократическом характере советского государства было бы явным упрощением говорить о том, что из СССР по официальным пропагандистским каналам переправлялись только парадные портреты и бюсты Сталина, романы о передовиках производства да начисто лишённые конфликта пьесы и фильмы. О том, сколь неоднозначна проблема советской культурно-идеологической экспансии, свидетельствует обстоятельство, о котором иной раз склонны забывать: по одним и тем же каналам из СССР передавалась не только низкопробная пропагандистская продукция, но и рус-

ская литературная, музыкальная, театральная классика, теперь издававшаяся, исполнявшаяся, ставившаяся на сцене в каждой из стран региона гораздо шире, чем до войны. Не только коммунистическая и близкая ей пресса отмечала высокий профессионализм гастролировавших советских музыкантов – пианистов С. Рихтера, Э. Гилельса, скрипача Д. Ойстраха, дирижера Е. Мравинского, балерины Г. Улановой. Распространение подлинных духовных ценностей не могло не способствовать подтверждению высокого престижа русской культуры при том, что она преподносилась зарубежной аудитории официальными путями в крайне усеченном виде – за бортом оставалось все то, что не укладывалось в схемы сталинской эстетики⁶⁹.

Многие шаги по ознакомлению зарубежной публики с шедеврами русской культуры делались в обход ВОКСа, а иной раз даже вопреки его усилиям. В 1946–1947 гг. в Польше, Чехословакии и Венгрии вышли первоклассные антологии русской поэзии, включившие в себя стихи поэтов XIX – первой половины XX в., в том числе расстрелянного в 1921 г. Н. Гумилева, репрессированного в 1937 г. О. Мандельштама, опальной А. Ахматовой. Эти издания вызвали крайне негативную реакцию референтов ВОКСа⁷⁰. Говоря об особенностях восприятия советской литературы, можно констатировать известный интерес читателей к творчеству не только изгоев литературной жизни, но и писателей, официально принятых и признанных сталинской системой. Неподдельность такого интереса подтверждается обилием рецензий, и не только в коммунистической прессе⁷¹. “В первые годы после 1945 г., при некотором оттеснении классической литературы на второй план главным элементом в возросшем интересе к литературе советской оказывается экзистенциальное влечение, возникающее из желания познать завтрашний день, полный еще туманного обещания нашего собственного будущего”, – так объясняет это явление современный венгерский исследователь. Причем “в результате этого повышенного интереса неизбежно отступал на второй план художественно-эстетический характер произведений литературы”, – продолжает он⁷².

Как результат усвоения всей доступной информации складывался образ СССР в общественном сознании народов региона. На формирование этого образа влияли и непосредственные контакты с советскими воинскими частями. “На вопрос о настроениях венгерской интеллигенции Гонт (речь идет о театральном режиссере Ф. Хонте, посетившем Москву в 1945 г. – А.С.) заявил, что вначале приход Красной Армии вызвал огромный подъем и волну симпатий к Советскому Союзу. В дальнейшем были проведены нашими военными властями мероприятия по выявлению фашистской агентуры, вызвавшие многочисленные аресты. В число арестованных попало и некоторое количество людей, известных своими активными антифашистскими выступлениями... Этот факт привел к заметному снижению симпатий к СССР”. Не требующие комментария строки из

отчета о беседе с Хонтом в ВОКСе⁷³ можно было бы дополнить лишь одним замечанием: судя по имеющимся источникам, действия американских военных властей, в частности в Австрии и Германии, вызывали аналогичные нарекания⁷⁴.

Многие факты свидетельствуют о том, что образ СССР в сознании значительной части интеллигенции стран Центральной Европы был неадекватен реальности. Даже у тех немногих, кому приходилось бывать в СССР (не в качестве военнопленных), часто складывалось ложное впечатление о советской системе – сталинский режим умел держать за семью печатями свои тайны. Крупный венгерский историк и мыслитель консервативного направления Д. Секфю (в 1946–1948 гг. первый посол Венгрии в СССР) писал в те годы о преимуществах этой системы как гарантирующей право на труд, дающей людям обеспечение в старости и т.д.⁷⁵ Примерно так же отзывался о Советском Союзе уже упомянутый А. Сент-Дьерди после поездки в 1945 г. на юбилейную сессию АН СССР⁷⁶. Подобно Б. Шоу, Г. Уэлсу, Л. Фейхтвангеру, другим авторитетным иностранным визитерам, выдающиеся венгерские ученые не смогли разглядеть, что за блеском парадных витрин скрывались миллионы человеческих жертв⁷⁷.

Надо также заметить, что советские эмиссары в соответствующих странах до некоторой степени умели предотвращать критические высказывания в адрес СССР. Композитор-коммунист Ф. Сабо, сопровождавший выдающегося венгерского композитора З. Кодая в поездке по СССР в 1947 г., сообщил представителям ВОКСа, что им “достигнута договоренность с генералом Свиридовым (должностное лицо в Союзной контрольной комиссии. – А.С.), в соответствии с которым сразу же по возвращении в Венгрию к Сабо будет прислан корреспондент какой-либо правой газеты, и Сабо даст интервью о впечатлениях Кодая о поездке в Советский Союз. Сабо считает, что это не позволит Кодая высказаться нелояльно по отношению к СССР, так как при этом ему пришлось бы выступить с опровержением заявления, сделанного Сабо. На это Кодай не пойдет”⁷⁸. Характерно, что даже в 1947 г., когда еще существовала легальная антикоммунистическая оппозиция, советская военная администрация имела некоторые рычаги влияния даже на оппозиционную прессу.

Конечно, в странах региона существовали опасения некритического перенесения советских моделей и связанного с ним ущемления демократических свобод на национальную почву. Носитель потенциальной опасности виделся не только в посторонней силе – СССР, но и в собственных коммунистических партиях: иногда, не решаясь выступить с прямыми антисоветскими заявлениями, некоторые деятели обращали острие критики против местных коммунистов⁷⁹. Известные своими отноудь не только антифашистскими, но и сектантскими, экстремистскими традициями компартии нередко вызывали к себе напряженное отношение как к претенденту на монопольный захват власти с последующим установлением диктатуры даже тогда, когда в их

политике доминировали идеи широкого народного фронта. Стремясь развеять подобные опасения, лидеры компартий из тактических соображений делали акцент на специфике продвижения своих стран к социализму. Эта специфика виделась им в постепенности революционного процесса, сохранении парламентских институтов и т.д. Необходимость в маскировке подлинных целей отпала лишь к 1948–1949 гг., когда в Польше, Чехословакии, Венгрии и ряде балканских стран борьба между сторонниками либеральной и коммунистической альтернатив окончательно завершилась победой последних, сделавших выбор в пользу сталинской концепции социализма.

Подводя итоги, следует заметить, что вследствие победы над гитлеризмом среди значительной части европейской интеллигенции повысился интерес к СССР. В связи с чем сложились благоприятные условия для формирования просоветского общественного мнения в странах Центральной Европы. Реальная политика Москвы, способствовавшая утверждению в регионе репрессивных режимов, в то же время часто работала против создания положительного образа Страны Советов. В свою очередь, антидемократический характер политической системы в СССР эпохи сталинизма препятствовал созданию эффективного механизма идеологической экспансии. Недостатки его функционирования в полной мере сказались и в пропаганде на страны народной демократии. Предпринимавшиеся с первых послевоенных лет усилия при всей своей масштабности не решили главной задачи – повышения престижа СССР и советской культуры в общественном сознании народов Центральной Европы.

С конца 40-х годов коммунистические режимы заметно усиливают насаждение по различным каналам далеко не всегда совершенной духовной продукции из СССР, выдававшейся за образец и пример для подражания. Наряду с идеологическими органами самих стран активную роль в этом процессе играли и советские пропагандистские службы. Лишенное всякой критичности отношение советских пропагандистов к опыту и культуре своей страны вызывало в качестве ответной реакции чувство отторжения, усиление антисоветских настроений, проявившихся во время польских и венгерских событий 1956 г. Прделанная в 40–50-е годы полезная работа по приобщению общественности названных стран к лучшим произведениям русской культуры не могла уравновесить пропагандистских издержек, способствовавших, среди прочих факторов, формированию в глубинах сознания значительной части интеллигенции отрицательного образа СССР, что и по сей день дает о себе знать в борьбе ею духовной ориентации.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.

² Там же. Оп. 128. Д. 26. Л. 21.

³ Там же. Д. 884. Л. 114–115.

⁴ Там же. Оп. 125. Д. 320. Л. 101.

⁵ Там же. Л. 131–138.

⁶ См.: *Стыкалин А.С.* Венгерская общественная мысль второй половины 1940-х годов о судьбах Венгрии в Европе // *Единая Европа: идея и практика.* М., 1994.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 16. Д. 10. Л. 127.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509.

⁹ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 129. Л. 71.

¹⁰ Цит. по: *Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870–1965).* М., 1993. С. 128.

¹¹ См.: *Фалькович С.М.* Советско-польские культурные связи в межвоенный период // *К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе.* М., 1989. Вып. I.

¹² См.: *Большакова К.В.* Советско-польские театральные контакты в 1946–1949 годах (по материалам ВОКС и ОПСД) // *Советское славяноведение.* 1984. № 2.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 395. Л. 18.

¹⁴ Переписку ВОКСа с польскими научными кругами см.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17.

¹⁵ См.: *Джорджеску Т.* О деятельности легальных массовых организаций за мир и дружбу с Советским Союзом (1932–1935) // *О румыно-русских и румыно-советских связях.* М., 1960.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 395. Л. 124.

¹⁷ Там же. Д. 469. Л. 58, 62.

¹⁸ Там же. Д. 391. Л. 42.

¹⁹ Там же. Д. 371. Л. 138.

²⁰ Там же. Д. 391. Л. 25.

²¹ Цит. по: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? М., 1993. С. 9.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 383. Л. 57.

²³ Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Пропаганда СССР на зарубежную аудиторию и общественное мнение стран Запада в первые послевоенные годы (по документам российских архивов) // *Вестник Московского университета.* 1997. № 1. Сер. 10: Журналистика. С. 57–70; № 2. С. 35–46.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 10. Общества дружбы и культурных связей с СССР создаются в странах, освобожденных от гитлеризма, в 1945–1946 гг. Иногда это были восстановленные довоенные, иногда новые общества. Часть организаций, например Общество культурных и экономических связей с СССР в Чехии и Моравии, имела узкоинтеллигентский характер, другие (к примеру, Союз друзей СССР там же) были более массовыми.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 127, 151–159.

²⁶ Там же. Д. 391. Л. 12–15; Д. 320.

²⁷ Архив внешней политики России МИД РФ (Далее: АВП РФ). Ф. 077. Оп. 25. П. 115. Д. 42. Л. 18.

²⁸ Председатель правления ВОКСа В. Кеменов писал в Наркоминдел: «ВОКС считает, что создание... общества вполне целесообразно и своевременно. Нами послан т. Пушкину (Г. Пушкин – в то время политический советник Союзной контрольной комиссии, затем до 1949 г. посланник, посол

СССР в Венгрии. – А.С.) примерный устав Общества с указанием на возможность внесения в него мелких дополнений и изменений. Не имея сведений о людях, которые смогли бы руководить работой такого общества в Венгрии, считаю необходимым, чтобы тов. Пушкин уделил особое внимание вопросу подбора кандидатур в Правление” (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 115. Д. 42. Л. 24).

²⁹ См. характерные в своем роде инструкции ВОКСа своему уполномоченному в Венгрии “хорошо подготовить” выборы в правление общества (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. П. 124. Д. 43. Л. 123).

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 299. Л. 20.

³¹ См.: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сб. док.) / Под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. М., 1994.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 207–208.

³³ “В широких кругах немецкой интеллигенции еще сильны застарелые антисоветские предрассудки, вызванные отчасти влиянием многолетней фашистской пропаганды, отчасти – отдельными фактами недостойного поведения некоторых наших военнослужащих”, – читаем, например, в донесении, относящемся к июлю 1946 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 462. Л. 72).

³⁴ Там же. Д. 371. Л. 207–208.

³⁵ См.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 371. Л. 138.

³⁷ *Стыкалин А.С.* Пропаганда СССР на зарубежную аудиторию...

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 278.

³⁹ Там же. Д. 509.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 114. Л. 64–65. Как читаем в другом донесении из Венгрии, “работа по изданию учебника и грамматики русского языка, видимо, прошла без всякого внимания со стороны нашей миссии и политического отдела Союзной Контрольной Комиссии, так как каждая страница учебника представляет собой сплошной анекдот в отношении элементарной русской грамотности” (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 48).

⁴¹ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 113. Л. 2. На пассивность советских органов, ведавших пропагандой культуры за рубежом, неоднократно осмеливались обращать внимание ответственные функционеры обществ дружбы с СССР в тех или иных странах. В июне 1948 г. руководитель венгерско-советского культурного общества Р. Санто писал в посольство СССР: “Огромные потенциальные возможности, которые имеются здесь для нашей работы, могли бы быть использованы значительно лучше, если бы в работе ВОКСа было больше оперативности и внимания к нашим вопросам... На наши письма или запросы мы или не получаем ответов совсем или получаем формальные ответы не по существу дела” (Санто привел множество конкретных примеров. См.: Там же. Д. 153. Л. 6–12).

⁴² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 16. Д. 19. Л. 165. Как говорилось далее в том же письме, такое положение сложилось не только с фильмами; от советских эмиссаров в лучшем случае приходится выслушивать дружественные слова и “пустые обещания, выполнение которых откладывается всегда на неопределенное время”.

⁴³ См., например, письмо из Польши: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 23. Л. 91.

⁴⁴ Референт ВОКСа в обзоре венгерской печати с крайним недоумением отмечал, что “о Мейерхольде писались целые статьи” (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 172).

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 123. Л. 25.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 75. Л. 198.

⁴⁷ Активное утверждение американской кинопродукции на европейском экране было реальностью первых послевоенных лет в большинстве стран континента, включая Францию и Италию. (Стремление европейские киношколы противостоять наступлению американского кино, собственно, и явилось главной причиной проведения Каннского и Венецианского фестивалей, ставших затем регулярными.) Все-таки, по некоторым сведениям, в 1946 г. новые американские фильмы попадали на экраны Венгрии быстрее, нежели в кинотеатры Скандинавских стран (см.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 126. Л. 126). Очевидно, широкая экспансия американского кино в Европу не была исключительно следствием того обстоятельства, что кинопроизводство европейских стран, сильно пострадавшее за годы войны, перестало выдерживать конкуренцию с Голливудом даже в борьбе за собственные кинорынки. Наряду с коммерческими интересами в этой экспансии присутствовал и политический момент, причем задача перехватить у СССР инициативу в пропаганде собственной культуры, образа жизни, системы ценностей и т.д. особенно остро стояла в странах, частично или полностью оккупированных Красной Армией.

⁴⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 43. Л. 98.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73, 176, 269, 276 и др.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 48.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 301. Еще более удивляет та недифференцированность подхода, с которой ВОКС и Совинформбюро подбирали пропагандистский материал для разных стран. Так, статья “Победа объединенных славян в Грюнвальдской битве”, подготовленная в духе характерного для советской идеологии середины 40-х годов неопанславизма, была послана для публикации не только в Венгрию, но также и в Австрию, что не могло не шокировать даже здравомыслящих красноармейских политработников, не говоря уже о редакторах левых австрийских газет (см.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 43. Л. 37).

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 73. Л. 125.

⁵³ О ситуации в Польше см.: *Korzon A. Polsko-radzieckie kontakty kulturalne w latach 1944–1950. Wrocław; Warszawa, 1982, S. 43.* О положении дел в Чехословакии подробнее см.: *Тыкалин А.С. Пропаганда советской культуры в послевоенной Чехословакии // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1998. С. 130–142.*

⁵⁴ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. С. 215.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. П. 124. Д. 43. Л. 112.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 196. Л. 146.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 75. Л. 199.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. П. 124. Д. 43. Л. 12–13.

⁶⁰ Там же. Оп. 28. П. 131. Д. 52. Л. 150.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 191.

⁶² АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 44. Л. 21.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 79. Л. 26.

⁶⁴ Там же. Оп. 128. Д. 782. Л. 232.

⁶⁵ Характерны в этом смысле донесения из Восточной Германии. См.: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. С. 162.

⁶⁶ Текст его выступления см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 462. Л. 222–234. Об эволюции общественного мнения Чехословакии в отношении политики ВКП(б) см. также: *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945–1948 гг. // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. С. 17–43.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 509. Л. 293.

⁶⁸ Там же. Оп. 132. Д. 123. Л. 3.

⁶⁹ Характерно, что границы разрешенного для распространения фонда культуры расширялись и сужались в зависимости от политической конъюнктуры. Так, до 1948 г. советские пропагандистские службы много делали для популяризации произведений С. Прокофьева и Д. Шостаковича. После принятия в 1948 г. постановления ЦК ВКП(б), объявившего войну “формализму” в музыке, они, явно в ущерб престижу русской культуры, стали препятствовать их распространению. Так, руководство ВОКСа в письме своему уполномоченному (1948 г.) предложило поставить перед венгерским радиокомитетом вопрос об исключении из репертуара “формалистических” произведений (см.: АВП РФ. Ф. 077. Оп. 28. П. 131. Д. 52).

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 127.

⁷¹ См., например, библиографию по Венгрии: *A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája.* 1945–1949. Вр., 1950.

⁷² См. рецензию И. Феньвеш на публикацию серии документальных сборников о восприятии в Венгрии русской литературы: *Orosz irok magyar szemmel* // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef nominata dissertationes Slavicae.* 1988. № 19. 173–174. old.

⁷³ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 115. Д. 42. Л. 52–53.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 513. Л. 8–9.

⁷⁵ *Szekfü Gy.* Forradalom után. Вр., 1947.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 115. Л. 15–16.

⁷⁷ Хранящиеся в фондах ВОКСа документы (в частности, программы посещения СССР иностранными делегациями) говорят о том, насколько тщательно готовились в Советском Союзе к приему зарубежных гостей, насколько плотными были программы. См.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 113, 114.

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 27. П. 124. Д. 43. Л. 11.

⁷⁹ Характерные отзывы крупного румынского композитора Дж. Энеску см.: *Власть и интеллигенция. Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы.* М., 1993. Вып. 2. С. 174–183.

**МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРОЙ:
МИЛАН НЕДИЧ – ДРАЖА МИХАЙЛОВИЧ –
АНТЕ ПАВЕЛИЧ – ЙОСИП БРОЗ ТИТО**

Существовала ли во время второй мировой войны альтернатива победившему в конце концов коммунистическому югославизму – обусловленная конкретными историческими обстоятельствами идеология и психология борьбы за национальное самоопределение с внешними врагами и в иноэтничном государстве? Был ли этот югославизм в своей основе реальной или только мнимой альтернативой экстремистскому моноэтничному национализму разных народов, правившему кровавый бал на территории поверженной королевской Югославии в 1941–1945 гг.? Возможно ли было создание после окончания войны на территории Югославии единого или нескольких подлинно демократических государств? Долгое время на эти вопросы не только не было ответа, но они и не ставились по целому ряду политических причин ни историками “титовской” Югославии, ни зарубежной историографией. Распад СФРЮ, а также сопровождавшее его изменение внутри- и внешнеполитической ситуации, что выразилось, в частности, в открытии архивов, снятии табу с определенной тематики в СССР и, позднее, в России, как и пересмотр в новых независимых постюгославских государствах оценок национальных деятелей прошлого (обоснованных или нет – иная проблема, выходящая за рамки настоящей статьи), позволяют ныне задаться и этими вопросами.

Почти сразу же после объединения в 1918 г. “братских народов” – сербов, хорватов, словенцев, а также македонцев, боснякомусульман* и не славян – албанцев Косова, вернее, присоединения Хорватии, Далмации, Словении, Бачки и Баната, Черногории к Сербии, выяснилось, что проблемы и противоречия в отношениях в большинстве своем этнически близких народов не только не исчезают, но, наоборот, все более обостряются, затягиваясь в тугой узел¹.

В основе этих противоречий лежало объективное ускорение процессов национального самоопределения всех народов, входивших в югославское государство, включая и рост национального самосознания. В условиях чересполосного и совместного проживания на одной территории двух или трех этнических общностей при запаздывающей модернизации и многолетнем национальном угнете-

* “Босняк-мусульманин” – этноним. Босниец – житель Боснии или же (с 1991 г.) гражданин государства Босния и Герцеговина, независимо от национальности.

нии, что порождало в сознании восприятие этнической общности как единственного субъекта государственного права и собственника территории, неизбежны этнотерриториальные противоречия.

Довольно быстро обнаружилось, что югославизм не может служить основой для создания общего полиэтничного государства родственных народов и противоречит по тенденции процессам их национального самоопределения. Тем более это относится к господствовавшей в политике Белграда и правящей сербской династии Карагеоргиевичей идеологии, являющейся смешением интегрального югославизма с великосербской идеологией. “Централизм был идеологией и практикой наиболее реакционных кругов югославской, главным образом сербской, буржуазии”, – писал в 1963 г. московский историк В.К. Волков. По его мнению, проповедуя идеологию “интегрального югославского национализма”, сербские правящие и оппозиционные партии отрицали наличие нескольких народов в стране и говорили о существовании “единого трехименного народа”. На деле же “под маской централизма скрывался великосербский национализм, служивший интересам правящей верхушки”, – справедливо заключил тот же автор². Это привело к тому, что на протяжении всей короткой истории межвоенной Югославии основной линией фронта в политической борьбе стало соперничество централистов-унитаристов и сербских националистов из Белграда с националистами-федералистами из Загреба, Любляны, Сараева.

Великосербская элита не имела ни опыта, ни желания урегулирования межэтнических конфликтов, не была заинтересована в модернизации государственного устройства из-за боязни ускорения развития несербских территорий, в первую очередь Хорватии и Словении. Национальные движения несербских народов не обладали политической силой для проведения преобразований и также не были заинтересованы в них, поскольку они привели бы к усилению Сербии.

Создание Югославского государства в его тогдашнем виде было результатом использования югославистских иллюзий об этническом, а следовательно, и политическом единстве и “братской любви”, а также сложившейся после окончания первой мировой войны международной ситуации, отразившейся в появлении Версальской системы. Новое государство не обрело ни межэтнического мира внутри, ни стабильных внешних границ.

Неоднократные изменения внутренней этноадминистративной системы (1922, 1929, 1931 и 1939 гг.) прежде всего затрагивали территории, на которых совместно проживало хорватское, сербское и босняцко-мусульманское население. Все эти перемены, сопровождавшиеся неоднократными изменениями границ внутри страны, ничего, кроме обострения межэтнических конфликтов и ослабления государства, не принесли. Вкупе с сохранившимися централистскими методами управления эти изменения не могли не обострить противоречий между народами, ибо не облегчали, а лишь затрудняли

процесс национального политического самоопределения, создавали почву для территориальных споров и межэтнических конфликтов. Вместе с тем соглашение между белградским правительством и легальной несербской национальной оппозицией привело к разочарованию в деятельности последней.

На исходе 30-х годов Югославия неизбежно пришла к радикализации национальных движений (в том числе и сербского, и словенского, поставивших после образования в 1939 г. Бановины Хорватии вопрос о создании собственных этногосударственных единиц), к росту взаимной национальной нетерпимости. Это было особенно серьезно в условиях международной ситуации данного десятилетия. Белградское правительство и различные группировки в хорватском национальном движении соперничали между собой в поисках поддержки извне – прежде всего со стороны усиливавшихся Германии и Италии, претендовавшей на часть югославской территории³.

За время недолгого существования королевской Югославии она столкнулась с теми же противоречиями, что и монархия Габсбургов в свои последние годы: чем сильнее были централистская политика и попытки навязать этнический унитаризм, тем более усиливались центробежные тенденции и росла взаимная межэтническая нетерпимость. В этой ситуации шансов сохранить целостность государства было мало. Карагеоргиевичам и их министрам так и не удалось найти форму устройства, обеспечивающую баланс между этническими территориями и политико-административными границами⁴.

Проблемы национального самоопределения не только не получали своего решения, но, наоборот, загонялись внутрь. Это вызвало невиданный рост межэтнической напряженности, вылившейся в специфических условиях иностранной оккупации в кровавую междоусобную войну 1941–1945 гг.

Молниеносное поражение Югославии в апрельской войне 1941 г. привело к ее распаду и началу, по сути дела, трех войн: за освобождение страны от германских, итальянских, венгерских, болгарских оккупантов; вооруженной борьбы между созданными оккупантами псевдонезависимыми моноэтническими государствами; гражданской войны между коммунистами и антикоммунистами⁵.

Коллаборационисты в новых псевдонезависимых “государствах” взяли на вооружение и фашистские расовые теории, и традиции собственного крайнего национализма. Четники и “недичевцы” в Сербии, усташи* в Хорватии, “белогвардейцы” в Словении, бойцы мусульманских формирований непрерывно воевали между собой за создание и сохранение “независимых” моноэтнических государств⁶.

В условиях оккупации среди сербов, хорватов, словенцев и босняков (боснийских мусульман) нашлись силы и деятели, стремивши-

* Чета (сербск.) – отряд; усташа (хорв.) – повстанец.

еся использовать предоставившуюся возможность для достижения национального самоопределения в виде своих псевдонезависимых “этнически чистых” государств на панэтнической и великодержавной основе. Для мирного населения, независимо от национальности, вооруженная борьба различных военных формирований означала постоянную угрозу физического уничтожения (по этническому или религиозному признаку), политических репрессий, грабежа и насильственной мобилизации. Эта угроза исходила и от оккупантов, и от сербских четников, и от хорватских усташей, и от коммунистических партизан Тито.

10 апреля 1941 г., как только германские войска заняли Загреб, усташа с ведома Гитлера объявили о создании на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины Независимого государства Хорватия (NDH – хрв.). Во главе государства встал усташский “поглавник” Анте Павелич⁷.

15 апреля король Петр II и правительство Югославии улетели на Ближний Восток под защиту британских войск, с тем чтобы потом перебраться в Лондон. 17 апреля Югославия капитулировала и прекратила свое существование как независимое, суверенное и целостное государство. Ее территория была поделена между Германией и союзниками – Италией, Венгрией, Болгарией⁸.

Сербию, как наиболее важную в стратегическом отношении территорию, Германия оставила под своим непосредственным управлением. Банат остался в составе Сербии, но власть в нем находилась у представителей немецкого национального меньшинства. Сербию и Банат оккупанты разделили на четыре военно-административных округа – Белград, Врнячка Баня, Ужице и Ниш. Бачка была отдана Венгрии. Срем, до 1918 г. входивший в состав автономной Хорватии-Славонии, был присоединен к созданному государству НДХ. Его территория, включавшая в себя также и территорию Боснии и Герцеговины, в свою очередь, была разделена на итальянскую и германскую оккупационные зоны⁹.

Сербия: между великосербским коллаборационизмом и сопротивлением “интегральных югослави́стов”

1 мая 1941 г. оккупантами в Белграде было сформировано “правительство” Милана Ачимовича. 29 августа этого года ему на смену пришло так называемое правительство Сербии во главе с бывшим генералом югославской армии, являвшимся некоторое время и военным министром, Миланом Недичем. Власть нового руководства распространилась на территорию вновь созданного образования, охватывавшего Сербию в границах до 1912 г. Оккупанты провозгласили самостоятельность Сербии под эгидой Германии, намеревались сформировать “сербские вооруженные силы” и задушить коммунистических партизан руками сербов. Но, как сообщал командующий

германскими войсками в Сербии, правительство М. Недича было не в состоянии подавить повстанческое движение, даже несмотря на сотрудничество с вооруженными отрядами сербских фашистов во главе с Д. Летичем и, позднее, с четниками Д. Михайловича, сторонниками воссоздания королевской Югославии.

Милан Недич являлся противником югославизма и сторонником великосербской идеи. Конечной целью его политики было создание “Великой Сербии” как крестьянского государства, экономической и социальной основой которого должна была стать “задруга” (т.е. большая патриархальная семья). Естественно, эти планы не должны были противоречить замыслам Гитлера и не могли осуществиться без помощи Германии.

В концентрированном виде взгляды М. Недича изложены в написанном им вместе со своим братом Милутином сочинении “Сербы и сербские земли. Этнографические проблемы сербской нации”. На основании этого “исследования” Миланом Недичем в 1941 г. был составлен меморандум, направленный верховному коменданту Сербии германскому генералу П. Бадеру и министру иностранных дел Германии И. фон Риббентропу. В нем М. Недич ходатайствовал перед германскими властями о расширении границ оккупированной Сербии и присоединении к ней территорий, на которых проживало более или менее значительное сербское меньшинство, путем обмена территорий с НДХ А. Павелича. Тем самым он выступал за интегрирование сербов на одной территории и в едином государственном образовании, хотя и под властью оккупационных войск. Свою позицию он обосновывал тем, что по отношению к сербам, значительная часть которых проживала вне границ Сербии, совершаются преступления, и тем, что в Сербию ежедневно прибывают тысячи беженцев со всех концов оккупированной Югославии. Это усугубляло катастрофическое положение в экономике Сербии¹⁰.

Перечислив области погибшей в апреле 1941 г. Югославии, где проживали сербы, – Воеводина, Срем, Славония, Хорватия, Далмация, Босния и Герцеговина, Милан Недич подсчитал, что вне границ Сербии проживают 2 337 936 сербов, т.е. более 31% населения. Он полагал, что тяжелые последствия разъединения сербского народа были ликвидированы “формированием интегрального единства сербско-хорватского народа, когда во многих случаях сербское меньшинство превратилось в югославянское большинство”. Но еще в 1939 г. от этой “формулы” отказались, а в государстве НДХ после его провозглашения в апреле 1941 г. началось истребление сербов.

Милан Недич предложил свое решение проблемы: определить территорию, “принадлежащую” сербской нации, добиться переселения на нее всех сербов, остающихся вне Сербии, и выселения “инородных элементов, проживающих ныне на территориях, которые должны принадлежать сербской нации”. При этом автор меморандума исходил из того, что, за редким исключением, все православ-

ные по вероисповеданию являются сербами, а все католики – хорватами.

На первом этапе предполагалось присоединение к Сербии части Боснии и Герцеговины, на втором – Срема и части Далмации; а на третьем – территорий, из которых прибыло наибольшее количество беженцев. План предусматривал также проведение новых границ, в связи с чем планировалось переселение католиков из Герцеговины, Боснии, Далмации и Срема – всего 771 168 человек. На их место должны были переселиться сербы из тех же областей и Хорватии, общим числом 750 263 человека. Во многом эти выкладки были проявлением прежних сербско-хорватских противоречий относительно границ, а также взаимных претензий на территорию Боснии и Герцеговины. Такое решение, полагал М. Недич, приведет к “действительному объединению”, к “созданию условий для интегрального освобождения сербской нации”. Но устремления М. Недича противоречили и интересам Германии, и интересам ее союзников, и интересам НДХ А. Павелича.

Позднее М. Недич выдвинул идею создания федерации Сербии, Черногории и Санджака. (На пост президента он предлагал свою кандидатуру.) Предполагалось, что это будет экономическая и финансовая уния. Исполнительные органы и вооруженные силы должны были остаться под контролем центра. Но и этот проект также не получил одобрения Берлина.

Разногласия между режимами М. Недича и А. Павелича касались и этнотерриториальных проблем (оба стремились к созданию крупных этнически чистых государств), и соперничества за влияние на германские и итальянские власти. Это не помешало, впрочем, установить между двумя образованиями некое подобие дипломатических отношений, и в Белграде почти до конца существования обоих режимов действовало консульство НДХ¹¹.

Недич и его сторонники не были фашистами в строгом смысле слова; они были экстремистски настроенными сербскими этническими националистами, которые пошли ради осуществления своих национально-государственных целей и борьбы с коммунистами на сотрудничество с оккупантами. Недич с единомышленниками использовал также некоторые идеи и помощь сербского фашиста Дмитрия Летича.

В своей статье “Отечество” этот сербский поклонник идей Гитлера и Муссолини, ставший опорой правительству М. Недича, писал об отличиях идеологии своего движения “Збор” от гитлеризма и итальянского фашизма: «“Збор” возник спонтанно в условиях наших общественно-политических трудностей, без влияния чужих решений, методов и опыта, в отличие от фашизма, который основывается на чисто языческой концепции Древнего Рима и древних германцев: фашизм – это обожествление государства, а гитлеризм – это обожествление расы... Для славян наряду с государством и раса име-

ет большое значение. Мы против парламентаризма, но не против парламента; мы не против полного и реального участия представителей нации в законодательном процессе и наблюдении за деятельностью правительства... Нынешний парламентаризм во всем мире создает запутанную систему безответственности власти. В противовес этому наша позиция: абсолютная и реальная власть и такая же ответственность». Забегая немного вперед, скажем, что югославистски ориентированные Д. Михайлович и его сторонники выступали оппонентами Д. Летича не из-за его крайнего национализма, а из-за его негативного отношения к парламентской демократии, “последовательное осуществление” принципов которой они на словах считали “необходимым во всех областях государственного управления”¹².

Милан Недич искал поддержки и у сербской православной церкви (СПЦ). Первое время он не мог найти с ней общего языка, ибо ее верхи поддержали движение Дражи Михайловича. Да и германские власти считали ее одним из своих наиболее серьезных противников. М. Недич требовал, чтобы СПЦ поддержала своим авторитетом политику “мира и порядка”, проводимую его администрацией. Впоследствии сближение произошло, и сербская православная церковь, и М. Недич совместно протестовали против преступлений в отношении сербов, прежде всего на территории НДХ¹³.

Недич и его противник на сербском политическом пространстве Д. Михайлович были великосербскими националистами, занимавшими высокие посты и в королевской Югославии. Различия между ними состояли в том, что первый предполагал для создания Великой Сербии опереться на германские штыки, второй в борьбе за восстановление централистской “старой” Югославии, разделенной по этнотерриториальному принципу, первоначально исходил из идей сопротивления оккупантам.

Были даже попытки наладить сотрудничество с партизанами Й. Броз Тито в рамках единого освободительного движения. Осенью 1941 г. по инициативе Верховного штаба партизанских сил состоялись две встречи Й. Броз Тито и Д. Михайловича. Однако сотрудничество двух антинацистски и югославистски ориентированных сил умерло, не родившись. Политические противоречия между “михайловичевцами” и “титовцами”, как и, вероятно, личные амбиции обоих лидеров, сказались почти сразу. По-разному они представляли себе и будущее восстановленного югославского государства. Четники неожиданно напали на партизан и превратились в их непримиримых врагов. “С коммунистами-партизанами не может быть никакого сотрудничества, так как они борются против династии, за осуществление социальной революции, что никогда не может быть нашей целью, а мы – единственно и исключительно только солдаты и борцы за короля и отечество”, – говорилось в инструкции Д. Михайловича от 20 декабря 1941 г. Для борьбы с коммунистическими

партизанами Д. Михайлович вступил в контакт с созданной германским оккупационным командованием администрацией – “правительством национального спасения” М. Недича, стал сотрудничать с германскими и итальянскими оккупационными властями¹⁴.

После капитуляции югославской армии ее бывший полковник Д. Михайлович и его сторонники скрывались в районе Равной Горы. От имени эмигрировавшего в Лондон правительства короля Петра II они начали устанавливать связи с монархистами и представителями кругов, ориентированных на Англию и США, формировать вооруженные отряды четников, которые были окончательно объединены под командованием Д. Михайловича, ставшего военным министром лондонского правительства и генералом в конце 1941 – начале 1942 г.

Главными составляющими идеологии движения четников были великосербский гегемонизм и шовинизм, борьба против хорватов вплоть до истребления последних, религиозный фанатизм. В их представлении вся территория Югославии считалась “Великой Сербией”, за исключением районов с подавляющим большинством хорватского населения. Целью движения Д. Михайловича было также восстановление монархии и довоенного социального и политического строя.

Идеологом движения Дражи Михайловича стал Стеван Мольевич. Его перу принадлежит известный труд под названием “Гомогенная Сербия”, написанный в июне 1941 г., где прямо говорилось, что “первым и главным долгом сербов является создание и организация гомогенной Сербии, которая охватила бы всю сербскую этническую территорию, и обеспечение этой Сербии необходимых транспортных коммуникаций и экономического пространства, которое обеспечило бы ей свободное хозяйственное, политическое и культурное развитие на все времена”¹⁵. Под такими требованиями для “своей” нации и государства вполне могли бы подписаться и идеологи германского фашизма.

Добиться этой цели, по мнению С. Мольевича, можно было исключительно путем обмена сербского населения на хорватское. Это, считал идеолог четничества, должно было бы не только улучшить отношения между двумя народами, но и “отвести угрозу повторения ужасных преступлений во время прошлой (т.е. первой мировой. – С.Р.) войны на территориях, где сербы и хорваты проживают попеременно и где хорваты и мусульмане приступили к планомерному истреблению сербов”.

Программа четников, в частности, предусматривала создание однородной в этническом отношении Сербии, территория которой охватила бы все то пространство, где бы только ни проживали сербы, будучи даже в абсолютном меньшинстве. В этом отношении взгляды С. Мольевича практически не отличались от планов братьев Недичей. “Нация превыше всего и сербство должно быть важнее

любой идеологии, – считали четники. – Через сербство мы должны идти к югославянству”¹⁶.

Главной ошибкой устройства государства, возникшего в 1918 г., Мольевич считал отсутствие в нем фиксированных границ собственно Сербии. По его проекту Сербия должна охватывать территории, завоеванные в Балканских войнах, Черногорию, часть Герцеговины, северную часть Албании, северную Далмацию, “сербскую часть” Лики, Кордуна, часть Славонии. Выдвигая эти требования, которые добровольно не могли быть приняты ни одним из соседних сербам народов, С. Мольевич всерьез полагал, что Сербия, «верная своему прошлому и своей миссии на Балканах, и в будущем останется носителем югославянской идеи, первейшим поборником балканской солидарности и принципу британского государственного деятеля XIX в. У.-Ю. Гладстона “Балканы – балканским народам”». “Время требует объединения небольших государств в более крупные образования, союзы и блоки, а от сербов этого требуют и их друзья”, – говорилось в программе С. Мольевича. Он резко отзывался о хорватах, словенцах и мусульманах-босняках, которые “вознамерились получить от Югославии все, ничего ей не отдавая”.

Восстановленная Югославия, согласно плану Мольевича, должна была стать федеративным государством, состоящим из трех образований – Сербии, Хорватии и Словении. Когда же все сербские области окажутся в составе единой гомогенной Сербии, тогда, считал он, можно будет думать и о более тесном сближении с болгарами. Интересно, что о “сближении” с болгарами в рамках Балканской федерации, о которой говорили южнославянские социал-демократы, думал и вождь партизан-коммунистов Йосип Броз Тито.

Считая, что “общественным устройством Югославии, основанном на неограниченном либерализме, в межвоенное время сильные злоупотребляли в ущерб слабым и индивидуумы – в ущерб общности”, С. Мольевич предлагал заложить в фундамент общественного устройства обновленной Сербии следующие принципы: “труд должен быть основой, целью и смыслом жизни каждого человека, и он должен быть вознагражден соответственно его качеству и количеству”; “капитал является средством, при помощи которого сербская нация осуществляет свою историческую миссию в области национальной обороны, национальной экономики и национальной культуры, а также обеспечивает свое национальное существование; но носителем капитала и капитализма должно быть в первую очередь государство”. “Частный капитал также является национальной собственностью и должен находиться под защитой и под контролем государства для того, чтобы он также служил борьбе народа и общества”, – говорилось в программе Мольевича. В резолюции молодежной организации четников провозглашалось требование перехода банков, промышленности и торговли в собственность государства, которое должно находиться в руках четников¹⁷.

Признавая, что “государство должно создать каждому гражданину возможность трудиться и зарабатывать”, что “свобода личности и личного имущества должна каждому гражданину быть гарантирована законом”, С. Мольевич добавлял: “...Только этой свободой нельзя злоупотреблять и использовать ее во вред ни другому человеку, ни обществу”. Такой же подход демонстрировал он и в вопросе о свободе идей, религии и печати. Печать, по его мнению, должна служить нации и государству, а также “развитию общественной нравственности”.

Что касается взаимоотношений государства и церкви, то, по мнению С. Мольевича, в Сербии церковь как организация могла получить признание и помощь, но по отношению к иностранным церквям она должна была быть полностью независима, поскольку имеет собственного главу. Политические партии не могут создаваться на религиозной основе.

Сам генерал Дража Михайлович, возглавивший в Сербии антикоммунистическое сопротивление оккупации, также делал попытки сформулировать идеологию своего движения. Хотя генерал не относил сербов, хорватов и словенцев к одной национальности, но присущий ему сербский этнический национализм противоречил его внешне демократическим, рассчитанным на Лондон и Вашингтон декларациям. Он был противником планов создания федерации по этнотерриториальному принципу, со смешанным населением, предложенных Й. Брозом Тито, обвиняя его в антисербских намерениях. Генерал полагал, что осуществление этих планов привело бы к разделу сербского народа на четыре федеральных образования¹⁸.

Свои планы Д. Михайлович определил еще в декабре 1941 г. Исходя из того, что югославское государство “все еще находится в состоянии войны с нашими исконными врагами – немцами и итальянцами”, что в этой “гигантской борьбе мы не одиноки и нас поддерживают наши союзники – Америка, Англия, Россия и Китай и все силы демократии”, генерал считал, что главными целями его движения должны быть: “борьба за свободу всей нашей нации под скипетром Его Величества короля Петра II”; “создание Великой Югославии и внутри ее – этнически чистой Великой Сербии, охватывавшей [собственно] Сербию, [а также] Черногорию, Боснию и Герцеговину, Срем, Банат и Бачку; борьба за вовлечение в нашу государственную жизнь всех еще не освобожденных от итальянцев и немцев славянских территорий (Триест–Горица–Истрия и Корушка), а также Болгарии и северной Албании со Скадром”; очистка государственной территории от всех национальных меньшинств и инациональных элементов; создание непосредственной границы между Сербией и Черногорией, а также между Сербией и Словенией путем очистки Санджака от мусульманского населения и Боснии от мусульман и хорватов; расселение черногорцев в областях, “очищенных от национальных меньшинств и инациональных элементов”¹⁹.

Замышляемый как альтернатива заседаниям “титовского” Антифашистского веча национального освобождения Югославии (АВНОЮ), Светосавский конгресс сторонников Д. Михайловича (25–28 января 1944 г.) провозгласил следующие цели и принципы четнического движения: “Югославия должна быть федеративным государством и конституционной монархией... Прочность будущей Югославии будет гарантироваться созданием сербского образования в рамках государственного сообщества, которое на принципах демократии объединит весь сербский народ на территориях его проживания. То же самое произойдет и с хорватами, и со словенцами. В рамках этих государственных образований необходимо предоставить народу возможность удовлетворять свои особые региональные экономические, социальные и другие интересы путем широкого народного самоуправления”²⁰. Предполагалось, что во вновь созданном государстве этнические территории должны совпадать с границами федеральных образований.

Генерал Д. Михайлович, руководитель сербского антигерманского и антикоммунистического сопротивления во время второй мировой войны, весьма критически относился к роли Москвы на Балканах. 8 марта 1943 г. он направил “Ответ Славянскому комитету в Москве”. Это письмо было вызвано тем, что в передачах лондонского радио на сербском языке, содержащих воззвания Славянского комитета, “адресованные малым славянским народам”, наряду с выражением восхищения их борьбой утверждалось, что “известные реакционные силы мешают этой борьбе”. Исходя из негативной позиции, занятой Москвой по отношению к четническому движению, Д. Михайлович принял это на свой счет. Отвечая на обвинения, он констатировал: “Наш народ, оставшийся твердым и непоколебимым в своих чувствах по отношению к матери-России ... потрясен непониманием нашей реальности”.

Убежденный антикоммунист, вынужденный по политическим соображениям положительно отзываться об Октябрьской революции, генерал писал: “Великую русскую революцию сербский народ с самого начала правильно воспринял как стихийное возмездие... понимая, что она, как и все революции, несла на себе и печать ужаса, и печать величия. Наш народ понимает, – продолжал он, – что мирные революции могут произойти в странах, где без русской революции еще долго пришлось бы ожидать нового мировоззрения, которое вскрывает и осуждает неравенство в обществе и в соответствии с которым обществом должна управлять человечность, а не материальный интерес; понятно, что эти изменения, благодаря жертвам русской революции, непременно будут происходить не в одной стране до тех пор, пока не родится новый, более справедливый мир...”

Пытаясь примирить традиционное представление о “матушке-России” с советской реальностью, руководитель антикоммунистического сербского сопротивления утверждал: “Малые славянские на-

роды, ветви славянского дерева, должны быть сколь горды, столь и благодарны матушке-России за ту боль, которую только она и могла перенести во имя рождения нового мира, и славянин, который не способен этого почувствовать, – это не славянин, а выродок... Наши русские братья, конечно, должны понять причины нашего поражения в 1941 г. Наряду с предательством своих братьев, о котором свидетельствует и сам хорватский изменник (речь идет о мятеже хорватских частей и провозглашении НДХ 10 апреля 1941 г., т.е. еще до официальной капитуляции Югославии. – *С.Р.*), отвагу нашего народа сокрушило и предательство тех, к кому сегодня столь благосклонна Москва... В бесстыдство ужасных [преступлений], совершенных коммунистами под руководством Тито, было бы невозможно поверить, если бы не существовали неопровержимые документы...”

“Лучше, чем кому бы то ни было, русским братьям известно, что в момент всякой революции в мутной воде всегда плавают разные инородцы, – продолжал Д. Михайлович. – Эти подозрительные чужестранцы начали с измены родине, что стало причиной незаслуженного поражения нашего народа, по разумению которого нет преступления страшнее, чем поднять оружие против своего отечества... Их деятельность неизбежно должна была привести к гражданской войне. Страна превратилась в арену жестокой борьбы и насилия. Жертвами становились самые лучшие и благородные”²¹.

Своими выпадами против “инородцев” (под которыми прежде всего он подразумевал хорватов и евреев, что видно не только из нападок на Й. Броза Тито, но и из откровенно антисемитского пассажа с упоминанием имен Льва Троцкого и югославского коммуниста Моше Пьяде) генерал Михайлович, вольно или невольно, наносил оскорбление и самому И. Сталину, которого даже не упомянул среди вождей революции и руководителей СССР. Только так можно истолковать нижеследующие слова: “Почему же Славянский комитет в Москве с такой легкостью и быстротой сбился с пути и встал на сторону горстки инородцев против столь ему близкого и верного народа... А кроме того, считают ли наши русские братья нормальным, чтобы самым близким ему народом руководили инородцы? Было ли то же самое с великим русским народом? Нам кажется, что нет. Великую русскую революцию возглавил русский Владимир Ильич Ленин. Эта революция знала, кто и, возможно, куда ее ведет”.

Говоря об отношениях между сербами и СССР, который он воспринимал как Россию, Д. Михайлович без всякого почтения писал: “Правда состоит в том, что сербскому народу очень хорошо известны интересы его великих русских братьев. С точки зрения их интересов было понятно, что, начав войну, Россия призвала порабощенные народы к вооруженному восстанию против оккупантов для того, чтобы сковать их силы и истощить их тылы. Но, с другой стороны, разве не понятно, что порабощенные народы, восприняв этот призыв и исходя из своих нынешних и будущих национальных инте-

ресов, сохранили свое право самим принимать решение о моменте начала вооруженной борьбы против оккупантов. Это право невозможно оспорить, поскольку в истории нет примеров того, чтобы один народ жертвовал всем вплоть до самоубийства ради интересов какого-то другого народа или ради каких-то общечеловеческих интересов, которые одновременно не совпадали бы с интересами данного народа”. Под этими словами мог бы подписаться после советско-югославского конфликта 1948 г. и непримиримый враг и победитель Д. Михайловича Й. Броз Тито.

В конце своей отповеди Славянскому комитету, противореча самому себе, Д. Михайлович утверждал: “Тем, кто неизвестно откуда принес идею о презрении к отчизне, тем, кто не имеет со славянством ничего общего, ближе не идея освобождения от ненавистного гитлеризма, а, напротив, гитлеровская идея крови, которую он навязал своему собственному народу. Не имея ничего против международной солидарности, наш народ всем сердцем привержен **идее нации**, поскольку интернационалистское осознание солидарности во имя человечества, если оно навязывается силой, не может победить национальное чувство и сознание общей судьбы...” Но “идея нации” в трактовке самого Д. Михайловича и его идеолога С. Мольевича вполне соответствовала “идее крови”, которую воспринял также и непримиримый враг великосербского национализма вождь великохорватского движения усташей А. Павелич. Идею и психологическое сходство этих двух людей и этих двух режимов подтверждает тот факт, что они объединяли свои усилия в борьбе против коммунистов Й. Броза Тито.

Но даже после этого письма, в одном из своих воззваний, распространенных летом 1944 г. по Сербии, Д. Михайлович подчеркивал, что “Советский Союз, подобно Англии и США, является в этой войне нашим союзником... В договорах, заключенных Англией и Чехословакией с Советским Союзом, провозглашается, что он не будет вмешиваться в их внутренние дела. В связи с этим Советское правительство сделало заявление, которое относится ко всем странам. Нет никаких причин исключительно у нас оспаривать право на самоопределение в выборе нашего внутреннего режима. Наша анти-титовская позиция не является препятствием для развития дружественных и союзнических отношений между нами и Советским Союзом. С русским народом, являющимся главным носителем власти в Советском Союзе, нас (сербов. – *С.Р.*) связывают традиции славянской взаимности, культурного влияния и дружественных политических отношений. Во всей своей истории сербский народ стоял рядом со своей великой защитницей Россией, и он никогда не сделает ни шага в сторону от этой позиции”²².

Политическая реальность, однако, оказалась иной. Ни дипломатические заигрывания, ни резкие выпады, ни заявления, что “весь народ Югославии сохранит верность свободе и демократии” и вместе

с США, Великобританией и СССР будет бороться вплоть “до полной победы над нацизмом, фашизмом и всеми разновидностями тирании и диктатуры”, не могли, естественно, изменить позицию Москвы, уже давно сделавшей ставку на партизан-коммунистов Й. Броза Тито. Не помогли и адресованные Вашингтону и Лондону заверения Д. Михайловича в том, что его движение считает Атлантическую хартию “идейной основой борьбы за принципы национальной и социальной справедливости всех народов и всех общественных слоев”²³.

Враждебность СССР и ослабление поддержки Лондона побудили Д. Михайловича в 1944 г. во имя сохранения своей политической жизни и физического существования заняться поиском иных союзников на антикоммунистической основе. Логикой развития событий он оказался на одной стороне с оккупантами и их сербскими, а также русскими приспешниками, которые также «всем сердцем были привержены “идее нации” и “идее крови”». Непосредственный участник событий конца войны, близкий к командовавшему Русской освободительной армией генералу А.А. Власову, священник А. Киселев свидетельствует, что “зимой 1944–1945 гг. иностранные представители в Третьем Рейхе (Ватикан, Сербия, Испания) установили контакт с его Комитетом освобождения народов России”. Более того, он утверждает даже, что “последним и единственно возможным реальным шагом спасения Германии был договор с национальными силами России, с генералом Власовым... с сербскими частями Летица и с армией генерала Недича”. В другом месте тот же автор по понятным причинам выражает сожаление, что не осуществился план “продвижения на соединение с казаками (120 тыс.), Русским корпусом (20–25 тыс.) или с Дражей Михайловичем”²⁴.

Но все эти планы, даже если бы они осуществились, не могли изменить общего хода второй мировой войны и развития событий на территории Югославии. Белградская операция Советской Армии и частей Народно-освободительной армии Югославии Й. Броза Тито поставила точку в политической карьере и сербских откровенных коллаборационистов, и колебавшихся между Соппротивлением и сотрудничеством “михайловичевцев”. 1946 год стал для них роковым: М. Недич в тюрьме покончил с собой, а Д. Михайлович по приговору суда был казнен.

НДХ и усташи: хорватское государство любой ценой

Движение хорватских усташей, которое возникло еще в 1929 г., стремилось к созданию этнически и конфессионально “чистого” хорватского независимого государства. В “Принципах хорватского усташского движения” (1933) и в брошюре “Хорватский национальный вопрос” (1936) А. Павелич сформулировал основные положения доктрины усташского движения и его цели. Многие из них сов-

падали или были логически и типологически сходны с соответствующими положениями сербских националистов М. Недича и Д. Михайловича.

“Принципы” усташского движения состояли в следующем: хорватам с самого начала их истории присуща национальная индивидуальность и исключительность; они издревле имели собственный этноним, общее отечество и неделимое государство, границы которого охватывают территории от рек Муры и Дравы до Дрины, от Дуная до голубой Адриатики, а также долины рек Зрманья, Сава, Босна и Неретва, города Вараждин, Сень, Сараево, Мостар, Осиек, Макарска; хорваты не признают на своей территории никаких иных наций и национальностей; непрерывная традиция хорватского исторического государственного права является основой хорватского государства и государственности. Отсюда вытекало и требование присоединения к хорватскому государству всех районов, которые в разные исторические периоды входили в состав хорватского государства (и в которых проживали хорваты, включая и районы Боснии и Герцеговины), а также отрицание всяких форм государственной связи с другими южнославянскими народами. Исключалась любая возможность того, чтобы Хорватия стала частью какого-либо другого государства, как и того, чтобы хорватская нация с кем-то делила свой суверенитет, а хорваты как национальность/нация – власть²⁵.

Национальное государство провозглашалось фундаментальной ценностью, которая позволяет хорватской нации осуществить право на собственную суверенную власть и отчизну. До его создания все попытки идеологических и социальных преобразований объявлялись лишь иллюзией, пустой тратой времени и сил нации. В “Принципах” подчеркивалось, что хорваты имеют право создать свое государство силой оружия.

Подобно М. Недичу и Д. Михайловичу, А. Павелич объявил нацию непреходящей ценностью, в рамках которой “каждый отдельный хорват имеет право на достаток и счастье”. Используя лозунг основателя демократического хорватского национализма XIX в. Анте Старчевича “Бог и хорваты”, будущий “поглавник” подчеркивал не только свою приверженность религии и католицизму, но и отождествлению этнонима (хорваты) с конфессионимом (католик). Впрочем, отношение к конфессиональной принадлежности было в действительности более сложным.

Сходясь в этом со своими злейшими врагами, великосербскими националистами, великохорватский националист А. Павелич провозглашал крестьянство “фундаментом и первоисточником национального развития и носителем государственной власти” в своем национальном государстве и “истинной нацией”. “Любые материальные и духовные ценности в хорватском государстве являются национальной собственностью, и нация одна уполномочена ими распоряжаться и пользоваться”, – писал идеолог-террорист. Но, по его пред-

ставлению, земля должна быть собственностью только того, кто ее обрабатывает со своей семьей, т.е. крестьянина. Подобно иным носителям тоталитарной идеологии, он декларировал, что “труд является основой любой ценности, а основой всякого права является обязанность. Никто не смеет обладать никакими особыми правами, ведь лишь обязанности перед нацией и государством дают право на безопасную жизнь”. Подобно сербскому почитателю идей А. Гитлера и Б. Муссолини Д. Летичу, их хорватский последователь А. Павелич рассуждал о том, что “выполнение любых общественных функций связано с обязанностью” перед хорватской нацией и государством.

Подводя итоги, А. Павелич заканчивал: “Средоточие нравственной силы хорватской нации определяется правильной и проникнутой религиозностью семейной жизнью, хозяйственная мощь нации – в крестьянском хозяйстве, жизни общины и в природном богатстве хорватской земли, а оборонительное могущество – в испытанной воинской доблести... Производство, ремесло, домашнее хозяйство и торговля должны стать помощниками крестьянскому труду и национальной экономике. Эти области [деятельности] должны быть полем [приложения] честного труда и источником достойной жизни трудящегося, а не средством накопления национального имущества в руках капиталистов”. В этом взгляды А. Павелича ничем не отличались от взглядов его заклятых врагов – С. Мольевича и Й. Броза Тито, которые также заявляли о намерении править “от имени” нации или класса.

В брошюре “Хорватский вопрос”, изданной во время войны немецки, А. Павелич попытался так же, как это делали сербские националисты, придать своей позиции и трактовке общенациональных интересов и требований некоторое наукообразие. Он резко отрицательно отзывался о “версальском диктате”, в результате которого хорватский народ оказался вынужденным жить в “чужом государстве под господством сербов”. Но целостность этого государства, вынужденного вести борьбу за свое единство из-за нерешенности хорватского вопроса, постоянно оказывалась под угрозой²⁶.

Отвергая концепцию “интегрального югославизма”, А. Павелич подчеркивал, что хорваты и сербы не являются одной нацией и одной национальностью, поскольку история, культура и раса определяют индивидуальность хорватов. “Уже тысяча лет, – писал он, – как хорватский народ принадлежит к западной культуре и цивилизации. Находясь на границе Запада и Востока, он, успешно защищая эту культуру и цивилизацию от византийской и турецкой агрессии, принес тяжелейшие жертвы во имя не только своих собственных, но и европейского интересов”. Идеолог экстремистского хорватского национализма, критикуя либеральный югославизм конца XIX в. и не проводя различия между ним и экстремистским “интегральным югославизмом”, а также исходя из негативного отношения к Австро-

Венгрии, утверждал, что “югославянская идеология вплоть до конца прошлого столетия была орудием венской политики”. Он пытался убедить читателя, что “в широких слоях хорватской нации никогда не существовало никакого общеславянского сознания, которое можно было бы противопоставить хорватскому национальному сознанию”. По его словам, слои, “не чувствовавшие своей принадлежности к славянству, отвергли, как нечто чуждое и опасное, славянскую и югославянскую инициативу, исходившую в предшествующем веке из Праги, Москвы и Белграда”. Этот неопровержимый, по мнению А. Павелича, факт свидетельствует, что хорваты по происхождению не славяне, а готы.

Делегация Национального веча, присоединившаяся 1 декабря 1918 г. в Белграде к провозглашению Королевства сербов, хорватов и словенцев, не имела на то никаких полномочий, утверждал “поглавник”. Кроме того, он считал, что страны Антанты, победившие в первой мировой войне, силой вынудили хорватов объединиться с Сербией. Тем самым Хорватия оказалась вовлеченной в “балканский хаос”, и поэтому “хорватский вопрос” являлся не только внутренней проблемой Югославии, но и проблемой международной политики.

Подобно сербским националистам, А. Павелич провозглашал целью национального движения создание “свободного и независимого национального (т.е. хорватского. – С.Р.) государства на всей ее исторической территории и [этническом] пространстве хорватского народа”.

В число врагов хорватской нации А. Павелич включил сербское государство, масонов-“вольных каменщиков”, евреев и коммунистов. Последние утверждения совпадают с приведенной выше антисемитской, антикоммунистической и антисоветской позицией Д. Михайловича. “Друзей” хорватов и будущего государства НДХ А. Павелич назвал в своих обращениях “хорватской нации” и “солдатам-хорватам” 5 апреля 1941 г., еще до нападения Германии на Югославию и до провозглашения НДХ. Это – “великие вожди великих народов – Гитлер и Муссолини”²⁷.

Создатель и вождь государства НДХ упрощенно понимал национальное самоопределение и рассматривал независимое хорватское государство как моноэтническое. В статье, опубликованной в 1940 г., он трактовал национальное самоопределение как “национальную свободу”, что в его глазах означало “свободу от иностранного господства, право нации самой управлять в своем государстве и суверенитет народа в своем государстве”. «Тот, кто не проникся мыслью, что единственный путь к спасению – это освобождение от иноземного господства и создание своего собственного независимого государства, – тот не хорват, – писал будущий “поглавник” в 1939 г. (Вспомним похожий по своей логике пассаж Д. Михайловича, отказывавшего в принадлежности к славянству тому, кто не разделял его убе-

ждения! – С.Р.). – Путем просвещения идут к свободе народы, уже обладающие своим государством, а внутренняя свобода и современный образ жизни зависят от уровня образования и культуры». Но только просвещением и миролюбием никто и никогда не изгонял из своей страны вражеские орудия, убеждал он, аргументируя необходимость вооруженной борьбы против Югославии и против сербов. Павелич сожалел, что во время первой мировой войны хорваты не воспользовались возможностью обрести независимость и что среди них нашлись люди, которые “впряглись в телегу так называемого югославизма и вступили в югославские, вернее, в сербские, отряды”²⁸.

Усташи считали всех сербов виновными – и как народ, и как нацию – в неблагоприятном положении, в котором оказались Хорватия и хорваты в межвоенной Югославии. Поэтому в так называемом Независимом Государстве Хорватия происходили массовые депортации сербского населения, проводились акции по его уничтожению. Более всего известны концлагеря Ясеновац, Госпич, Стара Градишка, Босанска Дубица и др. Туда же отправляли на смерть, в соответствии с расовыми законами НДХ, евреев и цыган, а также антифашистов и противников режима всех 30 национальностей, включая и хорватов²⁹.

Уничтожение и преследование евреев определялось указом о расовой принадлежности и указом о защите арийской крови и уважении хорватской нации. (Антисемитизм был также характерной чертой мировоззрений М. Недича и Д. Михайловича.) Репрессии по отношению к сербам обосновывались тезисом о том, что в прошлом сербы в Хорватии как народ всегда якобы были на стороне противников хорватов. Им вменялась в вину неравноправность положения хорватов в Королевстве СХС и Югославии. Цели и методы “павеличевцев” по сути ничем не отличались от целей “недичевцев” и четников – создание чистой этнической территории и приведение государственных границ в соответствие с этническими. Так же как и “недичевцы”, усташи считали, что переселение людей по национальному признаку (в данном случае – выселение сербов в Сербию) может решить проблему самоопределения хорватов и сербов³⁰.

Подобно М. Недичу и Д. Михайловичу, А. Павелич призвал на помощь для борьбы с партизанами оккупационные войска. Границы марионеточного государства были определены в апреле–июне 1941 г. Территория Боснии и Герцеговины практически целиком вошла в состав НДХ. Однако А. Павеличу пришлось пойти на значительные территориальные уступки Италии и отдать ей территории, которые этногосударственная программа А. Старчевича и его последователей провозглашала истинно хорватскими. (Италия по соглашению с НДХ оккупировала Герцеговину.) А. Павелич во многом зависел от Италии и вынужден был лавировать между Римом и Берлином.

В июне–июле 1941 г. территория НДХ была разделена на 22 великие жупании, которые, в свою очередь, состояли из котаров, а столица Загреб была выделена в особую административную единицу. Боснийско-герцеговинские котары вошли в следующие жупании: Бирбир и Сидрага (центр – Книн), Дубрава (Дубровник), Хум (Мостар), Лашва и Глаж (Травник), Ливац и Заполье (Н. Градишка), Крбава и Псат (Бихач), Плива и Рама (Яйце), Посавле (Славонский Брод), Сана и Лука (Баня Лука), Усора и Соли (Тузла), Врхобосна (Сараево). Некоторые части Боснии и Герцеговины (БиГ) вошли в состав жупаний, центры которых находились вне БиГ. Это, а также совпадение названий многих жупаний с названиями жупаний и областей, существовавших в средневековом государстве Хорватия, должно было подчеркнуть историческое и государственное право хорватов на БиГ³¹.

Только в трех из великих жупаний главами администрации (великими жупанами) были мусульмане-босняки. Сходная картина наблюдалась и в других органах власти и государственных учреждениях. Несмотря на красивые слова о том, что мусульмане-босняки являются “цветом хорватской нации”, на практике усташаи ничего не делали для того, чтобы защитить их от нападений сербских четников. Эти нападения отвечали идеологии Д. Михайловича и С. Мольевича и их территориальным притязаниям в Боснии и Герцеговине, которую они считали сербской этнической территорией. Достаточно вспомнить приведенную выше статью С. Мольевича “Гомогенная Сербия”, в которой провозглашалась цель очистить сербские территории от несербских элементов. Первое массовое истребление босняков со стороны четников относится к июню 1941 – февралю 1942 г.; второе – к августу 1942; третье – к началу 1943 г. В августе 1942 г. в Сараеве мусульмане-босняки создали Комитет национального спасения для вооруженного сопротивления не только четникам, но и усташам. В то же время усташское руководство рассматривало никогда не угасавшие среди мусульман-босняков автономистские тенденции как самую большую опасность для НДХ³².

Часть национальных деятелей – мусульман, не принимавших политику НДХ, в 1942 г. обратилась к германским властям с идеей о выделении Боснии и Герцеговины из состава НДХ и создании автономии мусульман-босняков под германским протекторатом. Это образование должно было бы иметь и свои собственные военные формирования. 20 января 1943 г. У. Хаджихасанович, М. Софтич и С. Салихагич вновь направили Гитлеру меморандум с обоснованием этих идей. В нем они выражали разочарование тем, что Босния не осталась под управлением германской военной администрации, а вошла в состав НДХ; утверждали, что мусульмане-босняки надеялись, что после оккупации их положение улучшится, а оно ухудшилось, что им не предоставили свободу. Наоборот, происходили массовые убийства мусульман, общее число жертв среди которых составило

около 150 тыс. человек. Выступая с антисемитских позиций, авторы меморандума в то же время высказались против массовых убийств сербов и натравливания на них мусульман. В меморандуме утверждалось также, что мусульмане-босняки по происхождению (“по расе и по крови”) не славяне, а готы, потомки племени, которое “еще в III в. пришло в тогдашнюю римскую провинцию Иллирию”. Авторы утверждали, что существуют очевидные различия в духовном и внешнем облике мусульман и славян, что босняки – первоначально исповедовавшие богомилство, в XV в. приняли ислам из-за гонений как со стороны Восточной (сербы), так и Западной церкви (хорваты и венгры). Но, как и в случае с М. Недичем, надежды на решение проблемы национального самоопределения с помощью оккупантов не могли осуществиться³³.

Чтобы воспрепятствовать попыткам мусульман отделить Боснию и Герцеговину от НДХ, власти в Загребе производили и манипуляции со статистическими данными. Был также возрожден тезис хорватского национального движения XIX в. о том, что мусульмане-босняки – это часть хорватской нации. Тогда ислам рассматривался как фактор, интегрирующий хорватскую нацию. Стремясь обосновать свои притязания на территорию Боснии и Герцеговины, где, помимо официально не признаваемых сербов, жили еще и мусульмане-босняки, не только хорватским государственным правом, но и естественным правом и национальным принципом, идеологи усташества провозглашали мусульман-босняков, несмотря на их конфессиональные отличия, “истинными хорватами”. В своих этнодемографических изысканиях А. Павелич называл этот народ “хорватами-мусульманами”, а в апреле 1941 г., выступая с обращением к “хорватам, солдатам, католикам и мусульманам”, он заявил, что “мусульманская кровь – это хорватская кровь”³⁴.

В 1941 г. был представлен проект исламских религиозных законов и конституции. Усташское государство не пользовалось широкой поддержкой босняков. Исключение сначала составляла лишь группа во главе с профессором Х. Хаджичем. 14 августа 1941 г. А. Павелич принял часть руководства бывшего Югославянского мусульманского сообщества во главе с Д. Куленовичем, которые также перешли на сторону НДХ.

На территории НДХ первое время признавались три конфессии – католическая, протестантская и ислам. Официально считалось, что мусульмане в прошлом были хорватами-католиками и остались хорватами после принятия ислама. Православие было запрещено; разрушались церкви, закрывались монастыри, изгонялись и уничтожались православные священники. Были попытки и насильственного окатоличивания, но они ни к чему не привели.

В сложном положении оказалась в Хорватии католическая церковь. С одной стороны, она выступила с воззванием против партизан-коммунистов и была вполне согласна с отождествлением

этнонима “хорват” с конфессионимом “католик”. С другой стороны, архиепископ Загребский А. Степинац неоднократно обращался к А. Павеличу с протестом против притеснений и массового насилия, основанного на расовых теориях. В условиях НДХ для таких поступков, каковы бы ни были их мотивы, нужно было немалое мужество³⁵.

Преследуя свою главную цель – “очистку” Боснии и Герцеговины от сербов, власти НДХ использовали мусульман для расправ над сербами. Но с мусульманской стороны были и открытые протесты против этих расправ. Первый такой протест относится к августу 1941 г. В сентябре–декабре были собраны довольно многочисленные подписи под опубликованными резолюциями против злодеяний. Не остались в стороне мусульмане-босняки и от антифашистского сопротивления. В отличие от католической церкви в Хорватии, как считают некоторые авторы, мусульманскому духовенству удалось уклониться от прямых выступлений с осуждением партизан³⁶.

Усташи натравливали мусульман на православных. В Сербии погромные кампании вели сербские националисты. В это же время четники совершали насилие над мусульманским населением, а часть мусульман, пойдя за усташами, участвовала в гонениях на сербов. Известно и о существовании Ханджар-дивизии – подразделения СС, состоявшего из мусульман-босняков. Некоторые босняки расценивали это как возможность защититься от нападений со стороны четников, усташей и партизан. Но дивизия была передислоцирована во Францию на обучение (там в ней произошло антинемецкое восстание), а по возвращении была брошена на борьбу с партизанами. Но в 1944 г. дивизия практически прекратила свое существование, а многие ее солдаты перешли к титовским партизанам, представлявшим к тому времени значительную силу³⁷.

Историки – сербы, хорваты, босняки – отмечают в своих работах, что военные преступления и преступления против человечности во время второй мировой войны совершались в тех же городах и в тех же районах, что и 50 лет спустя, в наши дни: Власеница, Сребреница, Рогатица, Вышеград, Горажда, Чайнич, Фоча. Естественно, каждая сторона обвиняет в них войска и военизированные формирования двух других национальностей.

Если “недичевцы” и четники были повержены с помощью Советской Армии, то усташи НДХ были разбиты НОАЮ Й. Броза Тито самостоятельно. НДХ перестала существовать, самому главарю А. Павеличу удалось бежать; он умер в 1959 г. в эмиграции в Мадриде. Многие же солдаты, насильно мобилизованные в его армию во время войны, были выданы союзниками новой власти из лагеря в Бляйбурге (Австрия), где они находились вместе с так же выданными СССР казаками, и погибли в лагерях³⁸. То же случилось и с солдатами “армии” М. Недича и четниками Д. Михайловича.

Коммунисты-югославы

Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) изменила свое отрицательное отношение к идее югославского государства еще в 20-е годы. Ее программа соединила в себе традиционные идеи югославизма с принципами “пролетарского интернационализма” и национального самоопределения “вплоть до отделения”, независимо от численности народа. В этом десятилетии отрицательное отношение югославских коммунистов к идее общего югославянского государства, созданного на монархической великосербской основе в рамках Версальской системы, разделялось Коминтерном, деятельность которого определялась целями и воззрениями И.В. Сталина и его приближенных³⁹.

Поддерживаемый Москвой и Коминтерном Й. Броз Тито во время войны имел собственный план восстановления Югославии. Он основывался на марксистской теории и большевистском опыте “решения национального вопроса” в СССР. В соответствии с ним Югославия должна была превратиться в территориальную федерацию, названия единиц которой совпали бы с этническими, но многонациональный характер населения в каждой республике сохранялся. Таким образом, отвергался принцип Д. Михайловича: “одна национальность – одна нация – одна территория – одно государство”. Югославия должна была стать централизованной федерацией республик, основанной на принципах “пролетарского интернационализма”. Югославские коммунистические руководители стремились совместить марксистскую теорию, опыт СССР и предвоенной Югославии, воссоздать югославизм в новой форме. Они отвергали и “интегральный югославизм”, и этнический национализм отдельных южнославянских народов. Они не рассматривали национальность как субъект государственного права и политических отношений, выступали против отождествления религиозной и национальной принадлежности. Некоторые из приближенных Й. Броза Тито мечтали о присоединении Югославии к СССР⁴⁰.

Коммунистическая партия Югославии оказалась единственной многонациональной по составу партией, а также единственной партией, выступившей против оккупации и раздела страны, принципиально отмежевавшейся от королевской Югославии. Все остальные политические организации имели локальный и национальный характер и прекратили свое существование. В Крестьянской партии, например, крупнейшей оппозиционной партии в Хорватии, часть ее членов стала сотрудничать с режимом А. Павелича, другая – перешла к партизанам, а кто-то совсем отошел от политики.

Еще в 1943 г. знаменитая Вторая сессия Антифашистского Веча Национального Освобождения Югославии провозгласила: “Чтобы осуществить принцип суверенности народов Югославии, чтобы

Югославия превратилась в подлинное отечество для всех народов и не стала бы вотчиной каких бы то ни было господствующих клик, Югославия строится и будет построена на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины⁴¹. Как свидетельствует Милован Джилас, в те годы – один из ближайших друзей и соратников Й. Броза Тито, решение это было принято без согласования со Сталиным и вызвало его неудовольствие⁴².

Однако без поддержки СССР – материальной, политической, дипломатической и военной – движению Тито вряд ли бы удалось одолеть своих многочисленных противников и, обосновавшись в Белграде, воссоздать югославское государство, но уже в новой форме – социалистической этнотерриториальной федерации, которая, тем не менее, унаследовала межэтнические и межнациональные противоречия Австро-Венгрии и межвоенной королевской Югославии.

В Конституции Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) 1946 г. были формально провозглашены принципы равноправия народов, закреплено федеративное устройство и, как тогда представлялось, окончательно обеспечено право всех наций и национальностей страны на самоопределение⁴³.

* * *

Военное поражение и крах королевской Югославии привели к новому обострению межэтнических противоречий на ее территории, к очередной перекройке административных и политических границ. Оккупанты умело манипулировали сербскими, хорватскими и другими радикальными националистами, стремившимися использовать крах единого государства и осуществить, как им казалось, национальное самоопределение по принципу “одна этническая общность – одна территория – одно государство”. В результате в период иностранной оккупации этнические противоречия среди южнославянских народов приняли характер междоусобной войны. Террор был развязан по этническим, религиозным и политическим признакам.

В 1941–1945 гг. на территории оккупированной Югославии столкнулись различные варианты этнического национализма. Узкий этнический национализм, радикальный югославизм и примитивный интернационализм были основаны на политическом экстремизме и насилии, на идее авторитарного или тоталитарного государства. В этом состояло их идейное и психологическое родство. Круг идей их руководителей был весьма ограничен и обусловлен принадлежностью к одному времени, одной политической культуре и сходным идеологическим традициям. Этим объясняется множество типологических и смысловых совпадений в конкретных пунктах программ и схожесть логики мышления непримиримых врагов, каждый из которых имел к тому же и свои собственные политические амбиции.

Казавшиеся в XIX столетии демократическими и гуманистическими идеи были в XX в. доведены до логического конца и исторического абсурда. Они стали идеологическим фундаментом тоталитарных и антигуманных режимов, обрекших на смерть миллионы людей. На территории побежденной, разделенной и оккупированной Югославии соперничали между собой несколько типов социальных и национальных движений, но ни одно из них не было демократическим и не могло им быть. Это было последствием слабого и деформированного развития процессов модернизации в государстве, раздираемом межэтническими конфликтами в ходе национального самоопределения населявших его народов.

Опыт отношений между частью югославянских народов и их псевдонезависимыми государственными образованиями во время второй мировой войны и иностранной оккупации ясно свидетельствует об однотипности национального экстремизма у конфликтующих народов и наличии одинаковых структурных элементов в его идеологии и политике. Не стал выходом из замкнутого круга и югославизм нового типа, основанный на пролетарском интернационализме и коммунистической идеологии.

Однотипными были идеологические установки, государственная политика по отношению к национальным меньшинствам и к проблеме этнических и политических границ. Этническая общность считалась единственным субъектом права, собственником территории и государства, границы которого должны были совпадать с границами расселения “своего” этноса. Этническая (или классовая) однородность должна была быть осуществлена при помощи массовых истреблений населения других национальностей или людей с иными политическими убеждениями, насильственного переселения и “этнических чисток”. Иных путей достичь поставленных целей у правителей созданных оккупантами государственных образований, как и у руководителей коммунистического и антикоммунистического сопротивления, не было.

Вожди этих разрозненных течений и их вооруженных формирований враждовали между собой, что не мешало им поочередно блокироваться друг с другом против наиболее сильного в данный момент соперника. Они искали разные пути осуществления своих теорий и планов. Одни были поставлены у власти оккупантами, другие находились в партизанских лагерях.

Югославистски ориентированные политики возглавили коммунистическое и антикоммунистическое сопротивление оккупантам; радикальные этнические националисты независимо от национальности оказались в лагере коллаборационистов.

Сложность исторической ситуации заключалась в том, что процесс национального самоопределения проходил у двух (в Боснии и Герцеговине – трех) народов, находившихся на приблизительно од-

ной стадии развития и проживавших на одной территории. Экстремизм одних неизбежно порождал экстремизм других.

Эксперименты по созданию “великих” моноэтнических государств “во имя нации” дорого обошлись самым югославянским народам. По разным подсчетам потери в войне сербов составили приблизительно более 500 тыс. человек, хорватов – 200 тыс., босняков-мусульман – около 100 тыс. человек.

Ослепленные крайним этническим национализмом, однотипные оккупационные режимы, представлявшие лишь часть сербов, хорватов и босняков, несут ответственность и перед своими народами, и перед своими жертвами. Их “вожди” после победы государств антигитлеровской коалиции были объявлены военными преступниками. А созданная “железом и кровью” коммунистом-югославистом Й. Брозом Тито Югославия через десять лет после его смерти распалась, породив не менее страшную межэтническую бойню и гражданскую войну, чем в 1941–1945 гг.

¹ См.: История Югославии. М., 1963. Т. II. С. 63–186; *Биланджич Д., Чович Б., Юркович П.* и др. Хорватия между войной и самостоятельностью. Загреб, 1991. С. 31–34; *Зечевић М.* Югославија 1918–1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994. С. 37–90; *Matković H.* Povijest Jugoslavije. Hrvatski pogled. Zagreb, 1998. S. 231–270; *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Koper, 1995. S. 51–109; *Imamović M.* Historija Bošnjaka. Sarajevo, 1998. S. 485–526; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia. Ithaca, N.Y. 1984; The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century/ J. Held, ed. N.Y., 1992. P. 306–342; *Garde P.* Život i Smrt Jugoslavije / Prijevod sa francuskoga. Zagreb, 1996. О внешнеполитических аспектах развития Югославии в 30-е годы см., например: *Littlfield Frank C.* Germany and Yugoslavia. 1933–1941. Columbia University, 1988.

² История Югославии. Т. II. С. 155.

³ *Романенко С.А.* Югославия: от “братства и единства” к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 254–259.

⁴ *Романенко С.А.* Австро-Венгрия или Югославия? // Австро-Венгрия. Исторический опыт многонационального государства. М., 1995. С. 89–94, 103–104.

⁵ *Романенко С.А.* Югославия: от “братства и единства”... С. 259. Сходные идеи высказал английский историк Ноэль Малькольм в кн.: *Malcolm N.* Bosnia. A Short History. L., 1994. P. 174.

⁶ См., например: *Књежевић Р. и Ж.* Слобода или смрт. Сјјатл, 1984; *Отрџанић И.* Military History of Croatia. Brynn Mawr (Penns.), 1984; The creation and changes of the Internal Borders of Yugoslavia [n.p., n.d.]; *Трифковић С.* Усташе. Балканско срце таме на европској политичкој сцени. The Lord Byron Foundation for Balkan Studies. 1998; История Югославии. Т. II. С. 187–257; Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 5. S. 129–140.

⁷ *Horvat R.* Hrvatska na mučilištu. Pretisak. Zagreb, 1992. S. 627–630.

⁸ *Horvat R.* Op.cit. S. 618–628; *Pirjevec J.* Op. cit. S. 113–116; *Зечевић М.* Op. cit. S. 93–96; *Imamović M.* Op. cit S. 529–530.

⁹ Zečević M., Lekić B. Frontiers and internal territorial division in Yugoslavia. Belgrade, 1991. P. 15–16; Boban L. Hrvatske granice. S. 45–49; Cesarich G.W. Croatia and Serbia. Why is their Peaceful Separation a European Necessity? Chicago (Illin), 1954; Magocsi R.P. Historical atlas of East Central Europe. Seattle; London, 1993. P. 152–155.

¹⁰ Этот документ опубликован в 1968 г. в книге сербского историка С. Кракова (*Krakov S. Milan Nedić. München, 1968*). А статья цит. по: Etničko čišćenje. Povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji / Priredili M. Grmek, M. Gjedara i N. Šimac. Zagreb, 1993. S. 135–141. См. также: *Borković M. Milan Nedić. Zagreb, 1985. S. 268–320; Павловић И.М. Милан Недић и његово доба. Београд, 1994. Књ. I–II. Отаџбинско издање.*

¹¹ *Vojinović A. NDH u Beogradu. Zagreb, 1995.* См. также: Документи о издајству Драже Михаиловића. Т. I. Београд, 1946. С. 203–209.

¹² *Суботић Д.* Затомљена мисао. О политичким идејама Димитрија Љотића. Београд, 1994. С. 18; *Матућ М.* Равногорска идеја у штампи и пропаганди. Београд, 1995. С. 274.

¹³ Проблема взаимоотношений православной, католической и исламской церковных организаций с различными участниками конфликта, государственным образованиями и между собой чрезвычайно сложна, политизирована и выходит за рамки настоящей статьи. Здесь и далее автор по необходимости касается ее лишь в самых общих чертах. О полярности оценок, высказываемых как в общетеоретическом, так и в конкретно-историческом аспектах в зависимости от политической ориентации и национальной принадлежности исследователя, можно судить, например, по: *Ђурић В.* Усташе и православље. Хрватска православна црква. Београд, 1989; *Požar P.* Hrvatska pravoslavna crkva u prošlosti i budućnosti. Zagreb, 1996; *Stefan Lj.* Srpska pravoslavna crkva i fašizam. Zagreb, 1996; *Šanjek F.* Kršćanstvo na hrvatskom prostoru. Zagreb, 1996. S. 454–469; *Mlivočič A.* Pape i Hrvati. Zagreb, 1993. S. 191–197; *Kumpes J.* Religija i etnički sukobi na prostorima bivše Jugoslavije // Konfesije i rat. Zbornik radova Međunarodnog znanstvenog skupa. Split, 2.–4. prosinca 1993. Split, srpanj, 1995. S. 257–276.

¹⁴ См.: Документи о издајству Драже Михаиловића. С. 203–209. *Milovanović N. Draža Mihailović. Zagreb, 1985; Duraković N. Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, 1993. S. 138–142; Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 2. S. 572–586.*

¹⁵ Приводимый документ опубликован в 1981 г. в Белграде в кн.: *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. XIV. Beograd, 1981. Књ. I. Dokumenti četnickog pokreta Draže Mihailovića. 1941–1942. Цит. по: Etničko čišćenje. Povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji. S. 127–133.*

¹⁶ *Duraković N.* Op. cit. S. 142.

¹⁷ Документи о издајству Драже Михаиловића. С. 14–19, 23–25.

¹⁸ Говори и изјаве генерала Драже Михаиловића. Чикаго, 1966. С. 58–63.

¹⁹ Оригинал опубликован в кн.: *Dedijer V., Miletić A. Genocid nad muslimanima 1941–1945. 2 izd. Sarajevo, 1990.* Цит. по: Etničko čišćenje. Povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji. S. 144, 146. Фрагмент опубликован в кн.: Документи о издајству Драже Михаиловића. С. 10–13. См. также: *Матућ М.* Равногорска идеја у штампи и пропаганди. Београд, 1995.

²⁰ Говори и изјаве генерала Драже Михаиловића. С. 76–82.

²¹ *Књежевић Р. и Ж.* Op. cit. С. 974–978.

²² Говори и изјаве генерала Драже Михаиловића. С. 61.

²³ Там же. С. 82.

²⁴ См.: *Киселев А.*, протоирей. Облик генерала Власова. (Записки военного священника). 2-е изд. Путь жизни. N.Y. [б.г.]. С. 124, 150.

²⁵ *Dokumenti ustaša. Priredio Petar Požar. Zagreb, 1995. S. 57–89.* См. также: *Matković H. Povijest Jugoslavije.... S. 243–245; Idem. Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Zagreb, 1994.*

²⁶ *Dokumenti ustaša. S. 95–109.* См. также: *Pavelić A. Die kroatische Frage. Berlin, Steglitz. 1941; Horvat R. Op. cit.; Barišić M. Ante Pavelić. Zagreb, 1985; Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 8. S. 438–444.*

²⁷ *Horvat R. Op. cit. S. 620, 621.*

²⁸ *Pavelić A. Oslobođenje // Croatian Almanac – Godišnjak-Kalendar hrvatskog domobrana. 1940. Pittsburgh; Byenos Aires, [s.a.] P. 17–27.*

²⁹ *Dokumenti ustaša. S. 160–174.*

³⁰ О вызванной такой политикой миграции населения в НДХ и ее демографических последствиях см., например: *Heršak E. Panoptikum migracija: Hrvati, hrvatski prostor, Evropa // Migracijske teme. Godina 9. Br. 3–4. Zagreb, prosinac 1993. S. 274–277.*

³¹ *Imamović M. Op. cit. S. 531–532; Duraković N. Op. cit. S. 128; Srkulj S., Lucić J. Hrvatska povijest u dvadeset pet karata. Zagreb, 1996. S. 105–107.*

³² *Imamović M. Op. cit. S. 537–538.*

³³ *Duraković N. Op. cit. S. 150–152.* О позиции различных течений в национальном движении боснийских мусульман во время второй мировой войны также см.: *Redžić E. Bosna i Hercegovina u drugom svjetskom ratu. Sarajevo, 1998. S. 299–375; Filandra S. Bošnjačka politika u XX stoljeću. Sarajevo, 1998. S. 157–195.*

³⁴ *Horvat R. Op. cit. S. 621; Duraković N. Op. cit. S. 125.*

³⁵ *Šanjek F. Op. cit. S. 454–469; Mlivočič I. Op. cit. S. 191–197.* Взаимоотношения властей НДХ и католической церкви во многом определялись неразрешенными противоречиями в отношениях государства и церкви, а не иными политическими причинами. В частности, с этой точки зрения надо рассматривать создание государством хорватской православной церкви и признание старокатолической церкви в Хорватии.

³⁶ *Imamović M. Op. cit. S. 534.*

³⁷ *Ibid. S. 538, 540–543; Doprinos Hrvatske pobjedi antifašističke koalicije. Zagreb, 1995.*

³⁸ *Lucić J., Šanjek F., Antić Lj. i dr. Hrvatski povijesni zemljovid. Zagreb, 1994. S. 47, 84.*

³⁹ *Улуян Ар.А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919–1938 гг. М., 1997.*

⁴⁰ *Гуренко Ю.С. Сталин и Тито. М., 1991. С. 276, 365.*

⁴¹ История Югославии. Т. II. С. 226. О взаимоотношениях Сталин–Тито и влиянии сталинской идеологии на Тито см.: *Гуренко Ю.С. Указ. соч., Броз Тито И. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 65–200; Он же. Избранные статьи и речи. Май 1941 – октябрь 1979. М., 1987. С. 65–208.*

⁴² *Джилас М. Тито – мой друг и мой враг. Париж, 1982. С. 202.*

⁴³ См.: Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. М., 1956. С. 9–45.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ “ФЕВРАЛЬ” 1948-го НАЧИНАЛСЯ В 1945 году

В феврале 1948 г. коммунисты Чехословакии фактически пришли к власти в стране во главе формально многопартийного “очищенного от реакции” (читай: их союзников по антинацистской борьбе) Национального фронта. Путь к февралю был длительным – более четверти века. Важнейшим этапом на этом пути стал период второй мировой войны, когда большая часть лидеров Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) первой величины оказалась в качестве политэмигрантов в Москве. Тесная связь с исполкомом Коммунистического Интернационала (ИККИ), и особенно его Генеральным секретарем Г.М. Димитровым, непосредственные или опосредованные (через ИККИ) контакты с советскими государственными учреждениями – народными комиссариатами иностранных дел (НКВД), внутренних дел (НКВД), государственной безопасности (НКГБ), обороны (НКО), с секретарями ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым, А.С. Щербаковым, с руководителями государства И.В. Сталиным, В.М. Молотовым не могли не оказать влияния на политику Заграничного бюро КПЧ, на формирование его концепций послевоенного развития восстановленной Чехословакии.

Роспуск Коминтерна не означал бесследного исчезновения этой организации, просуществовавшей без малого четверть века¹. Ее функции по существу сохранялись, будучи лишь рассредоточены между находившимися в Москве загранбюро компартий, советскими партийными органами, а именно ЦК ВКП(б), где был создан отдел международной информации (ОМИ), и государственными структурами, в том числе и НКГБ. Согласно постановлению политбюро ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1943 г., в ОМИ (в документе он именовался иностранным отделом) были сосредоточены все связи, имевшиеся у Коммунистического Интернационала. Заведующим отделом формально (ранее он исполнял эту обязанность де-факто) назначался Г. Димитров, его заместителем – Д.З. Мануильский, а общее руководство деятельностью отдела поручалось В.М. Молотову². ОМИ и существовавшие при нем институты осуществляли курьерскую связь с ЦК зарубежных компартий, согласовывали вопросы об отправке для их нужд оружия и денег, посылали литературу, обеспечивали радиосвязь с нелегальными компартиями и радиовещание на различные страны мира.

Акции по камуфлированию деятельности, которую ранее осуществлял Коминтерн, шли параллельно с разработкой советским руководством политической линии в послевоенной Европе. Основные принципы советской программы послевоенного устройства ми-

ра были обнародованы Сталиным в его речи 6 ноября 1943 г. и состояли, в частности, в следующем: освобождение народов Европы от фашистского ига и содействие им в восстановлении своих национальных государств; предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве; организация *длительного* экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры и т.д.³

Вопросы послевоенного сотрудничества и обеспечения прочного мира обсуждались и на Тегеранской конференции (28 ноября–1 декабря 1943 г.) глав правительств СССР, США и Англии, в декларации которой подчеркивалась необходимость единства действий трех великих держав.

Об искренности намерений советского руководства должно было свидетельствовать подписание 12 декабря 1943 г. Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ЧСР. Договор, заключенный на 20 лет и предусматривавший возможность его пролонгации, был нацелен не только на взаимодействие в военное время, но и на “тесное и дружественное сотрудничество в период после восстановления мира” в соответствии с принципами уважения независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела другого государства⁴. Конкретизацией и развитием договора стало подписанное по инициативе Бенеша при подходе советских войск к довоенным границам Чехословакии Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления Красной Армии на территорию Чехословакии (8 мая 1944 г.)⁵.

Договор и Соглашение являлись первыми официальными документами, демонстрировавшими курс советской внешней политики в отношении малых европейских государств. В этой связи особое внимание обращалось на пропаганду заложенных в них принципов. Именно тогда, как писал руководитель Совинформбюро Д. Поликарпов заведующему отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Александрову 17 декабря 1943 г., возникла необходимость уточнить “указания о нашей пропаганде по радио на иностранных языках”. Тут же предлагался проект решения, содержавший перечень задач по активизации пропаганды. Среди них, с точки зрения исследуемой в статье темы и для уяснения официально декларируемых намерений советского руководства в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы, интересны следующие: всемерное разъяснение славянским народам, что сохранение их свободы и независимости от немецкой агрессии возможно лишь при постоянном и неразрывном содружестве с народами Советского Союза, призыв славян к вооруженной борьбе против немцев, разъяснение значения советско-чехословацкого договора для судеб славянских народов.

Предполагалось также широко разъяснять цели войны Советского Союза и разоблачать измышления о “русской опасности”, в связи с чем снова подчеркивалась необходимость “популяризировать советско-чехословацкий договор, определяющий характер отношений СССР с малыми странами, участвующими в общей борьбе против германского империализма”⁶.

Имела ли эта программа советского руководства пропагандистский характер? Или за всем этим стояла действительная заинтересованность руководителей государства, и прежде всего Сталина, в выполнении обещанного? Однозначный ответ тут невозможен. СССР и Запад, потрясенные трехлетней (к тому времени) войной, нуждались в мирной передышке, чтобы заняться восстановлением разрушенных экономик и решением социальных задач.

Кроме того, важно понимать, что представлял собой к концу войны полномостный вершитель судеб советской страны Сталин. Российские исследователи только в последнее время стали заниматься данной проблемой, и с этой точки зрения определенный интерес представляет попытка создания психологического портрета Сталина. Предпринял ее корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Генри Кэссиди, находившийся в течение четырех лет в Москве. Перевод его статьи, опубликованной в журнале “Сатердей Ивнинг Пост” 18 ноября 1944 г., был направлен отделом печати НКВД А.С. Щербакову и свидетельствует о внимательном его прочтении последним (подчеркивания, пометы)⁷.

Корреспондент полагал, что решающее значение для Советского Союза и его политики имел тогда возраст Сталина (ему исполнилось 65 лет), поскольку советский лидер становится “консервативным” и понимает, что “у него осталось больше дел, чем времени, которое необходимо для их выполнения”. Что касается дел, то автор, называя их по-разному (“модернизация отсталой нации”, “выполнение плана Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина”, “укрепление советской системы в России”), считал, что они “требуют долгих лет труда” и что в связи с этим Сталин “вряд ли решится на новые взрывы”. Кэссиди утверждал: “Более вероятно, что он будет придерживаться консервативного умеренного курса для того, чтобы сохранить то, что им уже завоевано, и сделать то небольшое, что он может сделать перед тем, как умрет”. “Представьте себе, *а есть все основания думать так* (курсив мой. – В.М.), – писал автор, – что вместо того, чтобы вернуться обратно к изоляции (...) или вместо того, чтобы зажать в стальной кулак Восточную Европу, или снова отравлять мир бактериями международного коммунизма, Сталин решил бы, что у него дела больше, чем надо, и вступил бы в искреннее сотрудничество с демократическими странами. Как изменилась бы мировая история!”

Автор сообщал такую интересную подробность: советский цензор, просматривая одну из его статей, вычеркнул все прежние, взя-

тые из советского официального издания «ссылки на нас (Англию. – В.М.) как на капиталистов и врагов коммунизма. “Теперь уже не время писать такие вещи из Москвы”, – пояснил он (цензор. – В.М.)».

Кэссиди отмечал, что “за последнее время у самого Сталина по адресу Англии и США были только одни комплименты”, приводил выдержки из его речи в ноябре 1943 г. и делал вывод: “его боевой клич – уже не клич революционера, но осторожный призыв консерватора с мотивировкой причин”. Таким многие на Западе видели или хотели видеть Сталина, полагая, что он намерен проводить позиционную тактику закрепления достигнутого. Что касается ближайших планов Сталина, прогнозы Кэссиди были, видимо, верны. В частности, Молотов в беседе с Бенешем 21 марта 1945 г., возможно, искренне, заявил, что если великие державы (имелись в виду Англия и США) хотят по-честному договориться, то СССР хотел бы этого тоже. “У нас огромное желание заняться внутренними делами, – добавил Молотов. – Мы более искренние сторонники мира, чем кто бы то ни был”⁸.

Напомним, что договоренность, хотя и негласная, о разделе сфер влияния в послевоенной Европе к тому времени фактически была достигнута. Советский Союз не выступал инициатором этого раздела, но, как следует из записки заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова на имя В.М. Молотова от 9 октября 1943 г., позиция СССР была следующей: “Воздерживаясь от *проявления* (курсив мой. – В.М.) какой-либо заинтересованности в принципе деления Европы на зоны, мы, однако, отнюдь не обязаны выступать с негативной декларацией по схемам, которые не нами выдвигались и не нами защищались”⁹. Идея о сферах влияния, думается, импонировала и советскому руководству: ведь был уже опыт советско-германских договоренностей на этот счет в 1939 г. Более того, Москва была прямо заинтересована в реализации этой идеи. В другой записке Литвинова на имя Молотова (от 11 января 1945 г.) намечалась даже “максимальная сфера интересов или, лучше сказать, безопасности” СССР. Она должна была охватывать Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию, Турцию¹⁰.

Чехословакии при этом отводилась особая роль. СССР, как утверждал заместитель наркома иностранных дел И.М. Майский в записке на имя Молотова от 11 января 1944 г., “выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии”, которая способна стать важным проводником советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе ввиду настроений ее населения (очевидно, речь шла о русофильстве) и наличия советско-чехословацкого договора. Майский писал: “Чехословакия должна быть по возможности усилена территориально, политически и экономически. Ее следует рассматривать как форпост нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе”¹¹.

В закрепленной (фактически) за СССР сфере его влияния (интересов, безопасности – тогда это называлось по-разному) можно было применить иную, более гибкую, чем прежняя, тактику в проведении советской политики. Эта тактика была рассчитана не на сиюминутный, а на постепенный результат при опоре на внутренние силы, коммунистов, занявших или поставивших цель занять прочные позиции в органах новой власти, эксплуатируя свой имидж борцов против фашизма. Также предполагалось использовать возросшие авторитет и влияние Советского Союза на международной арене и обеднение широких слоев населения в результате войны. Глобальные, стратегические цели – распространение социалистической системы советского образца на весь мир, и идея мировой социалистической революции не были “похоронены”. Их реализация мыслилась лишь в иных формах, иными методами и темпами, продиктованными новой международной обстановкой. Слова “советизация”, “большевиизация”, “социалистическая революция”, “социализм”, “диктатура пролетариата” были исключены не только из официального лексикона советских лидеров и прессы, но и из не рассчитанных на обнаружение выступлений и заявлений советских и партийных функционеров не первой величины.

Отвергались как необоснованные даже намеки на то, что СССР стремится к “советизации” тех стран, на чью территорию вступала Красная Армия. Во время встречи в Кремле 24 марта 1945 г., на которой присутствовали В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, Э. Бенеш, Я. Масарик (министр иностранных дел ЧСР), З. Фирлингер (посол Чехословакии в СССР), советский нарком, сославшись на то, что в свое время Бенеш якобы допускал возможность советизации освобожденной ЧСР¹², заметил, по словам Фирлингера, что “никто в Советском Союзе советизации ЧСР не желает”¹³. В советском варианте записи беседы Молотова с Бенешем эта мысль изложена следующим образом: Молотов заметил, что “вопрос о советской власти ...конечно, не обсуждается сейчас”¹⁴. Об этом же свидетельствует и ряд других примеров. На обеде, устроенном в честь президента ЧСР Э. Бенеша 28 марта 1945 г., Сталин также говорил на эту тему. В записи помощника Молотова Б. Подцероба значится: “Про нас думают, что мы хотим установить всюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался там установить советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй”¹⁵.

Аналогичной линии придерживались и рядовые партийные работники. В частности, сотрудник ОМИ ЦК ВКП(б) Н. Пухлов, подготовивший в ноябре 1944 г. для Димитрова обзор словацкой повстанческой “Правды”, критиковал авторов ряда статей (Шмидке, Эртла) за такие выражения, как “вести трудящихся по новому пути к социализму завтра”; коммунисты и социал-демократы, находящиеся

“под влиянием идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина”; единство, направленное “на борьбу против фашизма и за победу социализма”; лучшее будущее “в новом свободном социалистическом государстве”. “Эти формулировки и положения, на мой взгляд, – делал вывод Пухлов, – не могут способствовать расширению базы национально-освободительной борьбы в Словакии, а посему считаю необходимым подправить словацких товарищей”¹⁶.

По всей видимости, именно после того, как указанный материал в ноябре 1944 г. попал на стол Димитрова, и состоялась его хорошо известная встреча с группой чехословацких коммунистов, работавших в СССР, о которой будет сказано далее.

Вместе с тем, как совершенно правильно отмечал Фирлингер, Советский Союз не собирался “в чем-либо принципиально менять свою доктрину или же отказываться от социализма”¹⁷. Об этом же свидетельствуют и мемуары Н.С. Хрущева, который говорил, что Сталин и его окружение в конце войны грезил о социальной революции в Европе, и прежде всего в Германии, Франции и Италии, где должны были возникнуть пролетарские государства и осуществлен переход к социализму. Вслед за перечисленными странами, как представлялось советским руководителям, по тому же пути пойдут и другие¹⁸.

Однако это была долгосрочная перспектива. Пока же продолжалась война, по мнению кремлевских лидеров, еще не пришло время для открытой, прямолинейной проповеди идей социализма, воплощенных в советском образце. Речь пока шла лишь об установлении демократических режимов, поддерживаемых всеми антифашистскими силами и дружественных по отношению к Советскому Союзу. В одном из интереснейших советских документов конца войны – записке, подготовленной Комиссией при НКВД во главе с И.М. Майским в январе 1944 г. и касавшейся вопросов послевоенного мирного урегулирования, в разделе “Государственный строй вражеских и ныне оккупированных государств” утверждалось: “СССР заинтересован в том, чтобы государственный строй этих стран базировался на принципах широкой демократии в духе идеи народного фронта”. При этом обращалось внимание на то, что главная угроза миру и спокойствию может исходить от преждевременных революций, так как они могут спровоцировать эскалацию напряженности в отношениях с Западом¹⁹.

Как известно, развитие событий второй половины 40-х годов привело по сути к установлению в Восточной Европе режимов советского образца, но в 1944–1945 гг. столь быстрое развитие событий советской стороной не предполагалось. Наоборот, как уже говорилось, Москва сдерживала леворадикальные тенденции, проявлявшиеся в компартиях стран региона, советовала не спешить с выполнением программы-максимум. Руководство СССР тогда считало необходимым “отодвинуть” идеологию на второй план во имя решения

первоочередных задач: окончательной победы над фашизмом и достижения договоренности с партнерами по антигитлеровской коалиции для обеспечения необходимой мирной передышки. Нужно было убедить Запад, что “Советы” не угрожают ему как активные распространители “бацилл большевизма”. Как в 1939 г., когда Москва отказалась от открытой критики фашизма во имя улучшения отношений с гитлеровской Германией, т.е. подчинила идеологию политике, так и теперь она считала несвоевременной, нецелесообразной прямую, лобовую пропаганду идей социализма. Сталинский прагматизм в очередной раз взял верх над коммунистической догмой.

При этом нет оснований для сомнений в том, что советские лидеры были последовательными и верными марксистами-ленинцами. Их убеждение в преимуществах и прогрессивности советского строя не исчезло. Советская демократия представлялась им как высший тип демократии, и в Москве не собирались вовсе отказываться от пропаганды преимуществ собственного строя. Выступая на заседании Совинформбюро 17 января 1944 г. и намечая направление и содержание работы организации, секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков считал первой ее задачей “пропаганду Советского Союза, пропаганду советского строя в формах, разумеется, приемлемых”, избегая при этом “открытой”, “прямой” пропаганды, чтобы “ненавязчиво это было”²⁰. Таким образом, изменялась не стратегическая установка – победа социалистической революции с конечной целью установления строя советского образца, а тактика, методы, темпы и формы ее осуществления. На одном из совещаний у Жданова в конце войны речь шла и о возможности “мирного перехода к социализму”²¹, т. е. эволюционных способах его утверждения.

Алгоритм советской политики в послевоенной Европе к 1945 г. был разработан, и на конференции глав правительств СССР, США и Англии в Ялте (4–11 февраля 1945 г.) Сталин, видимо, без особых колебаний поставил свою подпись под “Декларацией об освобожденной Европе”. В ней говорилось о согласовании политики трех держав и совместных их действиях в разрешении политических и экономических проблем послевоенной Европы в соответствии с демократическими принципами. Насколько искренним был Сталин, подписывая эту декларацию, сказать трудно, но очевидно, что для него понятие “демократический” идентифицировалось с понятием “советский”, хотя публично тогда об этом, как сказано выше, не говорилось. Он намерен был “продвинуть” советские войска как можно дальше на Запад, чтобы иметь возможность оказывать влияние на дальнейшее политическое развитие стран, на землю которых “ступила нога советского солдата”.

Тут уместно вспомнить, что говорил Сталин во время его встречи с Димитровым и Молотовым еще в январе 1940 г.: “Мировая революция как единый акт – ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии – это тоже дело мировой рево-

люции”²². По свидетельству видного участника югославской народно-освободительной войны М. Джиласа, Сталин в одной из бесед с ним в апреле 1945 г. сказал: “Тот, кто занимает определенные территории, тот и распространяет на них свою социальную систему”²³. Эта выведенная им закономерность была в ту пору универсальна и касалась действий не только Советского Союза, но и его западных партнеров, которые, в свою очередь, стремились не допустить слишком глубокого вторжения советских войск в Европу. Так, например, Черчилль, сторонник развертывания более широких наступательных действий союзников на юге Европы, накануне Крымской конференции полагал, что последним следует подготовить план оккупации “возможно большей части Австрии, так как нежелательно, чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше районов, чем это необходимо”²⁴.

Думается, что Сталин и в конце войны не отказался от тезиса о классовой миссии Красной Армии и делал ставку на советские войска как на одно из идейных орудий продвижения мировой революции на Запад. Миссия советских вооруженных сил, таким образом, имела двоякий характер: будучи освободительной, она в то же время преследовала цели распространения советского влияния – с перспективой (более или менее отдаленной) установления советского строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Армия СССР была представительницей Страны Советов, выстоявшей в борьбе с фашизмом и вынесшей основную тяжесть мировой войны. Тогда это понимали все, воздававшие должное Советскому Союзу и его народу. Укрепился не только международный авторитет СССР, но и вера, а у иных и убежденность в преимуществах строя, способного преодолеть невероятные трудности периода войны и одержать победу. Тогда во всем мире высоко поднялся рейтинг социалистических идей, выросли популярность и влияние их носителей – коммунистических и социалистических партий. Красная Армия, поборовшая фашизм, несла на своих штыках веру в “светлое социалистическое будущее”, которая в странах восточноевропейского региона – где больше, где меньше – проникала в сознание преимущественно малоимущих и интеллигентских слоев населения.

Присутствие Красной Армии создало внешне благоприятные условия для установления власти антифашистских, относительно демократических правительств народных и национальных фронтов, где коммунисты заняли сразу же или занимали постепенно важные, зачастую ключевые позиции. Среди людей, ставших у руля власти, было значительное число бывших политэмигрантов, которые длительное время жили в СССР. Многие из них работали в Коминтерне и сохранили пиетет к советским лидерам, прежде всего к Сталину, советам и рекомендациям которого они неукоснительно следовали.

Далее, в ходе военных действий Красной Армии и операций в ее тылу по ликвидации всевозможных нелегальных групп и организаций, проводимых органами НКВД и СМЕРШ, началось решение

чрезвычайно важной политической задачи – подрыва сил, противостоявших усилению в соответствующих странах влияния СССР и укреплению власти коммунистов. Военным комендатурам, задачей которых было “установление порядка в тылу Красной Армии”, вменялась в обязанность и борьба с “фашистской агентурой, оставшейся на местах и пытавшейся вредить советским войскам”²⁵. Изучение этой стороны деятельности советских вооруженных сил и работавших в их составе или действовавших параллельно с ними карательных органов еще только начинается²⁶. О практике советских карательных органов, действовавших на территории Чехословакии, пока ничего не известно (размеры депортации, предъявленные обвинения, социально-политический состав депортированных в СССР чехов и словаков, их дальнейшая судьба).

Наконец, Красная Армия играла немалую роль в создании благожелательного образа Советского Союза, в распространении принятых в СССР взглядов на социализм, в пропаганде “преимуществ” советского строя и образа жизни. Секретарь ЦК ВКП(б), начальник Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии Щербаков подчеркивал в 1944 г.: “...Сейчас каждый воин за рубежом становится советским агитатором”²⁷, а маршал А.М. Василевский писал впоследствии: “Советские воины поистине являлись пропагандистами величия дела социализма”. Они должны были “разоблачать годами распространявшуюся буржуазной пропагандой клевету на советский строй, на наш образ жизни”, “не менее важной задачей являлось оказание помощи народам в строительстве народно-демократических государств”²⁸.

Особую роль в реализации классово-миссии Красной Армии играли ее “политорганы и партполитаппарат”, которые “значительное внимание уделяли проведению массово-разъяснительной работы среди населения освобождаемых районов”. Как значилось в донесениях политотделов ряда армий, темы бесед были следующие: о мощи советского строя, о победах Красной Армии, о ее целях и задачах в разгроме немецко-фашистских захватчиков, о дружбе славянских народов, о государственном устройстве Советского Союза, о жизни рабочего класса и колхозного крестьянства в СССР и др.²⁹

В директивах политуправления 1-го Украинского фронта военным советам армий и соединений фронта, в частности от 6 мая 1945 г., ставилась задача оказывать “всемерную помощь чехословацким властям в ведении массовой политической работы”, “проводить беседы с населением, лекции, доклады, митинги”, “рассказывать правду об СССР и Красной Армии” и др.³⁰

Справедливости ради следует сказать, что аналогичной была в целом и миссия вооруженных сил западных союзников, стремившихся также установить свое влияние и утвердить, если не подвластные, то дружественные им режимы на территориях, где оказывались англо-американские войска. Примером тому была Греция.

Естественно, что при работе среди местного населения в Чехословакии политорганы Красной Армии опирались на чешских и словацких коммунистов, а также обращались за помощью и в Загранбюро КПЧ. В феврале 1945 г. политуправление 2-го Украинского фронта просило Загранбюро направить ему словаков для проведения политработы в освобожденных районах. В Москве подходящих людей не оказалось, и Готвальд просил находившихся в Словакии Сланского и Асмолова (начальника штаба словацкого партизанского движения) “выделить для такой работы словацких коммунистов из среды партизан”³¹.

Вместе с тем и само Загранбюро КПЧ проявляло инициативу, прося советские власти оказать ему помощь в налаживании жизни при активном участии в этом деле коммунистов на освобожденных территориях. Такого рода предложения были направлены, например, Готвальдом Димитрову 30 декабря 1944 г. В числе прочих Готвальд ставил и вопрос об издании в освобожденных районах словацкой газеты, которая “служила бы интересам национально-освободительной борьбы и новому строительству демократической власти в Словакии”. При этом он подчеркивал, что политическое направление газеты будет обеспечиваться коммунистами “как руководящей частью словацкого национального фронта”. Кроме того, Готвальд предлагал в ближайшее время создать газету компартии Словакии (КПС), а также временный партийный центр, который бы руководил политической и организаторской работой на освобожденной территории. В состав центра должны были войти Л. Новомеский, Й. Шолтес, Я. Пулл, временным секретарем предлагался Э. Фриш (тогда – руководитель словацкой редакции Инорадио в Москве). Он, помимо прочего, должен был осуществлять связь центра с Загранбюро КПЧ в Москве, готовить информацию для Димитрова и Готвальда, обеспечивать “передачу и исполнение директив партии по Словакии, иметь контакты с политическими органами Красной Армии и советскими властями на освобожденной словацкой территории”³².

Димитров 6 января 1945 г. направил письма Щербакову, Молотову и Маленкову с просьбой дать указания политуправлению 4-го Украинского фронта содействовать в решении всех этих вопросов³³. Загранбюро КПЧ принимало активное участие и в организации партизанского движения в Словакии и Чешских землях, кристаллизующим началом которого были так называемые организаторские группы, направляемые из СССР. История этого вопроса довольно хорошо известна. Подчеркнем лишь, что коммунисты рассматривали партизанские отряды как одну из важнейших частей своей “революционной армии” и стремились утвердить там свое безраздельное влияние. Член Загранбюро КПЧ Сланский являлся его представителем в Украинском штабе партизанского движения (УШПД), занимавшемся организацией этого движения в Словакии и Чешских землях. От УШПД Димитров и Готвальд получали донесения советских

командиров партизанских отрядов (таких было подавляющее большинство) о положении дел в стране, о настроениях населения. Члены руководства КПЧ участвовали в совещаниях по вопросам развития партизанского движения, проходивших в ЦК ВКП(б), направляли в советские партийные и государственные органы докладные записки с просьбами о помощи в организации этого движения³⁴. В одной из них, в частности, предписывалось “давать указания посылаемым в страну партизанским отрядам устанавливать связь с партией и национальными комитетами (в Словакии они находились в основном под влиянием коммунистов. – *В.М.*) и свою работу строить на основе их указаний”; руководство КПЧ обязывалось позаботиться о том, чтобы как можно скорее был издан краткий курс истории ВКП(б) на словацком языке³⁵.

В отчетах штабов партизанского движения и отдельных отрядов выделялся специальный раздел, посвященный партийно-политической работе (в том числе и среди населения), которую проводили агитаторы из состава отрядов и местные коммунисты (беседы, митинги, выпуск листовок, создание национальных комитетов, инструктажи их секретарей и т. д.)³⁶. После ухода словацких повстанцев в горы партийные функционеры постепенно создавали сеть партийных организаций в партизанских отрядах, занимаясь не только политико-просветительной работой, но и готовясь к деятельности на освобождаемых Красной Армией территориях Словакии. Главный штаб партизанского движения разработал и инструкцию о деятельности коммунистов и создании организаций КПС в партизанских отрядах. Образование ячеек других политических партий не допускалось³⁷. “Наставниками” коммунистов при этом, видимо, нередко выступали советские командиры, которые делились с ними опытом организации партизанской войны и налаживания новой жизни по советскому образцу.

В этой связи интересны некоторые, давно опубликованные документы, на которые прежде не обращалось внимания. Вот, например, какие “советы” давал словацким коммунистам на заседании окружного подпольного комитета КПС в Брезне-над-Гроном в декабре 1944 г. комиссар 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады М.М. Глидер. Отмечая, что “Лондон и Москва имеют одну цель: разгромить врагов, немецких фашистов”, что “после войны каждый народ сам изберет себе политические и государственные формы”, он вместе с тем утверждал: “В вооруженное восстание должен быть включен весь народ, но руководство восстанием должны взять на себя коммунисты... Председателем национального комитета должен быть коммунист. Его следует уведомить, чтобы после прихода Красной Армии он взял власть... Те председатели, которые нам сегодня не помогают, должны быть устранены... Чтобы участие партизан в восстании было как можно большим, все коммунисты должны быть мобилизованы: одни пойдут в армию, другие останутся в деревнях, но все с оружием в руках”³⁸.

А вот другой документ – о создании и деятельности временного Рабочего комитета КПС, организованного коммунистами оккупированного немцами Баньско-Быстрицкого края в горах в январе 1945 г. У “колыбели” его стоял командир партизанской бригады “Смерть фашизму” майор Петров, в штабе которого проходило учредительное собрание комитета. Анализируя ситуацию в Баньской-Быстрице во время восстания, он, получив первым слово, обрушился с критикой на “генералов без войск”, демократов, которые оказались “нечестными”, на Бенеша, испугавшегося, что “в Словакии будет создано новое правительство, которое провозгласит самостоятельность Словакии”, на Виеста и Голиана, которые “попали в плен и все предали”. Петров критиковал также КПС, которая “в этой фазе борьбы оказалась слабой”, не сумела предугадать “умыслы демократов” и “пустила козла в огород”. Он пенял руководству партии на то, что оно не вняло его предупреждениям (“Будьте осторожны с демократами!”) и поверило в то, что “демократы сотрудничают честно”, что “в них нельзя видеть врагов”. Однако он одобрил действия представителей КПС, отказавшихся от взаимодействия с теми демократами, которые “не за сотрудничество с СССР, а склоняются к Западу, т. е. к Бенешу”.

“Наставник” предупреждал, что “сразу после освобождения демократы захотят поставить на руководящие посты своих людей”, а КПС “уже сейчас должна готовиться к тому, чтобы этому воспрепятствовать”. “Если к власти в Словакии придет Бенеш и укрепится в ней, то коммунистам будет плохо”, – утверждал Петров. Затем он рассказал об опыте СССР, заметив: “Огромная работа партии у нас оправдала себя. Пусть КПС берет с нас пример”. Далее выступавший советовал опираться на партизан, которые “должны сохранить оружие” (“Власть не завоевывают лишь словами, но и оружием”) и “смогут весьма действенно помогать партии”. На вопрос председательствующего, все ли поняли рекомендации майора Петрова, ответ был положительным. Председатель поблагодарил оратора за добрые советы и заверил, что КПС будет придерживаться их и “того опыта, который накопила партия в СССР”. Собрание избрало президиум в составе трех человек, на заседаниях которого должен был присутствовать майор Петров³⁹.

С достаточной долей уверенности можно сказать, что изложенные Петровым позиции были типичны для многих советских работников, которым предстояло заниматься политической работой на освобожденных территориях. С трудом можно представить, чтобы встречавшийся со словацкими коммунистами офицер Красной Армии излагал перед ними вышеприведенную точку зрения, не имея на то указаний сверху.

Вопрос о конечных и ближайших целях КПЧ, об их соотношении, о способах и средствах их достижения стал особенно активно обсуждаться Загранбюро КПЧ в Москве осенью 1943 г., накануне

приезда Бенеша в СССР для заключения советско-чехословацкого договора, и именно тогда, когда советское руководство широко оповестило мир о своих взглядах на послевоенное устройство мира и Европы. Подобно тому, как, декларируя свою приверженность демократическим принципам, Москва не собиралась отказываться от пропаганды “преимуществ” советского строя, чехословацкие коммунисты, не заявляя об этом открыто (это касалось главным образом московских функционеров, но не работавших в стране), продолжали представлять свою конечную цель в виде социалистического строя советского образца. Вопрос состоял только в том, насколько долгим будет путь к воплощению идеала в жизнь и каким образом обеспечить поступательное развитие революционного процесса. Подобные взгляды в ту пору были свойственны, видимо, всей “верхушке” мирового коммунистического движения и, в частности, одному из “отцов” политики антифашистского национального фронта Димитрову. Это явствует из некоторых документов “внутреннего” характера. Так, например, поздравляя Мануильского с 60-летием (4 октября 1943 г.), он желал ему успехов, здоровья и силы для плодотворной работы “на благо нашей социалистической родины и для полного торжества великого дела Ленина-Сталина над всех и всяческих (так в документе. – В.М.) врагов советского народа и рабочего класса всех стран”⁴⁰. Это не было поздравительной “словесной шелухой”.

Вот другой документ, свидетельствующий об убежденности Димитрова в сказанном, – упомянутые выше заметки о его разговоре с представителями КПЧ в Москве в декабре 1944 г. и сделанные им в этой связи наставления: “Вопрос советизации Чехословакии не ставить. Сегодня не будем гадать, когда придет время, чтобы поставить вопрос о советизации Чехословакии. Это – не так легко, как многие думают. Чехи и словаки должны сами вступить на путь к советской власти, собственным развитием. И мы также должны подвести народ к социализму и советской власти, систематически подготавливая его политически, идеологически. Те люди в Словакии, которые чересчур спешат в отношении советской власти⁴¹, должны быть попридержаны⁴². Как Сталин правильно сказал: нужно идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции”⁴³. Столь откровенные, кстати весьма редкие, рекомендации свидетельствовали, во-первых, о том, что идея социалистической революции не была отброшена как несвоевременная, а во-вторых, что мыслилось ее поэтапное осуществление, первым шагом на пути к чему и являлись так называемые народно-демократические революции и соответствующие этой стадии режимы. Подчеркнем, что в упомянутой записке И.М. Майского срок превращения Европейского континента в социалистический определялся в 30–50 лет⁴⁴.

Аналогичная изложенной Димитровым схема была принята Загранбюро КПЧ в качестве руководства к действию. Наполнение

этой схемы конкретикой началось, как уже говорилось, еще осенью 1943 г. Коммунисты тщательно готовились к приезду Бенеша в Москву, продумывали возможные результаты встречи с ним и обсуждали вопросы, касающиеся ведения национально-освободительной борьбы и будущего устройства ЧСР. Ими была выработана политическая платформа, с которой заранее ознакомили Димитрова. “Исправленную в смысле последнего разговора” (он состоялся, видимо, 11 ноября 1943 г.) платформу ему представили 20 ноября 1943 г.⁴⁵ в виде двух писем на имя Бенеша, переведенных на русский язык)⁴⁶. 16 декабря, во время встречи с Бенешем в Москве, эти документы были предложены чехословацкому лидеру в качестве основы для переговоров⁴⁷. На стол Димитрова легли и записи (в переводе на русский язык) шести бесед с Бенешем во время его встреч с Готвальдом, Швермой, Копецким и Сланским (13–18 декабря 1943 г.). Материал оказался настолько важен и серьезен, что после того как Димитров ознакомился с ним, документы были оперативно направлены советскому руководству. 16 декабря заместитель наркома иностранных дел Корнейчук получил перевод первых трех бесед, а 20 декабря – трех последних. С их содержанием, по указанию Димитрова, был ознакомлен и Мануильский⁴⁸.

Сразу после переговоров с Бенешем Готвальд, суммируя их результаты, написал письмо чехословацким коммунистам в Лондон⁴⁹. Перевод этого послания Димитров отправил Молотову 2 января 1944 г. с пометой: “Полагаю, что эта информация представляет интерес для Вас”⁵⁰. Видимо, наиболее важная часть переписки Загранбюро КПЧ с лондонскими коллегами попадала в поле зрения бывших руководителей Коминтерна. Так, например, Димитров ознакомился с письмом Готвальда “Нашим людям в Лондон” (21.3.1944), где в довольно нервном тоне выяснялся вопрос о причинах задержки приезда в СССР делегации Государственного совета, содействие которому обещал Бенеш.

Направив письмо Мануильскому с просьбой ознакомиться, Димитров вскоре был осведомлен о его мнении: «Сомневаюсь, стоит ли затевать всю эту “мышиную возню” с переговорами. Не осложнит ли она взаимоотношений СССР с Бенешем?»⁵¹ Очевидно, для советского руководства вопрос отношений с президентом ЧСР после заключения советско-чехословацкого договора был более важен, чем разбор внутренних дел чехословацкой эмиграции в Москве и Лондоне. Впрочем, письмо все же было отправлено.

Предложения коммунистов на переговорах с Бенешем в декабре 1943 г. явились первым шагом на пути оформления их концепции послевоенного устройства Чехословакии. Согласованная с президентом ЧСР платформа по сути содержала все основные принципы программы первого послевоенного правительства страны. Контуры этой программы вполне вписывались в декларации советского руководства о будущем Европы.

Все последующие разработки Загранбюро КПЧ, касавшиеся устройства жизни в освобожденной ЧСР, прошли через руки Димитрова. С ним, в частности, обсуждались предложения руководителей КПЧ “О некоторых переходных мероприятиях на освобожденной территории Чехословацкой республики”, датированные 14 апреля 1944 г.⁵² Встреча состоялась 5 мая 1944 г. Однако дальнейшая судьба документа автору статьи неизвестна. Возможно, он содержал подготовительный материал упомянутого чехословацко-советского соглашения, подписание которого было запланировано на 8 мая 1944 г.

Видимо, уже осенью 1944 г. стал обдумываться вопрос о составе будущего правительства ЧСР. Именно тогда в ОМИ ЦК ВКП(б) оказались подготовленные коммунистами характеристики на членов чехословацкого правительства в Лондоне, где особое внимание обращалось на отношение того или иного деятеля к компартии и СССР⁵³. На основании данных, полученных от В. Копецкого, были подготовлены характеристики на членов Словацкого национального совета К. Шмидке, Л. Новомеского, Г. Гусака, В. Шробара, Я. Урсини, Й. Леттриха, П. Затько, Д. Эртла. Все они оценивались положительно как участники национально-освободительной борьбы в Словакии. Копецким также были предоставлены сведения о членах ЦК КПС, избранных на объединительном съезде словацких коммунистов и социал-демократов 17 сентября 1944 г.⁵⁴

Кремлевские лидеры располагали определенной информацией, поступающей в том числе из ОМИ ЦК ВКП(б), о положении дел в Словакии. Особо важные, подготовленные Готвальдом, а также другие материалы, касавшиеся, например, развития партизанского движения в Словакии, вызревания и хода Словацкого национального восстания, соображений о помощи ему со стороны Советского Союза, Димитров направлял Молотову, поддерживая при этом просьбы и предложения Загранбюро КПЧ⁵⁵.

В ОМИ ЦК ВКП(б) большой интерес вызвала информация Г. Гусака о ситуации в Словакии, представленная им во время приезда в Москву в январе 1945 г. Документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) свидетельствуют, что им было собственноручно написано два доклада. Один, достаточно краткий, на немецком языке, “Политическая ситуация в Словакии (в конце 1944 г.)”, был подготовлен для разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, которое и представило его перевод в ОМИ ЦК ВКП(б) 2 февраля 1945 г.⁵⁶ Другой – “О положении в Словакии”, более пространный, – представлен Готвальду. Перевод доклада (объемом в 90 страниц) Б. Геминдер направил в ОМИ 20 февраля 1945 г.⁵⁷ Сравнение текстов показывает, что первый из них содержал более радикальные оценки и мнения относительно политики КПС и настроений в Словакии, нежели второй. Аннотации обоих докладов были представле-

ны Димитрову 8 марта 1945 г. и внимательно им изучены. Особый интерес, судя по пометам, вызвали в документе места, касавшиеся оценок позиций и влияния КПС: “ведет за собой весь рабочий класс, значительную часть интеллигенции и мелких крестьян”; программа партии после ее объединения с социал-демократами “является марксистско-ленинской”; рабочие массы считают СССР “образцом в разрешении социальных и экономических вопросов”; “славянские традиции и социалистическая ориентация играют большую роль в Словакии”; КПС “ставит на первое место в своей работе борьбу против немцев и предателей, однако она не может забывать своей ответственности и за достижение своих дальнейших политических целей”⁵⁸.

Советским руководителям адресовывались и некоторые важные документы по поводу организации жизни в освобожденной ЧСР. Так, 23 февраля 1945 г. Л. Мехлис направил в ЦК ВКП(б) Поскребышеву проект постановления СНС о земельной реформе. Подчеркивалось: “Этот проект считается окончательно разработанным. Уязвимые места и грубые ошибки в проекте будут ясны при его внимательном чтении”. Мехлис просил ознакомить с документом Молотова и заместителя Димитрова в ОМИ Баранова. Молотов 2 марта просмотрел проект, сделал пометки, а также пожелал узнать мнение о нем заведующего 4-м Европейским отделом НКВД В.А. Зорина и Панюшкина (или Баранова)⁵⁹. 6 марта Готвальд представил свои соображения по проекту в ОМИ⁶⁰. Была ли это его инициатива, или его попросили об этом – неизвестно. 12 марта с этими соображениями ознакомился Молотов. В сопроводительной записке говорилось, что проект постановления о земельной реформе обсужден в ОМИ “с участием чехословацких товарищей”. “Замечания т. Готвальда, – констатируется в записке, – исчерпывают полностью все замечания, сделанные нами на совещании. С замечаниями т. Готвальда ознакомлен т. Зорин В.А., и он тоже присоединяется к ним”⁶¹. А за несколько дней до этого, 5 марта 1945 г., Готвальд послал телеграмму Гусаку, где говорилось, что проект реформы “в существенных пунктах” “отклоняется в сторону от нашей точки зрения, одобренной Вами в Москве. Если Вы еще не выступали публично с этим проектом, воздержитесь от его опубликования и публичного обсуждения впредь до окончательного решения этого вопроса в Москве с представителями Словацкого национального совета”⁶².

После вступления советских войск на территорию Словакии (6 октября 1944 г.) стало уже совершенно очевидным, что освобождение страны придет с востока. И Бенеш принял окончательное решение возвращаться на родину через Москву. Здесь и предстояло решить вопрос о составе будущего правительства и его программе. Начались переговоры о поездке президента ЧСР в Советский Союз⁶³. Загранбюро КПЧ и ОМИ ЦК ВКП(б) внимательно следили за развитием событий и готовились к ним. Тексты телеграмм Готваль-

да в Лондон (в переводе на русский язык) просматривал Димитров и, по мере необходимости, правил их (например, телеграммы Готвальда Бенешу и Носеку в начале февраля 1945 г.). Точно так же на столе Димитрова оказались и телеграммы⁶⁴, полученные из Лондона Фирлингером и Готвальдом в связи с предстоящим приездом Бенеша в СССР⁶⁵.

Готвальд ознакомил Димитрова с проектом организации и структуры первого правительства Национального фронта чехов и словаков. В его состав должны были войти 20 человек, которые, как значилось в сопроводительной записке Готвальда, “представляли все главные политические группы”. Особо подчеркивалось, что в новое правительство должны войти и люди из чехословацкого эмигрантского правительства: конкретно пять человек, “которые наиболее важны для Бенеша”. Из 20 членов проектируемого кабинета восемь человек во время войны находились в Англии, шесть – в Советском Союзе и шесть – в Словакии. Что касается представителей чешского подполья, то, поскольку, как утверждалось, “назвать кандидатов пока не можем ни мы, ни Бенеш”, надо считаться с тем, “что правительство будет реорганизовано после освобождения Чешских земель”⁶⁶.

Загранбюро КПЧ подготовило и характеристики на намеченных им после предварительного обмена мнениями с Бенешем кандидатов в члены правительства – некоммунистов. Среди них были З. Фирлингер, В. Шробар, Я. Шрадек, Й. Давид, Л. Свобода, Я. Масарик, Я. Странский, Я. Урсини, Б. Лаушман, Г. Рипка, Й. Леттрих, В. Майор, Ф. Гала. Как и ранее, в этих характеристиках обозначалось отношение данного политического деятеля к коммунистам и СССР. В сопроводительном письме на имя Димитрова о предстоящих переговорах, подписанном Готвальдом 23 февраля 1945 г., последний писал: “Придаем этим переговорам большое значение и подготавливаем свои предложения”. Он просил также, чтобы “нам срочно была предоставлена возможность устного изложения всего дела”⁶⁷.

Незадолго до начала переговоров Димитров получил переведенный на русский язык первый проект политической платформы нового чехословацкого правительства, подготовленный Загранбюро КПЧ. В сопроводительном письме от 10 марта 1945 г. Готвальд сообщал, что по большинству поставленных в проекте вопросов Бенеш был в “общих чертах с нами согласен”. “Чрезмерную подробность” проекта Готвальд объяснял желанием услышать от Бенеша мнение “не только вообще, но как можно конкретнее, и взять на себя конкретные обязательства”. “Мы знаем на опыте, – писал Готвальд, – что они охотно дают согласие на общие формулировки, но при их конкретизации оказывается, что они думают совершенно иначе, чем мы. По мере возможности мы хотим это предупредить и как можно более конкретизировать правительственную программу

уже при нынешних переговорах”. Готвальд считал, что предметом особого спора в проекте программы будут вопросы: словацкий, Закарпатской Украины, наказание преступников и коллаборационистов. Он выражал надежду, что “удастся добиться принятия в ней (платформе. – В.М.) всего для нас важного”, и указывал также, что “после совещания с близкими нам офицерами” платформа будет дополнена главой о строительстве новой чехословацкой армии. “Мы уже имели совещание, – писал Готвальд, – с генералом Свободой, который выразил согласие с общей нашей линией и с которым мы договорились о ведении совместной борьбы за устранение нынешнего реакционного и антисоветского руководства чехословацкой армии (генерал Ингр и его клика) и за то, чтобы добиться создания демократического и честного просоветского руководства”.

Сообщая, что проект платформы находится в стадии обсуждения, Готвальд заканчивал письмо так: “Мы обращаемся к Вам с большой просьбой помочь нам Вашими советами и указаниями при решении этой важной задачи”⁶⁸. Вверху на сопроводительном письме (на одном из его экземпляров) размашистым почерком Димитрова было написано: “Тов. Сталину И.В.” Очевидно, и письмо, и платформа побывали и на столе у советского руководителя⁶⁹.

Димитров внимательно ознакомился с предложенной Готвальдом программой и сделал свои замечания. Однако сопоставление текста, который изучал Димитров, и окончательного текста программы свидетельствует, что большинство его замечаний не было учтено (они носили не принципиальный, а скорее, редакционный характер), кроме одного, на наш взгляд, важного. В разделе о внешнеполитической деятельности правительства в первом варианте говорилось о *союзных* с СССР славянских странах, а в Кошицкой программе – об СССР и *остальных* славянских странах⁷⁰. Это исключало, по-видимому, толкование данного места программы в том смысле, что в ближайшем будущем Советский Союз собирается создать некий блок славянских государств. Это в ту пору очень волновало союзников Москвы по антигитлеровской коалиции.

19 марта 1945 г., накануне своего назначения послом СССР в ЧСР (Вышинский сообщил об этом Фирлингеру 20 марта)⁷¹, по проекту платформы первого правительства Национального фронта чехов и словаков представил свои соображения и В.А. Зорин. Его достаточно пространственные замечания были направлены Молотову, который, судя по пометам, ознакомился с ними, обратив внимание на ряд затронутых Зориным вопросов⁷². Хотя автору статьи неизвестно, были ли эти соображения доведены до сведения Загранбюро КПЧ, но сопоставление с опубликованной программой показывает, что некоторые из них были приняты во внимание.

Замечания Зорина, более или менее существенные, касались почти всех разделов программы, кроме тех, которые затрагивали вопросы социально-экономических преобразований. Раздел о стро-

ительстве новой чехословацкой армии в проекте программы отсутствовал. Особой критике советского дипломата подверглась глава о внешней политике ЧСР. “Весь раздел лишен чувства меры в вопросе об отношении к Советскому Союзу и к единству славянских народов”, – полагал Зорин. Он обратил внимание на такие формулировки, как “приверженность Чехословакии Советскому Союзу”, “славянскую линию своей внешней политики правительство будет поддерживать”, “поддержать стремление по сближению... со средневропейским и восточноевропейским объединением славянских народов”. “Весь раздел требует исправления с тем, – писал посол, – чтобы при сохранении ориентации Чехословакии на Советский Союз и на укрепление единства славянских народов подчеркнуть также укрепление дружественных отношений Чехословакии с Англией, США, Францией и др. объединенными нациями и устранить скользкие формулировки о славянской линии внешней политики, средневропейском и восточноевропейском объединении славянских народов и т.п.” Эти рекомендации, по всей видимости, были учтены. Вместо вышеназванных “формулировок” в программе речь стала идти конкретно о Югославии, Болгарии и Польше. Существенные замечания касались раздела о национальной политике. “Во всем разделе, – считал Зорин, – хотя и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос о государственных формах их дальнейшего существования поставлен крайне расплывчато: нет упоминания ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии”. “В интересах преодоления словацкого сепаратизма, – продолжал он, – ...очевидно, следует сказать более определенно о будущих государственных формах существования Словакии в рамках единого чехословацкого государства. Кроме того, совершенно необходимо сформулировать обязательства по обеспечению прав национальных меньшинств (в первую очередь украинцев и русин)”. Ни одно из этих соображений не нашло отражения в Кошицкой правительственной программе. Объем статьи, к сожалению, не позволяет остановиться на других замечаниях Зорина, частично учтенных. В заключение он писал, что проект слишком детален и поэтому громоздок, но в целом “может быть принят за основу для выработки платформы нового чехословацкого правительства”.

Переговоры в Москве привели именно к тем результатам, на которые надеялись коммунисты. Разработанная ими платформа легла в основу Кошицкой правительственной программы. Были приняты также предложенные коммунистами структура и персональный состав правительства⁷³. Из 25 его членов семь представляли коммунистов, три – социал-демократов, три – чешских социалистов, четыре – словацких демократов, три – народную (католическую) партию, пять были беспартийными. Возглавил правительство близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер, представители КПЧ и КПС заняли важнейшие должности двух вице-премьеров (К. Готвальд и

В. Широкий), министров внутренних дел, информации, сельского хозяйства, социального обеспечения и пост государственного секретаря в министерстве иностранных дел. Коммунист З. Неедлы, получивший портфель министра школ и просвещения, был введен в правительство как фигура общенационального значения. 12 членов созданного кабинета во время войны находились в Англии, шесть – в СССР, семь – в стране. По национальности 16 были чехами, девять – словаками⁷⁴. На всех членов правительства были составлены характеристики⁷⁵.

Формирование политической концепции КПЧ в рассматриваемые годы происходило при доминирующем советско-коминтерновском влиянии. В то же время разработанная ею платформа была адекватна не только советской внешнеполитической стратегии той поры, но и чехословацкой действительности, выраженной в широко известной готвальдовской формуле: “Мы сами править не можем, и они сами править не могут. Они не могут править без нас, а мы без них. При этом они больше без нас, чем мы без них. Остается необходимость сотрудничества с другой политической группой, которая принуждена сотрудничать с нами”⁷⁶.

Это сотрудничество представлялось тогда коммунистам как вынужденное, временное, хотя сроки его и не определялись. И еще одна цитата из речи Готвальда на конференции партийного актива КПС в апреле 1945 г., дающая представление об истинных намерениях коммунистов и их стратегических планах: “Мы стоим не у цели, но мы на верном пути к ней... и только вмешательство черта может помешать нашей партии использовать благоприятные условия, чтобы достигнуть в *ближайшее время* (курсив мой. – В.М.)⁷⁷ тех конечных целей, за которые мы боролись всю свою жизнь”⁷⁸.

С окончанием войны наступил новый этап исторического развития в мире и Европе. Коммунисты Чехословакии, занявшие серьезные позиции в органах государственного управления, сделали важнейший шаг по пути восхождения на олимп политического всевластия. Думается, что им легче, чем многим их коллегам из других стран, позднее вошедших в сферу советского влияния, было выработать программу, приспособленную к демократическому по форме абрису советской внешней политики и вписавшуюся в ее контекст. Легче – в силу существовавших, особенно в чешском обществе, демократических традиций и приверженности к эволюционным (не революционным) способам его развития; в силу определенной теоретической разработанности в коммунистическом движении Чехословакии на более ранних этапах его существования проблем национально-демократической революции (Б. Шмераль); в силу реалистической и прагматической позиции президента ЧСР Э. Бенеша, придерживавшегося концепции “социализирующейся демократии” и “демократизирующегося социализма”; наконец, в силу достаточно стойких русофильских, а в конце войны и советофильских, настроений в чешском и словацком обществах.

Были ли чехословацкие коммунисты самостоятельны в определении своей политики, и если да, то в какой мере? На первую часть вопроса можно ответить полным “да”, а на вторую – лишь в той мере, в какой это позволял Кремль. Это была самостоятельность в пределах, допустимых рамками советской внешнеполитической концепции. Суть политики чехословацких коммунистов, что касается отношений ЧСР и СССР, была достаточно четко выражена в беседах сотрудника советского посольства в Чехословакии Н.Я. Демьянова с руководителями КПС Э. Фришем и К. Шмидке в июле 1945 г. Первый из них сказал: “Общая политика компартии Словакии – создать крепкое государство Чехословацкой республики как надежную опору СССР и его внешней безопасности в Центральной Европе”. Почти теми же словами эту мысль выразили К. Шмидке и Г. Гусак⁷⁹. Советское руководство держало чехословацких коммунистов, если можно так выразиться, “на коротком поводке”. Однако пребывание в таком состоянии не было для них в тягость, а воспринималось ими как нечто естественное.

Сталин же в сложившейся обстановке не мог не считаться с Западом, не мог нанести удара по существовавшему там иллюзиям относительно возможного преобразования советского тоталитарного режима, его демократизации. Усиленно демонстрируя добрую волю к мирному сосуществованию и сотрудничеству с партнерами по антигитлеровской коалиции после войны, он старался произвести впечатление не консервативного политика-ретрограда, а восприимчивого к идеям демократии и добрососедства лидера. Стратегические приоритеты были расставлены им адекватно новой ситуации: пока можно было делать ставку на первенство закона (международных договоренностей) перед силой (агрессивным утверждением своих представлений о социалистическом будущем мира). Воспринимая окружавший его мир через призму “сфер влияния” (такой взгляд, впрочем, был свойствен тогда и западным политикам), Сталин полагал, что лимитрофов пока можно приобретать без открытого применения силовых методов, опираясь на активно действовавшие и пользовавшиеся возросшим к окончанию войны авторитетом национальные коммунистические силы, которые заняли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы более или менее прочные позиции как в высших эшелонах власти, так и на местах. Во главе компартий стояли руководители “московской школы”, “коминтерновского образца”, поддерживавшие и после войны тесные связи с ЦК ВКП(б). Свидетельств тому в фондах РГАСПИ более чем достаточно.

Видимо, разрабатывая позже программы дальнейшего развития своих стран, известные как “национальные”, “специфические”, “особые” и прочие пути к социализму, руководители компартий обращали особое внимание именно на способы, методы, а не на конечную цель своей политики – социализм, который по-прежнему виделся как строй советского образца (он был тогда единственным и, как

представлялось, идеальным), несколько модифицированный в соответствии с местными условиями. Время трансформации народно-демократического режима в строй советского типа заранее не определялось: все зависело от международных и внутренних реалий. Переломным рубежом на этом пути стал 1948 год.

Четверть века спустя после окончания второй мировой войны победа над фашизмом была определена в речи Л.И.Брежнева, помимо прочего, и как исходный пункт для нового витка мировой революции, “для нового могучего революционного подъема, который привел к краху капитализма в целом ряде стран Запада и Востока”⁸⁰. Именно в 1945 г., а не позже, не в конце 40-х годов, как многие полагают, страны Центральной и Юго-Восточной Европы были включены в гигантский социальный эксперимент, начатый большевиками в России в 1917 г.

¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Ликвидация или модификация? (Коминтерн 1939–1943 гг.) // *Славяноведение*. 1994. № 5; *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Роспуск Коминтерна // *Вторая мировая война. Актуальные проблемы*. М., 1995.

² *Адибеков Г.М.* Коминтерн после формального роспуска (1943–1944 гг.) // *Вопросы истории*. 1997. № 8. С. 32.

³ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1960. С. 129.

⁴ Там же. С. 132–134. История переговоров о его заключении, намерения, позиции и действия заинтересованных сторон – СССР, Англии, США, чехословацкого эмигрантского правительства – должны еще стать предметом дополнительного изучения, несмотря на наличие в историографии весьма значительного числа работ по этому вопросу, нацеленных в основном на показ в выгодном свете политики Советского Союза. См. по этому вопросу: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943 г.) // *Вторая мировая война*. С. 151–165.

⁵ Советско-чехословацкие отношения... С. 160–162.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25. Д. 215. Л. 145–169.

⁷ Там же. Д. 248. Л. 81–96.

⁸ Архив внешней политики МИД Российской Федерации (Далее: АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 8.

⁹ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы: В 2 т. М., 1996. Т. 1. СССР и германский вопрос 22 июня 1941–8 мая 1945 г. С. 282–285.

¹⁰ Там же. С. 595–596.

¹¹ Там же. С. 342, 353.

¹² См. запись беседы И. Майского с Э. Бенешем 23 сентября 1939 г., переданную Молотовым Бенешу 24 марта 1945 г. (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 835. Л. 9).

¹³ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Pr., 1948. Díl. 2. S. 599–600.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 10.

¹⁵ Архив Президента РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 893. Л. 57–59. В дневниковой записи присутствовавшего на обеде В.А. Малышева, министра танковой промышленности СССР, это место выступления Сталина изложено так:

“Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, так как знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия. Мы могли бы в Болгарии установить советский строй. Там этого хотели, но мы не пошли на это. В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства” (В.А. Мальшев. Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 127–128).

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 554. Л. 62–75.

¹⁷ Fierlinger Z. Op. cit. S. 206.

¹⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 80, 91.

¹⁹ Филитов А.М. В комиссиях наркоминдела // Вторая мировая война. С. 57–58.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л.1–2.

²¹ Точную дату его, к сожалению, установить не удалось (см.: РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3с. Д. 174. Л. 3).

²² Цит. по: Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 28.

²³ Цит по: Djillas M. Conversations with Stalin. N.Y., 1962. P. 114.

²⁴ Цит по: Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1985. С. 502.

²⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (Далее: ДМИСЧО). М., 1983. Т. 4. Кн. 3. С. 405.

²⁶ См: НКВД и польское подполье. 1944–1945 (По “Особым папкам” И.В. Сталина). М., 1994.

²⁷ СССР и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945. М., 1978. С. 49–50.

²⁸ Василевский А.М. В те суровые годы // Военно-исторический журнал. 1978. № 2. С. 70–71.

²⁹ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 255, 273.

³⁰ Там же. С. 406.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 28. Л. 91–92.

³² Там же. Д. 5. Л. 3.

³³ Там же. Л. 1–2.

³⁴ Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 547. Л. 32–36; Д. 552. Л. 32–33, 36–37, 50, 52, 53.

³⁵ Там же. Д. 552. Л. 32–33.

³⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 28. Л. 44–46; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 401.

³⁷ Dejiny Slovenského národného povstania: Dokumenty. Br., 1984. Díl. 3. S. 552 (Далее: DSNP, 3).

³⁸ Cesta ke Květnu. Pr., 1965. I–1. S. 319.

³⁹ DSNP, 3. S. 553–555.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 68. Л. 12.

⁴¹ Идея советской Словакии, ее присоединения к Советскому Союзу была достаточно широко распространена среди словацких коммунистов и в конце войны. Не чужда она была и Г. Гусаку (см.: Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 421–422; Husák G. Zápas o zajtrašok. Br., 1948. S. 3–6).

⁴² В беседе с сотрудником советского посольства в ЧСР Н.Я. Демьяновым в июле 1945 г. секретарь ЦК КПС Э. Фриш отмечал, что в период на-

ционального восстания “компартия жила идеями борьбы за присоединение Словакии к СССР” (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26а. П. 139. Д. 4, Л. 6).

⁴³ Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. Pr., 1965. Díl. 4. S. 17–18.

⁴⁴ Филитов А.М. Указ. соч. С. 56.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 64–69.

⁴⁶ На чешском языке документ опубликован в: Cesta ke Kvetnu. I–1. S. 36–37).

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 64–69.

⁴⁸ Там же. Л. 75, 75а, 76, 77.

⁴⁹ Cesta ke Květnu. I–1. S. 59–68.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 94–108.

⁵¹ Там же. Л. 11–13.

⁵² Там же. Д. 551. Л. 19–27.

⁵³ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 15–22.

⁵⁴ Там же. Д. 774. Л. 1–8.

⁵⁵ См., например: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 27–33, 36–37; Д. 556. Л. 1, 3–7.

⁵⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 774. Л. 54–70.

⁵⁷ Там же. Л. 128–218.

⁵⁸ Там же. Д. 557. Л. 21–40; Ф. 17. Оп. 128. Д. 774. Л. 234–253.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 134. Д. 24. Л. 145.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 31. Л. 85–89.

⁶¹ Там же. Д. 774. Л. 254.

⁶² Там же. Д. 31. Л. 79.

⁶³ См. подробнее: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 г.): Документальный очерк // Славяноведение. 1996. № 6. С. 77–88.

⁶⁴ Эти телеграммы опубликованы (См.: *Fierlinger Z.* Op. cit. S. 568–575, 580–583).

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 31–38, 40–45, 48–54.

⁶⁶ О существовании подпольного органа – Чешского национального совета (ЧНС) – посол СССР в ЧСР В.А. Зорин узнал из беседы с Фирлингером 16 апреля 1945 г., Фирлингеру же об этом было сообщено телеграммой из Лондона, подписанной Масариком и Рипкой. Они утверждали, что Совет хочет установить радиосвязь с чехословацким правительством, и просили содействовать этому. Фирлингер подчеркнул, что в этом “должны быть заинтересованы и советские военные власти, поскольку связь с людьми на чешской земле была до сих пор в руках англичан, а сейчас чехословацкое правительство дало указание передать связь советским военным властям”. Фирлингер обещал прислать памятную записку по этому вопросу, а Зорин – довести его просьбу до сведения советского правительства (см.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 19–20). Этот вопрос был затронут и на следующий день, 17 апреля 1945 г., в беседе Зорина со Сланским, который охарактеризовал полученную из Лондона информацию о создании ЧНС как сомнительную. Он полагал, что “этот Совет создан английскими агентами и вряд ли представляет какое-либо широкое движение”, и считал необходимым получить более подробные сведения о его составе и деятельности (см.: Там же. Л. 27). По данным, полученным советником посольства Н.Я. Демьяновым от министра информации В. Копецкого 21 апреля 1945 г.,

ЧНС “отличается малочисленностью своих кадров и отсутствием какого-либо организующего его деятельность центра” (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 51). Из-за недоверия советской стороны и сдержанного отношения Кошицкого правительства к ЧНС, вступившему в период боев за Прагу в переговоры с власовцами и гитлеровцами, это правительство, вопреки первоначальному намерению, не было реорганизовано. ЧНС, по настоянию В.А. Зорина, был в июне 1945 г. распущен (ČSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezivládních jednání. Brno, 1997. S. 25–26).

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 55–57, 58–71, 79–83, 98–104.

⁶⁸ Там же. Л. 75–76, 105–140; Ф. 495. Оп. 74. Д. 55. Л. 41–65. Письмо опубликовано (см: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1.: 1944–1948 гг. С. 170–171).

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716. Л. 3; Восточная Европа... С. 172.

⁷⁰ Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 – kveten 1946. Pr., 1975. S. 33.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 4.

⁷² Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 1–3.

⁷³ В РГАСПИ хранится документ (его название – “Предложения по организации временного чехословацкого правительства Национального фронта”), подписанный Готвальдом 22 февраля 1945 г. Подпись зачеркнута и чернилами написано: “Единогласно утверждено на заседании представителей Национального фронта чехов и словаков в Москве 28 марта 1945 г.” (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 79–83, 98–104).

⁷⁴ Там же. Л. 183; Cesta ke Květnu. I–2. S. 727.

⁷⁵ В частности, о В. Клементисе, занявшем пост государственного секретаря в министерстве иностранных дел, говорилось: “Не принадлежит ни к какой партии... Высказывается за активное участие всех прогрессивных политических течений в национальном фронте. Известен как убежденный противник фашизма и внутренней реакции. В прошлом исключен из КП за антипартийную точку зрения по вопросу внешней политики, но борьбы против партии не вел и не ведет”. Как известно, Клементис весьма критически отнесся к заключению советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и за это был осужден руководством КПЧ и исключен из рядов партии. Настороженное отношение к нему со стороны советских властей, видимо, сохранилось и в 1945 г. Например, как свидетельствует дневниковая запись Зорина от 10 марта 1945 г., в течение нескольких месяцев не было ответа на просьбу выдать визу Клементису и его жене (См.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 63).

⁷⁶ Cesta ke Květnu. I–1. S. 592–593.

⁷⁷ Эти чрезвычайно важные слова были, возможно, не случайно пропущены в переводах указанной речи Готвальда на русский язык (См.: Готвальд К. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2 (1939–1953 гг.). С. 88; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 356).

⁷⁸ Cesta ke Květnu. I–1. S. 595.

⁷⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26а. П. 139. Д. 4. Л. 6, 20, 33.

⁸⁰ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970. Т. 1. С. 144.

**ЭДУАРД БЕНЕШ:
ПЛАНЫ ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ
ЧЕХОСЛОВАКИИ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Второй президент Чехословакии Э. Бенеш – одна из наиболее трагических фигур в истории страны. Так считал хорошо знавший его Э. Таборский, секретарь Бенеша в годы второй мировой войны¹. Некоторые чешские историки разделяют эту точку зрения². Что представлял собой Э. Бенеш как человек и политик? Какой хотел он видеть послевоенную Чехословакию? Как менялась международная и внутренняя обстановка в стране в 1945–1948 гг., и как на это реагировал чехословацкий президент? Чем объяснялся трагизм ситуации, в которой Бенеш оказался в конце своей политической карьеры и жизни?

Эдуард Бенеш в ряду ведущих политических деятелей страны оказывал серьезное влияние на ее развитие в течение 30 лет. Родился он в большой крестьянской семье в Кожланах 28 мая 1884 г. Получил блестящее образование, изучал философию в Карловом университете, литературу – в Сорбонне, право – в Дижоне, слушая лекции известных профессоров в Берлинском университете. Прекрасно знал французский, английский, немецкий языки, глубоко интересовался социологией, искусством. Вместе с Т. Г. Масариком стоял у истоков создания самостоятельного чехословацкого государства в 1918 г.³, став его бессменным (вплоть до избрания президентом в 1935 г.) министром иностранных дел. Бенеш оказывал большое влияние и на внутреннюю политику страны, являясь одним из главных представителей правящей группировки Града, лидером партии национальных социалистов. В 1921–1922 гг. он занимал пост председателя правительства, в 1919–1926 и в 1929–1935 гг. избирался депутатом Национального собрания.

Э. Бенеш принимал активное участие в создании и деятельности Лиги наций, в 1923–1927 гг. был членом ее Совета, а в 1927–1928 гг. – председателем Комитета безопасности. Он представлял Чехословакию на многочисленных международных форумах, шесть раз избирался председателем Совета Лиги наций и один раз председателем ее Ассамблеи.

Политические взгляды Бенеша в межвоенный период основывались на необходимости существования сильной, экономически стабильной Чехословакии в центре Европы. Бенеш считал целесообразным сохранение Версальской системы с опорой на Лигу наций и международные договоры, центральным среди которых был союз с Францией, а также Малая Антанта (военно-политический союз ЧСР, Королевства СХС и Румынии). Экономический кризис начала

30-х годов обострил социальные отношения и национальный вопрос в Чехословакии (судетские немцы, венгры в Словакии, поляки в Тешинской Силезии, словацкая и подкарпатская автономии). С приходом Гитлера к власти в Германии над Европой нависла угроза новой войны. В 1935 г. Бенеш, исходя из экономических и политических соображений, заключил советско-чехословацкий союзнический договор, предусматривавший оказание взаимной помощи, если такую страну – жертве агрессии – предоставит Франция⁴.

Общей тенденцией политического развития соседних с Чехословакией стран в этот период был отказ от демократических принципов и значительное “поправление” правящих режимов. Несмотря на некоторую модификацию чехословацкой парламентской системы, ЧСР, тем не менее, оставалась практически единственным островком демократии в этой части Европы⁵.

В середине 30-х годов в результате острой внутривластной борьбы Бенеш становится президентом Чехословакии, сменив на этом посту Т. Г. Масарика. Это было сложное время. Изменение международного положения сказалось и на внутренней обстановке в стране. Значительно активизировались политические партии националистической ориентации, прежде всего судето-немецкая партия Генлейна и словацкая народная партия (людаки), получавшие солидную поддержку извне. Они выдвигали все новые и новые требования правительству, создавая условия для международного вмешательства во внутренние дела государства. Политика “умиротворения”, проводимая Великобританией и Францией, привела в сентябре 1938 г. к заключению Мюнхенского соглашения и отторжению Судетской области от Чехословакии. Это явилось настоящим ударом для Бенеша, так как означало крах всей системы безопасности страны, создаваемой им на протяжении межвоенного периода. Многие исследователи впоследствии отмечали наличие “мюнхенского” комплекса у Бенеша⁶. Этим во многом объясняется и попытка частичной переориентации чехословацкой внешней политики в годы второй мировой войны. Уехав в эмиграцию вскоре после установления мюнхенского диктата и ухода с поста президента, Бенеш развернул там борьбу за отказ от Мюнхенского соглашения и признание правового континуитета Чехословацкой республики в домюнхенских границах. Бенеш заявлял, что изначально видел в “Мюнхене” не средство предотвращения войны, а событие кануна и даже начала войны⁷.

После распада Чехословакии и оккупации Чешских земель фашистской Германией в марте 1939 г. Бенеш создает в США центр “чехословацкой заграничной акции”⁸. Вернувшись летом этого же года в Европу, пытается объединить все некоммунистическое чехословацкое сопротивление за рубежом и возглавить его. С началом второй мировой войны усилия Бенеша направляются на то, чтобы добиться признания созданного в Париже Чехословацкого нацио-

нального комитета в качестве эмигрантского правительства. Однако западные державы не спешили связывать себя какими-либо обязательствами в отношении послевоенного устройства Европы и границ будущих государств.

В эмиграции Бенеш вновь и вновь задумывался о причинах произошедшего, анализировал идейное и политическое развитие межвоенной Европы, искал пути предотвращения подобных событий в будущем. Теоретические представления Бенеша о послевоенном развитии демократии были изложены им в двухтомном труде “Демократия сегодня и завтра”⁹. Основной причиной краха демократических режимов 20–30-х годов Бенеш считал страх буржуазной демократии перед усилением и распространением коммунистической идеологии. Демократы, видя в коммунизме врага номер один, недооценивали опасности фашизма. Критикуя демократическое устройство ряда европейских стран, Бенеш указывал на их неспособность решать некоторые социальные вопросы. Поэтому он предлагал после войны перейти к структурным изменениям системы на основах “коллективизации”, введения планового хозяйства и постепенной социализации (без революций, насилия, катастроф). В этом же труде Бенеш выступал за некоторое регулирование не только экономической, но и политической жизни, считая необходимым ограничение числа политических партий и их функций, предоставление правительству большей независимости от парламента, некоторую децентрализацию государства в области законодательства и управления. Здесь же Бенеш делал принципиальный вывод о возможности послевоенного сотрудничества демократических стран с СССР.

Как уже указывалось, мюнхенские события привели Бенеша к мысли о некоторой переориентации внешней политики: не только на западные страны, но и на Советский Союз. В отличие от большинства политиков чехословацкий лидер еще в начале войны предвидел, что СССР примет участие в войне на стороне союзников и не будет побежден. Отсюда проистекала его уверенность в возможности альянса Запада и СССР. На этой основе он строил свою линию внешней политики. Причем это не было лишь тактическим моментом, а отвечало его представлениям о послевоенном европейском развитии.

В 1940–1942 гг. с подачи Великобритании Бенеш вел дипломатические переговоры с польским эмигрантским правительством о создании после войны чехословацко-польской конфедерации как основы будущего равновесия в центральноевропейском регионе¹⁰. Он полагал, что после поражения Германии там могут произойти революционные события. Поэтому одну из целей будущей конфедерации Бенеш видел в том, чтобы в момент “брожения” в Германии отделить ее от России, не допустить развития немецкой революции и ее распространения на соседние страны¹¹. Подобные мысли он излагал еще в октябре 1940 г. Однако Бенеш считал, что конфедерация

возможна лишь при условии “разумного договора и дружбы с Россией”¹². Как это ни парадоксально, но даже ограничение распространения коммунизма в Европе он связывал с договором с СССР. Практика показала, что одним из главных препятствий во взаимопонимании чехословацкой и польской сторон (кроме разногласий относительно основ будущего союза, степени отказа от суверенитета и вопроса о принадлежности Тешинской Силезии) стало как раз отношение к СССР. Еще в январе 1941 г. Бенеш пытался убедить главу польского эмигрантского правительства В. Сикорского в том, что Москва вместе с союзниками, выйдя победителями из войны, начнет играть значительную роль в Центральной и Юго-Восточной Европе. Польская сторона, напротив, была уверена в том, что СССР будет настолько ослаблен в войне, что не сможет оказывать сколько-нибудь заметного влияния на страны региона. Чехословацко-польские противоречия и резко отрицательное отношение Советского Союза к созданию конфедерации привели в 1942–1943 гг. к отказу от планов ее организации¹³.

После вступления СССР в антифашистскую коалицию чехословацкое эмигрантское правительство установило с ним дипломатические и союзнические отношения, тем самым упрочив свое международное положение. Крайне важной для Бенеша была и поддержка со стороны Советского Союза идеи восстановления единого чехословацкого государства после войны. Неоднократные заявления советских политических лидеров о нежелании вмешиваться во внутренние дела Чехословакии привели Бенеша к мысли о возможности восстановления чехословацкого буржуазно-демократического государства, опираясь на союз и дружбу не только с Западом, но и с СССР. В декабре 1943 г. президент ЧСР первым из лидеров малых стран, несмотря на недовольство Лондона, подписал союзнический договор с Советским Союзом. Во время московского визита он провел переговоры с советским руководством по вопросам о границах будущей Чехословакии, о переселении немецкого и венгерского населения, о политике в отношении Венгрии и Германии, об экономическом и военном сотрудничестве после войны, помощи СССР Чехословакии на заключительном этапе войны, о Польше и “общей политической линии” в отношении союзников. При этом, по словам Бенеша, была достигнута полная договоренность¹⁴.

В рамках визита состоялась и встреча Бенеша с представителями заграничного руководства КПЧ, на которой были обсуждены вопросы военного взаимодействия с Красной Армией, дальнейшего развития национально-освободительного движения в стране и послевоенного устройства Чехословакии. К. Готвальд передал Бенешу предложения коммунистов в отношении руководства национально-освободительной борьбой в стране и основных принципов политики в послевоенный период. Коммунисты считали целесообразным функционирование Национального фронта после войны, желали,

чтобы освобожденная республика базировалась на “подлинной” демократии внутри страны и прочной дружбе с Советским Союзом во внешнеполитическом плане¹⁵. Бенеш, соглашаясь в основном с собеседниками, считал, что окончательно форма и содержание общественного строя будут определены чехословацким народом демократическим путем после войны. Оставаясь приверженцем идеи единого государства и единой чехословацкой нации, президент ЧСР высказался за то, чтобы отношения чехов и словаков после войны основывались на полном равенстве¹⁶. Коммунисты заявили о стремлении проводить все переходные мероприятия “демократическим путем при активном участии самых широких слоев народа”¹⁷ с помощью людей, доказавших свою преданность стране как перед “Мюнхеном”, так и после него.

Тесные союзнические отношения с СССР все больше вовлекали Чехословакию в сферу советского влияния, ставили внешнюю политику страны в зависимость от советской. Сотрудничество Бенеша с коммунистами вело к укреплению их позиций и влияния. Начавшееся освобождение Словакии и Чешских земель Красной Армией в еще большей степени содействовало этим тенденциям.

Определенный нажим Москвы Бенеш почувствовал уже на рубеже 1944–1945 гг., в частности по вопросу признания польского временного правительства. Первоначально он собирался связать этот вопрос с решением спорных проблем чехословацко-польских взаимоотношений, добиться советской поддержки в вопросе о принадлежности Тешинской Силезии. Однако представлявший НКВД В. Зорин настоятельно не рекомендовал увязывать вопрос о признании польского правительства с разрешением спорных вопросов. В отношении проблемы Тешина он заявил, что это дело прямых чехословацко-польских переговоров¹⁸. Бенеш был вынужден признать польское правительство без каких-либо предварительных условий.

Тесное внешнеполитическое сотрудничество с советской стороной в какой-то степени объяснялось желанием Э. Бенеша заручиться поддержкой СССР в вопросе о послевоенном выселении немцев и венгров с территории Чехословакии. В ходе подготовки соглашения о перемирии с Венгрией в январе 1945 г. чехословацкое правительство поставило вопрос о том, чтобы в документе были зафиксированы положение о выселении венгров и обязательство венгерской стороны о принятии переселенцев. Однако советская сторона обсуждения этой проблемы решила отложить до заключения мирного договора с Венгрией¹⁹.

В связи с быстрым продвижением Красной Армии в районе Силезии и в Словакии Бенеш по предложению советского руководства принял решение выехать из Лондона на освобожденную территорию Чехословакии через Москву, чтобы обсудить там с советским правительством ряд актуальных политических вопросов. В столице СССР также планировалась встреча с чехословацкими политически-

ми деятелями и делегатами Словацкого национального совета (СНС) с целью обсуждения состава нового правительства страны²⁰. Коротко позиция Бенеша по основным вопросам переговоров сводилась к следующему. Он, как и прежде, настаивал на домюнхенских границах Чехословакии и заявил о претензиях на пограничную с Германией область. Бенеш считал необходимым выселить из страны не менее 2 млн немцев и до 400 тыс. венгров. В отношении Карпатской Украины им было высказано мнение, что вопрос будет решен положительно для Советского Союза, но только после обсуждения в парламенте; граница между СССР и Чехословакией должна остаться границей между Словакией и Закарпатьем. Президент ЧСР заявил о желании национализировать предприятия, брошенные немцами и венграми, часть которых советское руководство склонно было включить в категорию военных трофеев на освобожденной территории. Он планировал увеличение чехословацкой армии, а также просил советскую сторону оказать материальную поддержку населению освобожденной территории и предоставить кредиты. Во время бесед с Молотовым и посещения Всеславянского комитета Бенеш подчеркивал значение общеславянской политики как гарантии против новой немецкой угрозы²¹.

В результате московских переговоров было создано новое чехословацкое правительство во главе с бывшим послом республики в СССР левым социал-демократом З. Фирлингером. Сильные позиции в правительстве оказались у коммунистов. К. Готвальд и словацкий коммунист В. Широкий заняли посты заместителей председателя правительства. Коммунистами также были министры: внутренних дел (В. Носек), информации (В. Копецкий), земледелия (Ю. Дюриш), а также государственный секретарь в министерстве иностранных дел В. Клементис. Левых взглядов придерживались формально беспартийные министр школ и просвещения (З. Неядлы) и министр национальной обороны (Л. Свобода). 5 апреля 1945 г. в г. Кошице (Словакия) была принята разработанная в Москве при активном участии коммунистов программа правительства. Согласно этому документу, послевоенная Чехословацкая Республика должна была опираться на тесный союз с СССР, строить армию и службу безопасности по советскому образцу, национализировать ключевые отрасли промышленности и банки, конституировать Национальный фронт чехов и словаков, включивший лишь партии и организации, участвовавшие в национально-освободительной борьбе. Кошицкая правительственная программа объявляла о необходимости конфискации имущества немцев, венгров (кроме антифашистов), предателей и коллаборационистов; декларировала создание новых органов государственного и общественного управления – национальных комитетов. В ней говорилось также, что отношения чехов и словаков будут строиться на основе равноправия, что будет восстановлено хозяйство страны, реформированы образование и культура, проведена земельная реформа.

В этот период Бенеш не отказывался и от сотрудничества с Западом, надеясь, что с его помощью ему удастся установить в ЧСР демократический режим. Особые надежды при этом Бенеш возлагал на США, желая, чтобы американские войска освободили как можно большую часть территории Чехословакии и первыми вошли в Прагу. Однако перед США стояла задача завершения войны на Дальнем Востоке, и вступать в конфронтацию с СССР они не считали возможным. Американские войска остановились на линии Карловы Вары – Пльзень – Ческе-Будеевице, о которой еще раньше была достигнута договоренность между союзниками²².

В первые мирные месяцы Бенеш в своей концепции внешней политики Чехословакии учитывал географическое положение страны, желая видеть ее в качестве моста между Востоком и Западом, и полагал, что сотрудничество между СССР и западными странами продлится и в послевоенный период.

После освобождения Чехословакии президент и правительство переехали в Прагу. 16 мая, выступая на Староместской площади, Бенеш подчеркнул, что чехи и словаки начинают новую жизнь, которая будет строиться на новых идеалах, новых ценностях, они будут стремиться создать новое, более совершенное общество, но в духе национальных традиций и на принципах, которые провозглашал Т.Г. Масарик. Президент рассказал о деятельности эмигрантского правительства, указал на взаимодействие всех ветвей сопротивления как в стране, так и за рубежом, подчеркнув, что их окончательное объединение произошло в марте 1945 г. в Москве. Затем Бенеш в общих чертах обрисовал свое видение послевоенного чехословацкого общества. Непосредственными задачами он считал укрепление государственной дисциплины и возвращение к нормальной демократической жизни политических партий на основе свободных дискуссий, конституции и внутренних законов страны. Все это, по его мнению, должно быть направлено на создание новой политической жизни и нового государственного устройства. Он предлагал реформировать партийную структуру, сократив число политических партий по сравнению с довоенным периодом, пересмотреть чешско-словацкие отношения (не уточняя, впрочем, детали), а в целях создания единого национального государства чехов и словаков выселить немцев с чешских земель и венгров из Словакии. Президент считал необходимым избавиться от последствий германизации в культурной, экономической и политической областях, а также высказался за социально-экономические преобразования (планирование в промышленности, сельском хозяйстве). Насущно важной чехословацкий лидер считал разработку планов по развитию национальной культуры, которая безжалостно уничтожалась в течение шести лет нацистского господства. Кроме того, Бенеш планировал реорганизовать государственное управление и подготовить проект создания новой чехословацкой армии, с новой структурой, отвечающей изменившейся об-

становке. Все это, по его мысли, должно быть зафиксировано в новой конституции. В заключение президент выразил благодарность Советскому Союзу, Великобритании, США, Франции и другим союзным державам за освобождение страны²³.

Бенеш, с одной стороны, провозглашал верность принципам буржуазной демократии, с другой – подчеркивал необходимость значительных реформ, ориентации на идеалы “народной демократии” и проведения “славянской политики”²⁴. Эта позиция Бенеша соответствовала его идеям послевоенного развития и в то же время являлась вынужденной уступкой коммунистам, влияние которых в стране весьма усилилось. Последние использовали естественные симпатии населения страны к СССР как освободителю от фашизма, предлагали радикальные экономические и социальные реформы, критиковали союз с Западом, приведший к Мюнхенскому соглашению и оккупации. Чехословацкие коммунисты выступали как защитники “национальных интересов”, провозглашали демократический специфический путь страны к социализму, заявляя, что речь не идет о слепом копировании советского образца. Порой сторонники коммунистов по “социалистическому блоку” – социал-демократы – по некоторым вопросам даже занимали более радикальные позиции, и коммунистам приходилось их сдерживать. Некоторым социал-демократам были свойственны достаточно наивные представления о направлении дальнейших преобразований. Так, министр промышленности Б. Лаушман полагал, что, имея перед собой советский пример, будет нетрудно организовать управление чехословацкой промышленностью²⁵.

Сначала в “социалистический блок” Национального фронта наряду с коммунистами и социал-демократами входили и национальные социалисты. Впоследствии они вместе с правыми социал-демократами примкнули к оппозиции, представленной чехословацкой народной партией и словацкой демократической партией. Сотрудничество демократов и Бенеша с коммунистами объяснялось как возросшим влиянием последних в обществе, так и желанием первых максимально использовать влияние СССР для поддержки внешнеполитических позиций Чехословакии и получения материальной помощи.

Во время беседы З. Фирлингера со Сталиным в июне 1945 г. последний заявил, что советская сторона не будет мешать выселению немцев и венгров из Чехословакии. Однако председатель чехословацкого правительства просил активного содействия этому выселению²⁶. На Потсдамской конференции представители трех держав – США, СССР и Великобритании – достигли соглашения о выселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии²⁷. В тот же самый день, 2 августа 1945 г., Э. Бенеш издал конституционный декрет о лишении лиц немецкой и венгерской национальности чехословацкого гражданства²⁸. Еще ранее им были подписаны декреты о национализации имущества немцев и венгров, которые приравнивались к предателям и коллаборационистам²⁹. Фактическое выселение немцев и

венгров регулировалось указами министерства внутренних дел на основе постановления правительства. На местах оно проводилось весьма жестко: немцам объявлялось, что они должны собраться в течение 15 минут и выехать в Германию, причем на дорогу, кроме 5 марок, никаких личных вещей и продовольствия брать не разрешалось. Разоренные, не видя никаких перспектив, они нередко кончали жизнь самоубийством³⁰. Подобная политика проводилась и в отношении венгров в Словакии. Им запрещалось говорить на родном языке, а при выселении не предоставлялось ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта. Часто венгры вынуждены были идти пешком десятки километров до границы³¹. Чешские и словацкие коммунисты были вполне согласны с этой политикой и не возражали против методов ее проведения³².

Поддерживая чехословацкую сторону в вопросе о выселении немцев и венгров, Советский Союз не упускал из виду и свои государственно-политические интересы. Взяв на заметку неоднократные высказывания Бенеша в годы войны о том, что он рассматривает вхождение Подкарпатской Руси в состав ЧСР как временное, советские представители прямо поставили вопрос о письменном заявлении, что чехословацкий президент не возражает против передачи этой территории СССР (еще на переговорах в Москве в марте 1945 г.)³³. Разница в позициях сторон заключалась в том, что Бенеш настаивал на окончательном решении вопроса парламентом страны после ее освобождения, советская сторона – на скорейшем решении вопроса. Когда же в июне 1945 г. текст договора о Закарпатской Украине был уже готов, Сталин заявил Фирлингеру, что советская сторона не торопит с его подписанием³⁴. Однако уже на следующий день договор о включении Закарпатской Украины в состав УССР был подписан.

Бенеш напрасно надеялся на советскую поддержку планов Праги в отношении Польши и Венгрии. Конфликтные ситуации между странами Центральной и Восточной Европы советские политические лидеры пытались использовать в своих интересах, играя на противоречиях между ними. Москва занимала осторожную позицию, открыто не поддерживая ни одну из сторон, лавируя между ними, обещая содействие в урегулировании споров.

В первые послевоенные годы советское государство по просьбе чехословацкого правительства оказало Чехословакии огромную помощь продовольствием и сырьем³⁵. Начавшееся в 1945 г. внешнеполитическое и экономическое сотрудничество двух стран строилось, тем не менее, не на партнерстве, а находилось под политическим диктатом СССР, за который он, впрочем, расплачивался материальной помощью.

Что касается внутренней обстановки в Чехословакии в 1945 г., то Бенешу пришлось почти сразу столкнуться со сложностями в уре-

гулировании чешско-словацких отношений. Словацкий национальный совет настаивал на том, чтобы на территории Словакии действовали лишь издаваемые им законы³⁶, Бенеш же считал это недопустимым, поскольку данная позиция противоречила его идее о едином государстве. Чехословацкий президент хотел пересмотреть отношения между двумя народами в плане предоставления Словакии большей административной свободы. Однако словаков не устраивали автономистские основы государства, они предлагали федерацию. Борьба развернулась вокруг компетенции СНС. Чешская сторона предлагала приравнять Словацкий национальный совет к земским национальным комитетам, образованным в Моравии и Силезии, с приданием им административно-исполнительных функций, тогда как словаки требовали сохранить законодательные функции СНС, создав отдельно чешское, словацкое и объединенное правительство³⁷. Но эти словацкие предложения не были приняты. Парадокс ситуации заключался в том, что чешских органов не существовало – были централизованные чехословацкие и отдельно словацкие органы, компетенция которых в послевоенные годы последовательно сокращалась.

Бенеш рассчитывал на введение трехпартийной системы в Чехословакии (правые, центр, левые), предполагая, что одна часть социал-демократов перейдет в коммунистическую партию, а другая – в национально-социалистическую. Но эти планы вызвали возражения коммунистов, прежде всего словацких³⁸.

Ожесточенная борьба между демократами и коммунистами развернулась в 1945 г. по вопросу о сроках и масштабах национализации. Коммунисты связывали быстрое решение всех экономических и социальных проблем с широкой национализацией. 24 октября 1945 г. президент подписал декреты о национализации основных отраслей промышленности, банков и страховой системы, а тремя днями позже – декрет о внешней торговле, согласно которому широкие полномочия в этой области предоставлялись министерству внешней торговли. Следствием этих декретов было значительное ограничение предпринимательской деятельности частных фирм и усиление роли государства в экономике страны. В 1945 г. проходил и первый этап земельной реформы, когда конфискации подверглись владения немцев, венгров, предателей и коллаборационистов (в чешских землях, в основном в пограничных областях, было конфисковано 28% земель, в Словакии – лишь 9%, так как в полном объеме выселение венгров не состоялось)³⁹.

Чехословацкие коммунисты и левые социал-демократы стремились еще больше упрочить советско-чехословацкие отношения, не без основания полагая, что победить во внутривосточной борьбе за власть они смогут, лишь опираясь на восточного соседа. Во время визита делегации чехословацких экономистов во главе с Б. Лаушманом в СССР в январе 1946 г. министр промышленности Чехослова-

ки вел речь о более тесном экономическом и политическом сотрудничестве с Советским Союзом. Рассказывая об острой внутривнутриполитической борьбе, развернувшейся вокруг национализации, Лаушман подчеркивал, что некоторые государственные деятели (имен которых он, впрочем, не называл) противодействуют этому процессу, способствуя проникновению западного капитала в Чехословакию, в частности в области разведки нефти и управления предприятиями, ранее принадлежавшими иностранным владельцам. Коммунисты и левые стремились к полной национализации крупной промышленности и призывали к использованию советских экономических схем в ЧСР. Лаушман утверждал, что именно он, Фирлингер и Готвальд способствовали заключению соглашения о добыче и отправке в СССР урановых руд с яхимовских предприятий. Международная обстановка в этот период настолько изменилась, что чехословацкий министр предлагал создать блок государств (Чехословакия, Польша, Югославия, Болгария, СССР и, возможно, Румыния), чтобы противостоять западноевропейским странам. При этом предлагалось, не объявляя во всеуслышание слово “блок”, интенсифицировать политическое и экономическое сближение. К участию в блоке он предлагал привлечь также Венгрию, Австрию и даже Грецию⁴⁰.

Речь У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. и реакция на нее И.В. Сталина свидетельствовали о том, что надежды Бенеша на послевоенное сотрудничество Запада и СССР не оправдались. В том же месяце состоялся визит министра внешней торговли Чехословакии Г. Рипки в Москву, где он встречался с В.М. Молотовым. В их беседе принял участие и посол ЧСР в Москве Й. Горак. Чехословацкие представители, стремясь заручиться советской поддержкой в решении спорных территориальных проблем, подробно обосновывали чехословацкие претензии на район Кладско, решением Потсдамской конференции переданный во временное владение Польше. Однако Молотов подчеркнул желательность непосредственной договоренности чехословацкой и польской сторон по всем спорным территориальным вопросам⁴¹. В условиях ухудшения отношений с Западом и наметившегося раскола мира на два лагеря СССР занял еще более сдержанную и осторожную позицию в спорах между странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, например, во время визита правительственной делегации Венгрии в Москву (апрель 1946 г.) Сталин говорил о содействии СССР обеспечению гражданских прав венгерского национального меньшинства в Словакии, ранее же Кремль обещал чехам и словакам свою поддержку в выселении венгров⁴². В то же время Советский Союз усиливает активность по сплочению “восточного блока”. Об этом, в частности, свидетельствуют послания советского правительства правительствам Чехословакии и Польши с настоятельным пожеланием заключить между ними договор о дружбе и взаимопомощи. В них диктовались даже сроки будущего договора – “по возможности в августе этого года”⁴³.

В ответе Сталину Бенеш, хотя и соглашался с необходимостью подобного договора, но все же ставил условием его подписания признание Польшей домюнхенских границ в районе Тешина⁴⁴.

В Чехословакии в этот период шла острая предвыборная борьба. Парламентские выборы состоялись 26 мая 1946 г. В целом по стране больших успехов удалось добиться коммунистам, которые получили больше голосов, чем любая из участвовавших в выборах партий. В Словакии большинство населения проголосовало за Демократическую партию (ДП), против которой коммунисты развязали в печати ожесточенную кампанию. Удалось ограничить влияние ДП только после того, как Готвальд, ставший председателем нового правительства, выдвинул непременным условием участия ДП в правительстве ее согласие на ограничение компетенции Корпуса уполномоченных (словацкого исполнительного органа), СНС и расширение влияния центрального правительства в Словакии. В новом кабинете девять мест получили коммунисты, четыре – национальные социалисты, четыре – народная (католическая) партия, четыре – словацкая демократическая партия, три – социал-демократы.

Бенеш, единодушно избранный президентом республики, видел усиление влияния коммунистов в стране и стремился противостоять ему. Выступая на съезде чешских писателей в июне 1946 г., он высказался против сращивания коммунистической идеологии и национальной культуры. “Предметом наших стремлений и усилий, материальных и духовных, будет не одна партия, один класс, один народ, одно государство, а общество как целое”, – подчеркнул президент. Он считал недопустимым посягательство на свободу творчества со стороны партии, политических движений и даже государства. Никакое искусство, по его мнению, немислимо без свободы. Литература и национальная культура должны исходить из основ национальной жизни и служить всему обществу, всему народу. Бенеш заявил на съезде, что литература и искусство должны стоять на страже прав человека, не должны замалчивать нарушения законов и демократии. Писатель, находящийся в плену догматической точки зрения какой-либо партии, не может быть духовно богат. Президент подчеркнул, что ни общество, ни государство не являются и не могут быть абсолютными властителями индивидуума и неким фетишем. Он был уверен в том, что демократическое государство должно обеспечивать развитие человека без какого-либо духовного или физического насилия, на основе соблюдения конституционных прав, демократически установленного и действующего режима⁴⁵.

В это же время в чехословацком обществе проходила широкая дискуссия о социализме и его перспективах. Партия национальных социалистов, членом которой был Бенеш до своего избрания на президентский пост, стала одним из основных оппонентов в споре с коммунистами. Эта партия возникла еще в конце XIX в. В противовес социал-демократическому и коммунистическому движениям, ее чле-

ны изначально считали себя немарксистской партией и подвергали диалектический материализм критическому анализу⁴⁶. Ориентация на социализм, тем не менее, была принципиальной. В отличие от догматических марксистских партий национальные социалисты исходили из того, что на пути к социализму нельзя отказываться от политической демократии, следует использовать достижения экономического либерализма для осуществления социалистических идеалов. Основной путь строительства социализма они видели в эволюционном развитии, отрицая революционные методы. Социализм национальные социалисты понимали как повышение благосостояния общества через его консолидацию и духовное совершенствование⁴⁷. Бенеш изложил свою точку зрения на социализм в беседе с директором пражского отделения агентства Франс Пресс. Он полагал, что необходимо постепенно осуществлять преобразования, ведущие к социализму, избегая насильственного перехода от одного строя к другому, придерживаться демократических методов, без диктатуры пролетариата и применения теории марксизма-ленинизма. Вместе с тем Бенеш считал, что послевоенный период – время перехода от буржуазной демократии к народной. Этот естественный процесс требует десятилетий и в каждой стране будет осуществляться своим путем⁴⁸. Коммунисты, участвовавшие в дискуссии, также использовали тезис о специфическом национальном пути к социализму, однако опирались они неизменно на марксистско-ленинскую теорию и опыт СССР.

В 1947 г. давление СССР на Чехословакию усиливается. Так как первое советское послание относительно заключения чехословацко-польского договора не достигло желаемого результата, Сталин и Молотов направили в адрес Готвальда, можно сказать, директивные указания – о необходимости подписать договор с Польшей⁴⁹. Хотя вопрос о границах так и не был решен, 10 марта 1947 г. в Варшаве состоялось подписание польско-чехословацкого соглашения. В первой половине этого года Бенеш стремился заключить чехословацко-французский союзнический договор. Правительство Чехословакии предложило французской стороне в качестве образца чехословацко-советский договор от декабря 1943 г. Французы выступили с контрпредложением о договоре наподобие французско-британского от марта 1947 г., который не содержал формулы о немедленной помощи в случае немецкой агрессии и упоминаний о союзниках Германии. Чехословацкие коммунисты, взяв курс на свертывание связей с Западом, выступили против такой редакции соглашения и получили поддержку Москвы⁵⁰. Скорее всего это был лишь повод, чтобы сорвать подписание договора, ибо обязательств “немедленной помощи” не содержалось и в советско-французском договоре.

Так как политического сближения с западными странами чехословацким демократам добиться не удалось, они надеялись на расширение экономических связей с ними. В июне 1947 г. американский

госсекретарь Д. Маршалл выступил с планом экономической помощи разрушенной после войны Европе. Чехословацкое правительство единогласно приняло решение участвовать в Парижском совещании по плану Маршалла. За принятие приглашения на совещание высказался и Бенеш. Однако несколькими днями позже, во время пребывания чехословацкой правительственной делегации в Москве, Сталин категорически заявил об отрицательном отношении СССР к участию в этом совещании, настаивая на немедленном отказе Чехословакии от приглашения на него⁵¹. Чехословацкие представители в очередной раз были вынуждены подчиниться диктату СССР. Взамен им, как всегда, было обещано расширение экономического сотрудничества и торговли с Советским Союзом. Несмотря на бедственное положение населения в своей стране, советские лидеры не скупилась на помощь Чехословакии зерном и сырьем, поскольку желали сохранить там свои политические позиции.

Усиливалась и внутривластная борьба в ЧСР. На этот раз в центре внимания оказались предложения министра земледелия коммуниста Дюриша о скорейшем окончании конфискации земель и их разделе (теперь речь шла о наделах свыше 50 га). Преодолев сопротивление оппозиции, к лету 1947 г. коммунистам удалось провести сельскохозяйственные законы через Национальное собрание. Министерство юстиции во главе с национальным социалистом П. Дртини пыталось, наоборот, организовать передачу конфискованных предприятий их бывшим владельцам, так как национализированные предприятия нередко становились нерентабельными и убыточными.

В центре политической борьбы был также процесс над Й. Тисо. Словацкие коммунисты выступали за смертный приговор высшему должностному лицу Словацкой республики, а члены Демократической партии противодействовали этому. Даже некоторые коммунисты считали судебный процесс непопулярным в народе и сомневались в том, что казнь Тисо укрепит позиции коммунистов в обществе. Однако генконсул СССР в Братиславе Н.Я. Демьянов во время беседы с председателем Корпуса уполномоченных Г. Гусаксом убеждал последнего, что смертный приговор Тисо имеет огромное политическое значение и его казнь лишь поднимет авторитет компартии в Словакии. Суд приговорил Тисо к смертной казни. Он обвинялся в участии в разделе единого чехословацкого государства, ликвидации демократических прав и свобод в Словакии и установлении там тоталитарного режима, активном выступлении против Словацкого национального восстания, вовлечении Словакии в войну на стороне Германии, а также в одобрении и участии в депортации еврейского населения. Адвокаты Тисо направили прошение о помиловании. Сторонники помилования указывали на возможность ухудшения чешско-словацких отношений в связи с казнью Тисо, которая в Словакии могла трактоваться как расправа над приверженцами идеи не-

зависимости словаков. Бенеш считал, что Тисо заслуживает высшей меры наказания, но написал Готвальду, что “из соображений гуманности”, как президент, готов одобрить прошение при условии, что то же самое сделает и правительство. Тем не менее правительство Чехословакии большинством голосов отклонило прошение о помиловании, и приговор был приведен в исполнение⁵².

Чехословацкие коммунисты боролись против всякого проявления несогласия со своей политикой. Они угрожали массовыми забастовками и демонстрациями, вели в печати кампанию дискредитации своих политических оппонентов, не стеснялись прибегать к клевете и демагогии. Ими был взят курс на раскол партий национальных социалистов и социал-демократов и на ограничение влияния иных политических объединений. Основной удар был направлен против деятелей Демократической партии, которых обвиняли в конспиративной подрывной деятельности и сепаратизме.

Другие политические организации также предприняли попытки активизировать свою деятельность. Весной 1947 г. состоялся XIV съезд партии национальных социалистов. Подготовка к нему шла под лозунгами “Нет социализму без демократии”, “Удержим духовное единство народа”. На самом съезде раздавались требования охраны частного сектора⁵³. К середине 1947 г. антикоммунистическая оппозиция пришла к выводу о необходимости объединения. Летом национальные социалисты заключили соглашение с представителями демократической, а в сентябре – и народной партии о совместных действиях против коммунистов⁵⁴. Даже правые и центристы в социал-демократической партии стали склоняться к поддержке оппозиции. Однако слабость оппозиции состояла в том, что она действовала традиционными парламентскими методами. Бенеш симпатизировал антикоммунистам, но активно и открыто выступать в их поддержку не стал. Влияние президента в стране было очень велико. Согласно опросам общественного мнения, он занимал первое место среди политических деятелей, которым доверяло население (тогда как, например, официальный лидер партии национальных социалистов П. Зенкл – лишь 12-е место в этом списке)⁵⁵. Единого блока демократических сил создать не удалось из-за внутренних противоречий в самих партиях, межпартийных споров, различных взглядов на государственно-правовую организацию и отношения между чехами и словаками. Многие демократы были разочарованы позицией Запада, запуганы недемократическими способами политической борьбы внутри страны. Так, заместителю председателя правительства П. Зенклу, министру юстиции П. Дртинге и министру иностранных дел Я. Масарику были доставлены посылки со взрывными устройствами⁵⁶.

В сентябре 1947 г. состоялось Совещание коммунистических партий Болгарии, Германии, Венгрии, Польши, Румынии, Италии, Франции, Чехословакии, Югославии и СССР в Польше, на котором

было создано Информационное бюро (Коминформ) и прозвучала констатация факта распада мира на два лагеря – “империалистический” и “антиимпериалистический”. В этой связи чехословацкие коммунисты усиливают борьбу за свертывание связей с Западом и ограничение влияния “правых” в стране. В центре борьбы в это время было введение налога на миллионеров. Вначале это предложение коммунистов было отклонено правительством, но затем при поддержке социал-демократов – принято. Осенью 1947 г. произошел раскол среди социал-демократов. В ноябре с поста председателя ушел З. Фирлингер, его место занял вышедший из правительства Б. Лаушман. Однако это непроизвольно привело к усилению прокоммунистического крыла социал-демократов в правительстве. Той же осенью возникла и левая оппозиция внутри национальных социалистов⁵⁷.

Кульминацией политического противостояния явился правительственный кризис февраля 1948 г., когда 12 из 26 министров, рассчитывая на смену кабинета, подали в отставку. Бенеш сначала обещал не принимать их отставку. Но решение свое вскоре изменил. Что заставило президента сделать это: боязнь гражданской войны в стране, осознание ничтожности шансов на успех, так как реальной силы за ним не было, а может быть, недомигание, отсутствие сил сопротивляться?⁵⁸ Вероятно, все эти факторы сыграли свою роль. Бенеш подписал демиссию министров и дал согласие на сохранение правительства Готвальда в обновленном составе. В дни февральского кризиса в Праге присутствовала делегация польских социалистов, склонившая чехословацких социал-демократов поддержать КПЧ. Некоторые исследователи считают, что это была одна из основных причин, решивших кризис в пользу коммунистов⁵⁹. Как бы то ни было, все закончилось коммунистическим переворотом.

10 марта 1948 г. Готвальд огласил программу нового правительства. Начались чистки госаппарата от оппозиционных коммунистам деятелей. Чистки прошли также в профсоюзных и молодежных организациях. Был утвержден закон об изъятии и разделе земельных угодий свыше 50 га, национализировались промышленные предприятия с числом рабочих свыше 50 человек. В мае Национальное собрание одобрило новую Конституцию ЧСР, в которой законодательно закреплялись итоги коммунистического переворота. Бенеш расценил ее как недемократическую, отказался подписать и принял решение об уходе в отставку⁶⁰. Под нажимом Готвальда президент согласился, что официальной причиной его отставки будет объявлено плохое состояние здоровья. Через несколько месяцев Бенеша не стало.

Идеи Э. Бенеша о послевоенном развитии Чехословакии не были реализованы. Президент поставил перед собой задачу балансирования между Западом и Востоком, но в новых условиях начавшейся холодной войны она стала невыполнимой. Сотрудничество с комму-

нистами и опора во внешней политике на СССР привели к усилению влияния КПЧ в обществе. Естественные симпатии населения к Советскому Союзу как освободителю страны от фашизма были использованы коммунистами для пропаганды советской модели развития. СССР, стремясь сохранить Чехословакию в сфере своего влияния как западный форпост “восточного блока”, не жалел средств на материальную и идеологическую поддержку местных коммунистов, нередко пренебрегая своими экономическими интересами в пользу политических амбиций.

На первых порах после войны советские партийно-правительственные лидеры не скупались на декларации о невмешательстве во внутреннюю политику Чехословакии, признании ее прав на самостоятельный народно-демократический путь развития. Это поддерживало иллюзии Бенеша о возможности проведения самостоятельной внутривластной линии. Однако затем, начиная с 1946 г., СССР усиливает давление на чехословацких политиков, включая и коммунистов, заставляя их в конце концов отказаться от собственных представлений о послевоенном развитии. Эти действия не носили “односторонний” характер: чехословацкие коммунисты стремились к власти и ради нее готовы были жертвовать независимой политикой страны и принимать диктат Москвы. Политические деятели других направлений, в том числе и Бенеш, также нередко проявляли готовность использовать советское влияние для решения своих проблем (установления границ, выселения немцев и венгров, экономической помощи), тем самым ставя страну в зависимое положение, которое со всей очевидностью проявилось в июле 1947 г. в связи с планом Маршалла.

Политические противники коммунистов слишком поздно осознали необходимость объединения. К тому же Бенеш, даже во время февральских событий, открыто не выступил на стороне оппозиции. Несколько лет назад были опубликованы воспоминания бывшего советского разведчика П.А. Судоплатова⁶¹, в которых говорилось о контактах Бенеша с агентурой НКВД и о влиянии этого ведомства на него (в том числе и во время февральского кризиса). Чешские и российские историки, задаваясь вопросом, что это – шокирующее разоблачение, вымысел или заведомая дезинформация, не могли однозначно ответить на вопрос. Тот факт, что Бенеш являлся “источником”, предоставлял руководству СССР определенную информацию до войны и во время нее, является вполне достоверным, но Судоплатов не приводит никаких иных (кроме личных) свидетельств “работы” чехословацкого президента на советскую разведку.

После войны Бенеш был уже серьезно болен. Во время февральских событий, по свидетельству Я. Черного, он был вынужден принять отставку министров, о которой заранее ничего не знал и которую считал ошибкой, опасаясь начала гражданской войны⁶². Но после февральского переворота и отставки Бенеша

готовился его отъезд в эмиграцию, что стало бы началом “третьего сопротивления”. Ухудшение состояния здоровья президента помешало этому.

Представления Бенеша о возможности третьего пути к социализму (по-своему понимаемому) до сих пор в полной мере не были воплощены ни в одной стране, поэтому трудно судить об их жизнеспособности. Можно лишь сказать, что в условиях послевоенной Чехословакии, независимо от теоретических просчетов и политических ошибок Бенеша, его идеи не могли быть реализованы в силу сложившихся политических реалий. В этом и состояла трагедия Бенеша как политика и государственного деятеля.

¹ *Taborsky E. President Edvard Benes between East and West 1938–1948.* Stanford, 1981. P. 1–2.

² См., например: *Peroutka F. Byl Edvard Beneš vinen?* Praha, 1993. S. 6.

³ *Hitchcock E. Benes. The man and the statesman.* London, 1943.

⁴ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (Далее: ДМИСЧО). М., 1978. Т. 3. С. 116.

⁵ *Kvaček R. Podoba a vyvoj prvného československého statu 1918–1938* // *Historický obzor.* 1993. IX. S. 207.

⁶ См., например: *Kaplan K. Pravda o Československu 1945–1948.* Praha, 1990. S. 6.

⁷ *Projev prezidenta republiky Dr. E. Beneše na staroměstském náměstí v Praze 16 května 1945.* Praha, 1945. S. 6.

⁸ *Kuklik J. Vznik československého národního výboru a prozatímního státního zřízení ČSR v emigraci v letech 1939–1940.* Praha, 1996. S. 10.

⁹ См.: *Марьина В.В.* Вступление и перевод части книги Э. Бенеша “Демократия сегодня и завтра” // *Вопросы истории.* 1993. № 1, 3; *Серационова Е.П.* Эдуард Бенеш и его идеи демократического развития общества // *Славяноведение.* 1998. № 1. С. 11–21.

¹⁰ *Československo-polská jednání o vztvoření konfederace 1939–1944.* Československé diplomatické dokumenty. Sv. 1–4. Praha, 1994.

¹¹ *Dokumenty z historie československé politiky.* Praha, 1966. Sv. 1. S. 412.

¹² *Ibid.*

¹³ *Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války.* Praha, 1946. S. 226; *Kowalski W.T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945).* Warszawa, 1967. S. 174; *Серационова Е.П.* Чехословацко-польские отношения и проблема послевоенного сотрудничества (1939–1945). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

¹⁴ *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943) // *Вторая мировая война. Актуальные вопросы.* М., 1995. С. 155; ДМИСЧО. М., 1983 Т. 4. Кн. 2. С. 23.

¹⁵ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 14–18.

¹⁶ *Projev prezidenta republiky...* S. 10.

¹⁷ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 17–18.

¹⁸ *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953.* М.; Новосибирск, 1997. Т. 1.: 1944–1948. С. 114–116, 155.

- ¹⁹ Там же. С. 133–134, 152–154.
- ²⁰ *Марьина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945) // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 80–81.
- ²¹ *Восточная Европа в документах...* С. 174–187.
- ²² *Proks P.* Československo. Politická moc a sovětizace (1945–1948) // *Sovětizace východní Evropy*. Praha, 1995. S. 40.
- ²³ *Projev prezidenta republiky...* S. 1–18.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Восточная Европа в документах...* С. 201–202, 205.
- ²⁶ Там же. С. 232.
- ²⁷ *Právní aspekty odsunu sudetských Němců*. Praha, 1995. S. 80–81.
- ²⁸ *Dokumenty k ustavnímu pravu dějinám Československim 1938–1946*. Praha, 1947. Díl. 2. S. 38–40.
- ²⁹ *Mikule V.* Dekrety prezidenta republiky po padesáti letech // *Studie o sudetoněmecké otázce*. Praha, 1996. S. 189–202.
- ³⁰ *Восточная Европа в документах...* С. 223.
- ³¹ Там же. С. 224–225.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 183–186; см. также: *Československo-sovětské vztahy diplomatický jednáníh. 1939–1945: Dok.* Praha, 1999. Díl. 2. S. 506–507.
- ³⁴ *Восточная Европа в документах...* С. 230.
- ³⁵ *Поп И.И.* Чехословакия – Советский Союз. 1941–1948 гг. М., 1990. С. 200–205.
- ³⁶ *Восточная Европа в документах...* С. 210.
- ³⁷ Там же. С. 228.
- ³⁸ Там же. С. 227.
- ³⁹ Выселения венгров из ЧСР в планировавшихся размерах не произошло из-за возражений западных держав, а позднее и Сталина. В феврале 1946 г. в Будапеште было подписано соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением. Из ЧСР выехало 90 тыс. венгров, из Венгрии – около 70 тыс. словаков. В ЧСР осталось около 368 тыс. венгров. (См.: *Sovětizace východní Evropy*. S. 41).
- ⁴⁰ *Восточная Европа в документах...* С. 362–363.
- ⁴¹ Там же. С. 395–398.
- ⁴² Там же. С. 415.
- ⁴³ Там же. С. 492–493.
- ⁴⁴ Там же. С. 493–495.
- ⁴⁵ *Tři roky. Přehledy a dokumenty k československé politice v letech 1945–1948*. Brno, 1991. Díl. 2. S. 12, 15.
- ⁴⁶ *Сератионова Е.П.* Чешские политические партии в 1917 г. // *Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы?* М., 1994. С. 229–230.
- ⁴⁷ *Tři roky...* S. 132.
- ⁴⁸ *Восточная Европа в документах...* С. 575–576.
- ⁴⁹ Там же. С. 585–586.
- ⁵⁰ *Sovětizace východní Evropy*. S. 54.
- ⁵¹ *Восточная Европа в документах ...* С. 673–675; см. также: *Narinskij M.M.* Sovětský svaz a Marshallův plan // *Soudobé dějiny*. 1997. Č. 3–4. S. 479–491.

⁵² Восточная Европа в документах... С. 595; Подробнее о процессе над Тисо см.: *Rychlík J. Proces s Jozefom Tisem v roce 1947 // Český časopis historický. 1998. Č. 3. S. 574–601.*

⁵³ *Kocian J. Sjezd Československé strany národní socialistické v předvečer padesátiletého jubilea v roce 1947 // České země a Československo v Evropě XIX a XX století. Praha, 1997. S. 492, 501.*

⁵⁴ *Kaplan K. The short March. The Communist takeover in Czechoslovakia 1945–1948. London, 1987. P. 118.*

⁵⁵ *Tři roky... S. 81.*

⁵⁶ *Sovětizace východní Evropy. S. 62.*

⁵⁷ *Ibid. S. 63–64.*

⁵⁸ *Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Benes v roce 1948. Praha, 1993.*

⁵⁹ *Murašková G.P. Unorová politické krize roku 1948 v Československu a “sovětský factor”// Souboré dějiny. 1997. Č. 3–4. S. 373–374.*

⁶⁰ Восточная Европа в документах... С. 868–870.

⁶¹ В 1994 г. воспоминания П.А. Судоплатова вышли в свет в США, а несколько позднее – и в России (см.: *Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996).*

⁶² *Tikovský V. Prezident Edvard Beneš zemřel právě před padesáti lety // Metro. 1998. 3. IX.*

ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ (1945–1948 годы)

Основополагающие решения в отношении будущего Польши принимались великими державами в 1943–1944 гг. и уточнялись ими в период между Ялтинской (4–11 февраля 1945 г.) и Потсдамской конференциями (17 июля – 2 августа 1945 г.).

В Ялте президент США Ф.Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль вынужден был примириться с тем фактом, что до проведения выборов в Польше временно будет править коалиционное правительство, где коммунисты и их союзники займут ведущие позиции. В состав созданного с учетом результатов переговоров между великими державами Временного правительства национального единства вошла лишь небольшая группа политиков, независимых от коммунистической Польской рабочей партии (ППР). Признанным лидером этой группы стал бывший премьер-министр эмигрантского правительства и глава крестьянской партии “Польске стронництво людове” (ПСЛ) Станислав Миколайчик. Значительное преобладание в новом кабинете коммунистов и их союзников, наиболее последовательными из которых были социалисты, позволяло предположить, что деятельность именно левого крыла в правительстве будет определять развитие страны в первые послевоенные годы.

В контексте новой политической ситуации, сложившейся в Польше второй половины 1945 г. Э. Осубка-Моравский, и значительная часть руководства Польской социалистической партии (ППС) поддержали идею о том, что ППС должна стать связующим звеном между коммунистами и другими партиями. Реализация этой установки позволила бы социалистам превратиться в ведущую силу правительственной коалиции и обеспечить себе большую свободу действий¹.

Кроме того, подобная политическая конфигурация давала им шанс избежать конфронтации между ППР и главными силами ПСЛ, которые представлял Ст. Миколайчик. Это вытекало из программных установок социалистов, которые являлись сторонниками эволюционных форм различного рода преобразований и выступали за соединение глубоких социально-экономических реформ с политической демократией.

Союз с ППР рассматривался в партии как необходимый фактор для внутренней стабилизации, так как ППС опасалась усиления влияния правых сил в обществе. Необходимость этого союза объяснялась также международными условиями, т.е. особой ролью, кото-

рую стал играть в послевоенной Польше Советский Союз, для которого, в свою очередь, партия польских коммунистов стала главным политическим партнером. Новая роль ППС в политике была необычайно трудна для исполнения. Практически неисполнимой ее делало то, что, с одной стороны, коммунисты с самого начала пошли на конфронтационное развитие отношений с ПСЛ, а с другой – стремились обеспечить себе возможность для контроля над социалистической партией.

Итогами второй мировой войны для Польши стало помимо территориального расширения на запад катастрофическое истощение людских и материальных ресурсов, которые происходили на фоне ее внешнеполитической переориентации на СССР. В этих условиях перед польской политической элитой (исключая коммунистов) стояла задача уравновесить влияние Советского Союза за счет сохранения в стране любых возможных форм западного влияния. В послевоенной польской общественно-политической мысли доминирующей была идея о необходимости дружественной, партнерской (у коммунистов – союзнической) перестройки отношений с восточным соседом, который, в свою очередь, должен был бы соблюдать национальный суверенитет Польши. Однако вскоре данный знаменатель, объединяющий партии, входящие во Временное правительство национального единства, перестал существовать. Идея партнерства с СССР, стержнем которой являлись антинемецкие настроения, была подменена коммунистами идеей тотальной подчиненности Кремлю. Основой внешней политики страны при этом должны были стать требования идеологического порядка. Эволюция внешнеполитических концепций Польской социалистической партии – союзницы коммунистов и одной из ведущих сил Временного правительства национального единства – и будет рассмотрена в настоящей статье.

Последний период деятельности ППС (1945–1948 гг.), по признанию самой польской историографии, является особенно сложным и недостаточно изученным². Это объясняется спецификой положения партии в политическом раскладе сил страны. Исходя из своих партийных установок, социалисты в принципиальных вопросах нередко занимали промежуточную позицию по отношению к коммунистам и оппозиционному блоку. Однако на практике после этапа колебаний и всплеска внутривнутрипартийной борьбы ППС сделала выбор в пользу Польской рабочей партии. Определял роль ППС в политической жизни Польши и тот факт, что она не пользовалась поддержкой и покровительством со стороны какой-либо из великих держав, поэтому ее положение было значительно сложнее, чем у партнеров по коалиции – ППР и ПСЛ. Данный недостаток частично уравнивался традиционно тесными связями с другими европейскими социалистическими партиями. Укрепляя эти связи, лидеры польских социалистов стремились расширить влияние своей организации как во внутренних, так и в международных делах. На деле же

провал ППС, пытавшейся выступить в роли посредника между коммунистами и оппозицией, отсутствие поддержки со стороны великих держав, постоянные попытки использовать международные связи с целью укрепления своего положения внутри страны “размывали” внешнеполитические воззрения польских социалистов.

По международным вопросам программные документы ППС содержат идеи, совпадающие с позицией коммунистов. Социалисты, которые в межвоенный период относились к наиболее последовательным критикам СССР, на новом этапе – после XXV конгресса ППС (1944 г.) – подчеркивали необходимость изменения позиции Польши по отношению к восточному соседу. В резолюции конгресса, на котором присутствовала лишь небольшая группа близких к ППР социалистов, говорилось, что при оценке действий правительства они исходят из того, что “основополагающие программные положения Манифеста ПКНО (Польского комитета национального освобождения. – *Л.М.*) в области внешней политики отвечают чаяниям народа”, а “гарантией сохранения безопасности Польши должен стать союз Польши с СССР и поддержание дружественных отношений с демократиями Запада”³.

В резолюции Верховного совета (ВС) ППС от ноября этого же года приведен перечень стран, с которыми социалисты предлагали прежде всего поддерживать дружественные контакты, – это Великобритания, США, Советский Союз, Франция, Италия, Чехословакия, Югославия, Швеция, Норвегия, Бельгия⁴. А другая резолюция, от 26 февраля 1945 г., называет в качестве союзника Польши среди великих держав лишь СССР. Этот документ представляет собой исключение на фоне программ других партий и движений послевоенного времени. В нем предлагается даже экономическое восстановление страны осуществлять, опираясь прежде всего на Советский Союз⁵.

В то же время оба мотива – развитие сотрудничества с другими “народно-демократическими” странами и укрепление отношений с великими державами – не находили особого обоснования в вышеупомянутых резолюциях. Только в проекте резолюции программного характера, представленной XXVI конгрессу партии (29 июня – 1 июля 1945 г.) комиссией ВС ППС, в состав которой входил и премьер-министр Э. ОSUBKA-Моравский, нашли подробное обоснование предложения, касавшиеся внешнеполитической ориентации страны. В основе проекта (отправленного конгрессом на доработку) лежал принцип необходимости опоры внешней политики Польши на систему коллективной безопасности. В свою очередь, последняя должна была, по замыслу авторов данной концепции, базироваться на “1) международной солидарности рабочего класса; 2) сотрудничестве с демократиями Запада; 3) тесном союзе с братскими славянскими народами, в особенности с русским, украинским, белорусским, чешским, словацким, сербским, хорватским и словенским народами”.

Три абзаца в проекте резолюции были посвящены необходимости углубления сотрудничества с СССР. Это объяснялось, с одной стороны, общей идеей предотвращения возникновения новой германской угрозы и создания в этой связи славянского блока, а с другой – идеологическими соображениями. “Советский Союз является государством рабочих и крестьян, которое реализует программу, близкую той, за которую борется польский рабочий класс”, – так обосновывалось последнее положение. Только в одном абзаце проекта упоминалось, что “польский рабочий класс понимает также и значение дружбы с великими демократиями Запада... а также значение поддержания постоянного и дружественного согласия между четырьмя великими державами”⁶.

Приведенная цитата позволяет заметить, что в проекте резолюции, который был направлен XXVI конгрессом на доработку, значительно сильнее, чем в программных документах ППР, подчеркивалась необходимость опоры во внешней политике на СССР. В нем также был четко обозначен приоритет курса на союз с государствами Восточной Европы в сравнении с неопределенностью дружбы с западными странами. Подобное нарочитое обозначение ориентаций в декларациях ППС объяснялось, по всей вероятности, тем, что польские социалисты до 1948 г., вплоть до объединения с ППР, оказались вынужденными заботиться о поддержании своей репутации в глазах Москвы, будучи весьма неуверенными в характере этой репутации. В отличие от ППС, ППР с самого начала имела собственные каналы информирования Кремля, и поэтому она позволяла себе не демонстрировать столь откровенно просоветскую позицию в программных документах.

Следующее программное заявление ППС по вопросам внешней политики содержалось в резолюции ее Центрального исполнительного комитета (ЦИК) от 4 ноября 1945 г. Данный документ был единственным, конкретно определяющим задачи социалистов при реализации внешнеполитической концепции страны. Во вступлении к одному из разделов Верховный совет подчеркивая обязательность более углубленного сотрудничества с восточноевропейскими странами, особенно с Советским Союзом, провозглашал принцип сотрудничества всех государств в качестве гаранта сохранения мира. Пункты документа выражали неодобрение пронемецкой позиции английских лейбористов (в обращении к англичанам последних призывали к тому, “чтобы неправильно понятый гуманизм не заслонял для них необходимость выселения всех немцев из Польши и Чехословакии”); содержали обещания приложить все усилия со стороны ППС для урегулирования возникших между Польшей и Чехословакией территориальных споров, говорили о необходимости укрепления отношений с Францией и Швецией (“как с балтийской страной, которая является естественным экономическим партнером Польши”).

Признавая известную пассивность польских социалистов во внешнеполитической области, члены Верховного совета полагали, что “ситуация в целом требует от ППС более активно заняться проблемами внешней политики”⁷.

На основе имеющегося довольно скудного источникового материала попытаемся дать ретроспективный обзор действий ППС во внешнеполитической области. В центре отношений социалистов Польши с Западом, в том числе с родственными им западноевропейскими социалистическими партиями, стояла германская проблема.

Второй Интернационал перестал существовать весной 1940 г. Военная судьба польских социалистов была разной: часть их погибла, другие оставались в эмиграции. Однако уже в 1945 г. в страну возвратилась большая группа политиков (Ю. Хохфельд, Х. Яблоньский, Ю. Циранкевич, К. Русинек и др.), которые имели контакты с Западом и стремились участвовать в общеевропейском социалистическом движении.

Первая послевоенная конференция европейских социалистов состоялась 17–20 мая 1946 г. в Англии (собравшиеся отказались от реанимации II Интернационала и вместо него была создана организация под названием “Socialist Information and Liaison Office” – SILO). Определившаяся к этому времени позиция ППС как союзницы ППР в борьбе против партии С. Миколайчика была достаточно ясна для иностранных наблюдателей и порождала у них сомнения в возможности польских социалистов принимать самостоятельные решения. Со своей стороны, ППС находилась в достаточно сложной ситуации, если учитывать направление, в котором развивались в тот период международные отношения. Естественно, участие в международных организациях увеличивало вес партии как в Польше, так и за рубежом. Однако ППС не намеревалась (исходя из принципиальных соображений и опасаясь последствий для себя внутри страны) идти на компромисс с западными партнерами по проблеме отношения к оппозиции в самой Польше, а также по германскому вопросу, где к 1946 г. отчетливо наметились разногласия между польскими и западными социалистами. В этих условиях ППС пришлось выбрать тактику лавирования как в своей стране – взаимодействуя с коммунистами и стремясь сохранить определенную самостоятельность, так и вовне – сотрудничая с SILO (несмотря на углубление разногласий) и делая все возможное, чтобы избежать втягивания в прозападные “игры” внутри этой организации⁸. По большинству вопросов внешнеполитическая линия социалистов была подчинена внутриполитической тактике.

Суть этой тактики нашла отражение на страницах печати ППС. Анализ партийной прессы показывает, что если действия СССР оценивались позитивно, то политика Запада рассматривалась в диаметрально противоположном ключе. Это касалось как Соединенных Штатов, так и Англии. Наибольшей симпатией у поляков пользова-

лись французские социалисты, однако поддержанная ими концепция организации Европы “вне государственных рамок” встретила резкую критику в руководстве ППС. Эта идея расценивалась политиками как стремление некоторых сил во Франции создать блок “государств между Западом и Востоком”, во главе которого стояло бы их государство⁹. Коммунистическая же пресса в идее создания подобного союза видела попытку объединения части Европы против СССР¹⁰.

Постоянные нападки со стороны польской социалистической печати на Запад укрепляли уверенность не только французов, но и всех западноевропейцев в том, что это начало конца партии. Критические оценки речи государственного секретаря США Дж. Бирнса в Штутгарте (6 сентября 1946 г.), в которой он поставил вопрос о временном характере польской границы по Одеру и Нейсе и о необходимости решать вопрос о размерах территориальных приобретений на западе Польши на будущей конференции по Германии¹¹, объединили ППР и ППС. Социалисты присоединились к антиамериканским собраниям и демонстрациям, проходившим в стране после выступления Бирнса. Однако вскоре, при дальнейших попытках коммунистов получить политические дивиденды на волне этого события, пути ППР и ППС разошлись. Резко негативное отношение ППС вызвал разгром 8 сентября 1946 г. помещений ПСЛ, в коммунистической печати объявленной “агентом США”. Тем не менее в конечном итоге руководство ППС пришло к выводу, что вопрос о будущем западных земель представляет собой слишком важную проблему и не следует разъединять партии и правительство в вопросе, требующем единства всего народа¹².

Данные действия лидеров ППС не оказали влияния на коммунистов, лишь усилив их недовольство чрезмерной самостоятельностью социалистов. На сентябрьском (1946 г.) пленуме ЦК ППР В. Гомулка сделал основной акцент именно на вопросах внешней политики, критикуя своего партнера по коалиции за так называемую западную ориентацию, тесные связи с английскими лейбористами и, как следствие, “недружественное отношение ППС к СССР”. Принципиальные возражения коммунистов вызвало также участие делегации польской социалистической молодежи в октябре 1946 г. в конференции, посвященной созданию Международного союза социалистической молодежи¹³.

Польская делегация на этом форуме выступила против тех западных представителей, которые требовали принятия в качестве полноправного члена новой организации молодых немецких социал-демократов¹⁴. Это столкновение, выигранное поляками, было только началом настоящих дискуссий, которые развернулись на Конференции социалистических партий (г. Бурнемут, 8–10 ноября 1946 г.), где поляки, поддержанные лишь чехословацкими и швейцарскими представителями, безуспешно пытались противостоять

приглашению немцев на следующую встречу социалистов. При этом делегат от ППС вынужден был выступать против англичан, голландцев, норвежцев, датчан, австрийцев, шведов и бельгийцев, поддерживавших это предложение. Польский представитель привел исторические и тактические аргументы для его отклонения и в конце концов прибег к доводам, которые только усилили подозрительность западноевропейских социалистов в отношении поляков. Так, например, он подчеркнул, что ППС не могла бы стать членом организации, чьи действия “оскорбляли бы чувства Советской России, а ничего не могло быть более оскорбительным, чем такое приглашение” по адресу германских социалистов¹⁵. Польским социалистам не удалось отстоять свою точку зрения. Тот факт, что лидер Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Курт Шумахер, которого после конференции принимали в Лондоне, получил резко отрицательную оценку со стороны англичан, поразив их “сочетанием фанатизма и почти что опасного германского национализма”, вряд ли мог успокоить поляков. Если на Западе в лице СДПГ видели союзника, то германские коммунисты не могли быть для него партнером в диалоге¹⁶.

Участие ППС в споре о возможности представительства СДПГ в международных структурах повышало ее престиж. Именно в этом вопросе западным социалистам, которые к 1946 г. начали забывать о третьем рейхе и все чаще говорили о сталинском тоталитаризме, трудно было полностью игнорировать мнение поляков. Партия представила свою позицию по данному вопросу в развернутом виде на страницах февральского (1946 г.) выпуска своего печатного органа – “Социалистическое обозрение”. В статье Ю. Хохфельда, посвященной вопросу противоречий с СДПГ, прозвучало требование к “партии Шумахера” прекратить игры на “имеющих глубокие корни в Германии” империалистических настроениях, признать западную польскую границу по рекам Одере и Нейсе и необратимый характер послевоенных реалий в Европе¹⁷.

Блокируя в течение 1946 г. продвижение СДПГ на международной арене и затрудняя положение немецких социал-демократов, рассчитывавших на поддержку западных социалистических партий, ППС одновременно повысила свое значение в глазах Москвы.

Решительная конфронтация по вопросу об СДПГ произошла на конференции социалистов в Цюрихе (6–9 июня 1947 г.), где польский делегат подверг сомнению демократический характер этой партии, ее интернационализм¹⁸. Предложение о принятии немцев в международную структуру социалистов было отклонено пятью голосами (Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Палестина). Однако по рекомендации специально созданной для изучения этого вопроса комиссии СДПГ была принята в ноябре 1947 г. в Comité International Socialiste Consultatif (КОМИСКО), который являлся наследником II Интернационала.

Провал попыток польских социалистов остановить продвижение СДПГ в структуры европейского социалистического движения поставил крест на их надеждах найти опору на международной арене. Полноправное участие здесь “партии Шумахера” сделало ППС бесполезной и для польских коммунистов, и для СССР в качестве канала воздействия в германском вопросе. Результатом потери относительной самостоятельности ППС явился ее выход из КОМИСКО 22 марта 1948 г.

В начале 1947 г. в Польше произошли политические изменения, которые привели к росту беспокойства коммунистов в отношении “прозападной ориентации” ППС. В январе 1947 г. состоялись первые послевоенные выборы в Законодательный сейм страны. Их итоги оказались неблагоприятными для ПСЛ, которая стала протестовать против фальсификации выборов во всех избирательных округах. Но протесты не были удовлетворены. Президентом страны сейм избрал члена ППР Б. Берута, правительство возглавил социалист Ю. Циранкевич. В условиях предсказываемой наиболее опытными дипломатами и политиками Запада катастрофы для ПСЛ на выборах 1946/47 гг. произошла своеобразная реанимация интереса к ППС со стороны Запада. Например, английское посольство в Варшаве убеждало свое руководство в Лондоне, что именно партия польских социалистов сохранила определенные надежды на самостоятельность, и характеризовало Циранкевича как “наиболее сильного и наиболее прозорливого некоммунистического политика”, который мог бы спасти страну от дальнейшей “советизации”. Со своей стороны, социалисты пытались найти возможности для налаживания сотрудничества с Западом. Так, 11 декабря 1946 г. Циранкевич принял английского посла В. Кавендиш-Бентинка и обещал, что социалисты будут делать все возможное, чтобы польское правительство было “более социалистическим, нежели коммунистическим”. В ответ на данные обещания он просил Запад сохранять “интерес к делам в Польше”, какими бы ни были результаты выборов, и “осторожно” поддерживать ее положение в политической системе страны¹⁹. Нам не известно, как конкретно представляло себе руководство ППС сближение с Западом. Однако отказ Польши под влиянием СССР от участия в реализации плана Маршалла показал, что расчеты социалистов нереальны.

Встает вопрос: оказали ли польские социалисты влияние на внешнюю политику страны? Как показывает приведенный материал, они не смогли внести каких-либо оригинальных идей в программные установки правившего блока, принадлежавшие коммунистам. В то же время каждая попытка отступить от линии ППР кончалась для них провалом. Однако история этой партии на последнем этапе ее существования, перед слиянием с ППР, показывает, что у нее не было возможностей внести весомый вклад в корректировку внешней политики Польши.

В условиях формального укрепления главенства коммунистов в польской политической системе после выборов в сейм наличие партии социалистов в рабочем движении страны стало, с точки зрения ППР, излишним. “Стремясь к созданию системы, основанной на моноорганизации, коммунисты встали перед необходимостью устранения еще сохраняющихся реальных политических сил”, – пишет польский историк К. Керстен²⁰. ППС в глазах общества имела ряд преимуществ перед коммунистами: она рассматривалась как “истинно польская” партия, принимавшая активное участие в борьбе за освобождение страны в период войны. После исчезновения ПСЛ с политической арены ППС начала приобретать большую популярность, что вызвало рост числа ее членов и усилило обвинения в ее адрес со стороны ППР в покровительстве бывшим сторонникам Миколайчика.

Ответом на решение проблемы ППС явилась выдвинутая коммунистами в первой половине 1947 г. идея так называемого органического единства или объединения рабочих партий, которая на деле стала программой поглощения социалистической партии ППР²¹.

Изменения в международной ситуации также привели к ускорению процесса ликвидации ППС. В сентябре 1947 г. в Шклярской Порембе (Польша) было организовано Информбюро коммунистических и рабочих партий. Появление этой организации означало, что Польша вошла в период ускоренного процесса общественно-политической унификации по советской модели. Это вело к ликвидации оппозиции и утрате значения и роли тех партий, которые были союзницами коммунистов. В 1948 г. с поста Генерального секретаря ЦК ППР был смещен обвиненный в правонационалистическом уклоне В. Гомулка. Его место занял Б. Берут. 3 ноября этого же года на общем заседании Центрального исполнительного комитета ППС и Центрального комитета ППР была определена дата Объединительного конгресса двух партий. В рядах ППР насчитывалось тогда около миллиона человек, в ППС – вдвое меньше. 15 декабря начались заседания конгресса по образованию Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Б. Берут возглавил ЦК ПОРП. Бывшая социалистическая партия была представлена в верховном органе власти новой партии – политбюро ЦК ПОРП тремя членами. Их влияние было полностью сведено к нулю восемью представителями ППР. Так называемый Объединительный конгресс знаменовал завершение 56-летнего периода деятельности ППС, как в тот период многим в Польше представлялось – навсегда.

¹ Ciesielski S. Spór o miejsce PPS w polskim systemie politycznym 1946 // Z badań nad polską myślą polityczną po 1945 r. Wrocław, 1992. S. 86.

² Ciesielski S. Niepodległość i socjalizm. Tradycja w myśli politycznej polskiego ruchu socjalistycznego w latach 1939–1948. W-wa, 1986; Ruch ludowy w najnowszych dziejach Polski / Pod red. Z. Hemmerlinga. W-wa, 1988; Holzer J.

Agonia PPS. 1944–1948. W-wa, 1981; *Wrona J.* System partyjny w Polsce. 1944–1950. W-wa, 1995.

³ Z pola walki. 1964. № 3. S. 184.

⁴ Materiały i studia z najnowszej historii Polski. 1965. № 2. S. 180.

⁵ Ibid. S. 189.

⁶ Ibid. S. 199.

⁷ Ibid. S. 210.

⁸ Declaration on the German Problem. См.: *Steininger R.* Deutschland und die Sozialistische Internationale nach dem Zweitch Weltkrieg. Darstellung und Dokumentation. Bonn, 1979. S. 213–216.

⁹ Świat i Polska. 1947. № 17.

¹⁰ *Borodziej Wł.* Od Poczdamu do Szklarskiej Poreby. London, 1990. S. 49.

¹¹ *Naszkowski M.* Paryż–Moskwa. Wspomnienie dyplomaty (1945–1950). W-wa, 1986. S. 95.

¹² Głos Ludu. 1945. 22. IX.

¹³ Zbiór dokumentów. 1946. № 10–11. S. 335–358.

¹⁴ Przegląd Socjalistyczny. 1946. № 8–9. S. 31.

¹⁵ Archiwum Ruchu Robotniczego. W-wa, 1986. T. 10. S. 330.

¹⁶ Przegląd Socjalistyczny. 1946. № 10–11. S. 41.

¹⁷ Цит. по: *Steininger R.* Op.cit. S. 218.

¹⁸ Протокол конференции см.: *Steininger R.* Op. cit. S. 74–83, 223–265.

¹⁹ Foreign Office. 371/N 16222/155. V. Cavendish-Bentinck to FO, 11.XII. 1946.

²⁰ *Kersten K.* Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948. Lublin, 1989. S. 250.

²¹ *Wrona J.* Op. cit. S. 246.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БОЛГАРИИ 1944–1948 годов*

9 сентября 1944 г. политическая власть в Болгарии перешла в руки представителей партий, объединившихся в 1942–1943 гг. в Отечественный фронт (ОФ), руководимый коммунистами. Сразу же после прихода к власти новое правительство приступило к радикальным политическим и экономическим преобразованиям. Начала проводиться в жизнь программа, изложенная в Манифесте Национального комитета Отечественного фронта к болгарскому народу от 28 августа 1944 г. Среди прочих требований в нем фигурировал пункт 9-й, который гласил: “Народный суд над виновниками катастрофической политики, проводившейся до сих пор, и над всеми виновными в злодеяниях в отношении народных борцов и мирного населения Болгарии и оккупированных областей”¹. Этот пункт почти дословно был позже включен в программу правительства ОФ, оглашенную новым премьер-министром К. Георгиевым на массовом митинге в Софии 17 сентября 1944 г.²

Вопрос о “народном суде” был поставлен болгарскими коммунистами еще в годы войны. В 1942 г. по нелегальной радиостанции “Христо Ботев”, находившейся в Москве, Заграничное бюро Центрального комитета Болгарской рабочей партии (ЗБ ЦК БРП) предупреждало, что по окончании войны на скамье подсудимых международного трибунала окажутся и представители болгарских правящих кругов как соучастники злодеяний гитлеровцев. В то же время ЗБ ЦК БРП призывало не выжидать, а начать “суровое народное возмездие” немедленно. Специальные боевые группы, составленные из коммунистов и комсомольцев, убивали сельских старост, сборщиков налогов, полицейских и других “народных кровопийц”. Однако поистине массовый характер эти акции приобрели после 5 сентября 1944 г., когда Советский Союз объявил войну Болгарии. При этом надо отметить, что значительное число убитых стали жертвами люмпенов, не имевших партийной принадлежности и часто сводивших личные счеты.

Накал гражданской войны достиг таких масштабов, что вызвал беспокойство в руководстве БРП(к)**. 11 сентября 1944 г. Г. Димитров, фактически возглавлявший тогда отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б), дал из Москвы указание ЦК БРП(к) приступить к созданию народных судов для рассмотрения дел “предате-

* Статья является частью исследования, поддержанного грантом РГНФ № 99-01-00220.

** После 9 сентября 1944 г. болгарская компартия стала называться Болгарская рабочая партия (коммунисты) – БРП(к).

лей” и “фашистских преступников”. Спустя два дня руководство БРП(к) сообщало в Москву: “В первые дни революции стихийно были сведены счеты со злейшими врагами, попавшими в наши руки. Сейчас принимаются меры к тому, чтобы этими делами занимались соответствующие органы правопорядка. Министр правосудия работает над созданием народных судов и следственных комиссий”³. 25 сентября в Москву была направлена шифрограмма, в которой говорилось, что готов “законопроект о народном суде”, “принята самая короткая процедура”⁴. В начале октября ЦК БРП(к) сообщал Димитрову: “Революционную чистку решительно заканчиваем”⁵. Однако наряду с этой, в какой-то мере неизбежной стихийностью, “чистка”, начавшаяся в сентябре 1944 г., отличалась и планомерностью. Большая часть ее жертв – это люди, уничтоженные по заранее составленным спискам и с вполне определенной целью – ликвидировать всех деятелей и сторонников правых (по коммунистической терминологии) партий.

В первые же двое суток после прихода к власти правительства ОФ были арестованы регенты при малолетнем царе Симеоне, министры кабинетов, функционировавших с 1 января 1941 г. по 9 сентября 1944 г., депутаты парламента. На их имущество был наложен секвестр. Для того, чтобы придать этим действиям, а также проходившим по всей стране массовым арестам видимость законности, 12 сентября 1944 г. принимается специальное постановление Совета министров. Другим постановлением, от 10 сентября, было узаконено создание народной милиции. Фактически ее функции уже начали исполнять на местах боевые группы БРП(к).

С самого начала в проводимую болгарскими коммунистами политику вольно или невольно оказались вовлеченными их союзники в правительстве Отечественного фронта – представители левых течений в Болгарском земледельческом народном союзе (БЗНС), Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) и Народном союзе “Звено”. Однако все чаще незаконные аресты и “бесследные исчезновения” лиц, объявленных “политически опасными”, вызывали негативную реакцию союзников БРП(к). Не желая на этом этапе портить с ними отношения, коммунисты пошли на временные уступки. 1 октября 1944 г. ЦК БРП(к) телеграфировал Г. Димитрову в Москву: “В связи с известным недовольством, выраженным нашими мягкотелыми союзниками по поводу революционной ликвидации фашистской агентуры, решили: чистка продлится еще неделю, после чего начнут работать народные судьи, и чистка будет проходить законным путем”⁶.

3 октября 1944 г. указом нового регентского совета был утвержден Декрет о предании Народному суду виновников вовлечения Болгарии в мировую войну против объединенных наций и связанных с ней злодеяний⁷. В интервью печатному органу БРП(к) – газете “Работническо дело” – от 12 октября 1944 г. главный обвинитель

коммунист Г. Петров заявил, что «историческая деятельность Народного суда будет развиваться под лозунгом “Смерть фашизму!”». Что же скрывалось за этими словами на самом деле?

В опубликованной в тот же день декларации центральных руководств партий, входящих в ОФ, подчеркивалось, что вне ОФ не существует демократических политических организаций. Отсюда следовало, что к фашистам будут отнесены, помимо прочих, члены Демократической и Радикальной партий, сторонники правых в БЗНС во главе с лидером Д. Гичевым и в БРСДП во главе с Кр. Пастуховым, т.е. все те, кто отказался от сотрудничества с коммунистами на основе программы ОФ. Что же касается лиц, непосредственно связанных с властными структурами буржуазной Болгарии, – регентов, членов пяти последних правительств, депутатов парламента, придворных советников, высших духовных и военных чинов, то на них с самого начала был наклеен ярлык “народных предателей” и “преступников”, которым не должно быть пощады. Будущий лидер объединенной оппозиции “земледелец” Никола Петков так охарактеризовал предстоящий “народный суд”: “Будут судить регентов, министров, депутатов, военных и полицейских, объявленных фашистами. Это расправа с болгарской государственностью, а не с гитлеровскими агентами”⁸.

На подготовку столь масштабного процесса, какого еще не знала болгарская судебная практика, было отведено всего три месяца. Сами заседания по двум центральным процессам – против членов пяти кабинетов министров, регентов и придворных советников и против депутатов Народного собрания 25-го созыва – длились немногим более месяца. На протяжении всего этого времени на суд оказывалось прямое политическое давление со стороны властей, а также давление через СМИ и организованные по всей стране массовые акции. В течение нескольких месяцев издавалась специальная газета “Народный суд”, на страницах которой помещались главным образом устрашающие снимки казненных в годы войны партизан и свидетельства очевидцев о злодеяниях жандармерии и полиции с целью разжигания ненависти населения к представителям бывшего правящего режима. Обвинялся режим в целом, а не отдельные политические, административные и хозяйственные деятели. Поэтому преобладающей мерой наказания стала смертная казнь, фактически без учета личной вины каждого подсудимого и даже при ее отсутствии.

“Народный суд” в Болгарии проходил при полной поддержке Москвы. Г. Димитров подробнейшим образом информировал советское руководство о ходе судебных процессов. 12 декабря 1944 г. он направил Сталину и Молотову полученное им 6 декабря сообщение министра юстиции Болгарии коммуниста М. Нейчева о подготовке к суду: “Делается все возможное для того, чтобы начать 18 декабря рассмотрение двух главных процессов в Софии... В Софии и в про-

винции сформировано около 65 обыкновенных составов [судов] по 5 судей каждый. ... Параллельно с двумя крупными процессами, но немного позже начнется особый процесс против участников (болгар) Катынского и Винницкого дел⁹, с тем чтобы приговор по этому процессу был вынесен одновременно с приговором по двум центральным процессам. До настоящего времени по всей стране привлечено к ответственности перед Народным трибуналом около 10 тысяч человек. Немногим из них удалось уклониться от суда. Их процессы, равно как и процессы против 15 лиц, изъятых советскими властями¹⁰, согласно закону будут разбираться заочно. Суд по крупным процессам в Софии будет заседать в двух кинотеатрах в центре города. Будут установлены громкоговорители для того, чтобы придать большую гласность процессам. Некоторые процессуальные акты, например, оглашение обвинительных заключений, речи обвинителей, будут передаваться по радио. Ныне организуется участие печати в процессах. Вероятно, будет издаваться специальная газета с более подробной информацией”¹¹.

14 декабря Г. Димитров направил Сталину и Молотову перевод обвинительного акта¹². Кстати, при его подготовке в Софии вышла заминка. В ноябре 1944 г. Димитров сообщил Молотову о получении им от ЦК БРП(к) следующей шифрограммы: “Дипломатическая переписка и другие документы министерства иностранных дел взяты советскими следственными органами и посланы в Москву. Часть этих документов, однако, теперь необходима для составления обвинительного акта против бывших фашистских правительств для Народного суда. Устройте так, чтобы срочно были сняты копии и документы возвращены, так как без них связаны руки государственного обвинителя”. “Очень прошу дать указание, – писал Димитров, – чтобы необходимые документы были предоставлены в распоряжение болгарского государственного обвинителя для соответствующего использования”¹³.

Болгарские коммунисты просили вернуть не только документы, но и главных обвиняемых. Секретарь ЦК БРП(к) Тр. Костов запрашивал Димитрова: “До настоящего времени советскими органами взяты под арест регенты, 4 министра и 3 депутата. Некоторые из них еще не находились под следствием здесь. Если так будет продолжаться, то наш народный суд останется без министров. Будут ли они возвращены с тем, чтобы их судили мы, или их будут судить советские органы, или же будем судить их дважды – заочно мы и советские органы?”¹⁴. Получил ли Димитров какой-либо ответ на этот вопрос, автору не известно. Из Москвы регентов и министров привезли в Софию в конце января 1945 г., незадолго до суда и расстрела 1 февраля 1945 г.

Монархию, роль которой была теперь номинальной, новый режим “терпел” в течение двух лет. Одним из новых регентов был назначен коммунист, известный философ Тодор Павлов. Павлов отно-

сился к вдове и детям покойного царя Бориса с почтением, видимо потому, что его жизнь в прошлом трижды спасло личное заступничество царя Бориса. Это не осталось скрытым от всевидящего ока НКГБ СССР. В декабре 1944 г. начальник 1-го отдела НКГБ П. Фитин сообщал Димитрову: “Нами получены из Болгарии сведения, свидетельствующие о том, что ЦК рабочей партии Болгарии в вопросе по отношению к династии ведет следующую линию. Считая, что в ближайшее время будет поставлен вопрос о ликвидации династии, ЦК рабочей партии не скрывает своего к ней пренебрежения, запрещает регенту Павлову поддерживать связь с царицей, обвиняет его в поддержке монархии. ЦК рекомендует Павлову отстраниться от связи с дворцом и передать это другим регентам”¹⁵.

20 января 1945 г. политбюро ЦК БРП(к) обсуждало приговоры по первым двум процессам – против регентов, царских советников, министров и депутатов Народного собрания 25-го созыва. Прежде всего члены политбюро выразили недовольство работой народных обвинителей: “Линия наших обвинителей – это не линия людей, которые политически заинтересованы в нанесении удара по этой камарилье, а людей, которые стоят в стороне от народной борьбы и теперь взвешивают, кто насколько виновен и пр. Не чувствуется, что наши народные обвинители – люди нашего движения, которые ищут даже самую мелочь, которая доказала бы виновность этих бандитов” (Г. Чанков); “С линией товарищей обвинителей никоим образом не можем согласиться” (Тр. Костов)¹⁶. Протоколы этого заседания политбюро ярко демонстрируют грубое вмешательство руководства компартии в работу суда. Назначенные правительством Отечественного фронта обвинители Г. Петров, Н. Гаврилов, В. Ангелов и Вл. Димчев не только вынуждены были согласовывать свои действия с лидерами БРП(к), но и получили от них прямые указания, какие приговоры следует вынести. В конце заседания Тр. Костов в категорической форме потребовал: регентам, министрам кабинетов Филова и Божилова – смертные приговоры, министрам кабинетов Багрянова и Муравиева – также жесткие приговоры. Народные представители в парламенте также должны были понести суровую кару: “Никто из депутатов (за исключением умерших до 1941 г.) не должен быть оправдан. Необходимо представить список приговоров депутатам, который должен быть согласован с нами”¹⁷.

Целенаправленно и планомерно с болгарской политической арены устранились люди, чей авторитет или активная деятельность мешали установлению единовластия БРП(к). Только этим можно объяснить, почему перед “народным судом” предстали, например, министры последнего буржуазного правительства Болгарии, возглавляемого К. Муравиевым. Все пункты предъявленного им обвинения находятся в полном противоречии с их политической деятельностью. Никто из них не поддерживал прогерманский курс в годы второй мировой войны, некоторые, как Н. Мушанов, открыто, с трибу-

ны Народного собрания, выступали против проводившейся внешней политики. Приговоры, вынесенные министрам кабинета Муравиева, были более мягкими по сравнению с приговорами министрам предшествовавших правительств (лишь сам Муравиев и его заместитель В. Димов были приговорены к пожизненному заключению). Однако этого было достаточно, чтобы вытеснить из политической жизни Болгарии таких видных носителей либерально-демократических и аграристских концепций, как Н. Мушанов и А. Гиргинов (Демократическая партия), Д. Гичев, К. Муравиев, В. Димов (БЗНС “Врабча 1”), Ат. Буров (Народная партия).

Жестокость и бесчеловечность пронизывают многие документы, раскрывающие механизмы “народного суда” и его незаконные методы. Одним из таких документов является протокол заседания Секретариата ЦК БРП(к) от 28 декабря 1944 г., созванного для устранения замеченных в ходе судебных процессов недостатков. Общее мнение сводилось к тому, что суд держится слишком либерально по отношению к подсудимым: им разрешается много говорить, их не прерывают, защита ведет себя “недисциплинированно”, “убивает политический эффект”, не чувствуется руководства судьи и обвинителя. Рекомендовалось образовать в составе суда ядро из коммунистов, способное оказать влияние на остальных судей. Прессе было решено давать не весь материал, а только то, что разоблачает подсудимых. Высказывалось и пожелание судить министров и депутатов наравне и одновременно с уголовниками. Были намечены меры улучшения работы суда и прежде всего максимальное ускорение хода процесса путем более быстрой и краткой процедуры допроса свидетелей¹⁸. О бесчеловечном отношении к семьям осужденных свидетельствует радиogramма Г. Димитрова, направленная Тр. Костову в апреле 1945 г. В ней предлагалось срочно выселить в специальные районы родных и близких осужденных, а часть из них послать на принудительные работы. “Никакие соображения гуманности и милосердия не должны играть в данном случае никакой роли”¹⁹, – подчеркивалось в радиogramме.

С 20 декабря 1944 до конца апреля 1945 г. по закону о “народном суде” по всей Болгарии состоялось 135 массовых процессов с 11 122 подсудимыми, в результате которых к смертной казни были приговорены 2730 человек, к пожизненному заключению – 1305 человек²⁰. Из 160 представителей социальной элиты буржуазной Болгарии – регентов, министров, депутатов парламента – ни один не был оправдан, а 103 из них были осуждены на смерть. Как удовлетворенно рапортовал Димитров секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову в июне 1945 г., “деятельность народных судов в Софии и по всей стране нанесла жестокий удар по внутренней реакции, ослабила позиции крупной буржуазии и явилась грозным предостережением для всех внутренних врагов нового, демократического режима в Болгарии”²¹. К этому прилагался подробный материал о судебных процессах на 40 листах.

Суровая “чистка” в Болгарии, затронувшая не только сторонников царского режима и прогерманской внешнеполитической линии, но и многих демократов с прозападной ориентацией, значительно превзошла по своим масштабам аналогичные судилища в других странах, оказавшихся в зоне советского влияния. Не исключено, что немалую роль в этом сыграли инструкции Г. Димитрова, переданные из Москвы в Секретариат ЦК БРП(к), о том, что все подсудимые должны быть осуждены. Главный обвинитель болгарского “народного суда” Г. Петров искренне возмущался результатами аналогичного процесса в Венгрии: “Народный суд там издает такие мягкие приговоры, что его смело можно назвать чисто антинародным, пораженческим судом”. Не лучшим образом, как он считал, дело обстояло и в Румынии: “Народный суд там остается только на бумаге – результатов никаких!” Даже в Югославии, по мнению Г. Петрова, “результаты этой большой народной акции ни в коем случае не достигнут результатов нашего Народного суда”²².

Прошедшие в Болгарии в 1944–1945 гг. политические процессы со всей очевидностью показали, что коммунисты начали решительно расчищать путь к своему единовластию в стране. “Народный суд”, организованный и руководимый БРП(к) под зорким оком Москвы, занимает центральное место в послевоенных репрессиях в Болгарии. Однако с окончанием его деятельности преследования политических противников коммунистов не прекратились. В последующие годы перед судом болгарской компартии оказались оппозиционные политические организации и их лидеры, большинство которых были подлинными носителями демократических традиций. Некоторые из них (как Н. Петков, К. Лулчев) еще вчера были союзниками коммунистов по ОФ, но осмелились выступить против усиливавшейся советизации Болгарии. Сам же Отечественный фронт все больше превращался в ширму, за которой БРП(к) прибирала к рукам всю политическую и экономическую власть в стране, сверяя при этом каждый свой шаг с Москвой. В соответствии с договоренностями “большой тройки” о разделе сфер влияния, СССР имел возможность прямого воздействия на развитие внутривластных процессов в Болгарии. Это обеспечивалось присутствием здесь советских войск и оперативных групп НКВД, решающей ролью СССР в Союзной контрольной комиссии (СКК) в Болгарии, использованием системы политических, экономических и военных советников.

Все отчетливее проявлявшееся нарушение компартией коалиционного принципа управления страной правомерно вызывало недовольство некоммунистических движений, входивших в Отечественный фронт. Назревал кризис межпартийных отношений в ОФ, усилилась и поляризация сил внутри партий²³. Политическое доминирование БРП(к) в органах ОФ и государственной власти, прежде всего в институтах принуждения, уже в то время наметившаяся тенденция к сращиванию госаппарата с компартией вступили в реальное противоречие с

традиционными взглядами некоммунистических партий на организацию властных структур, представительных органов и т.д.

Единственной политической силой, способной тогда преградить коммунистам путь к утверждению монополии на власть, был Болгарский земледельческий народный союз – партия, пользовавшаяся поддержкой крестьянства, наиболее многочисленной социальной группы населения страны. БЗНС имел массовое влияние не только в деревне, но и среди мелких предпринимателей города. В период с сентября 1944 по январь 1945 г. шел процесс массового вступления населения в Союз. Этому во многом способствовало возвращение в Болгарию из эмиграции признанного лидера партии доктора Г.М. Димитрова. В 1941–1944 гг., преследуемый за свою антигерманскую деятельность, он находился в эмиграции на Ближнем Востоке, где создал при поддержке и финансировании англичан Болгарский национальный комитет, который вел антигерманскую пропаганду через радиостанцию “Свободная и независимая Болгария”. Возвращение д-ра Димитрова на родину в конце сентября 1944 г. сопровождалось небывалым триумфом. На национальной конференции БЗНС в октябре 1944 г. он избирается главным секретарем Постоянного присутствия (руководящего органа Союза). Деятельность Г.М. Димитрова на этом посту характеризовалась стремлением отстаивать независимый курс БЗНС в рамках ОФ, что не могло не вызвать противодействия коммунистов. Организационное восстановление и количественный рост БЗНС, увеличение популярности д-ра Димитрова в стране в ущерб авторитету коммунистических лидеров, прежде всего Г. Димитрова и В. Коларова, все еще находящихся в Советском Союзе, – все это было расценено БРП(к) как исключительная опасность реализации ее политических амбиций.

В Москве Г. Димитров в тесном контакте с советским руководством разработал стратегию, направленную на устранение БЗНС как сильного конкурента БРП(к) с болгарской политической арены. В качестве первого шага была поставлена задача отстранения д-ра Димитрова от руководства БЗНС и замены его человеком, который будет послушно выполнять волю коммунистов.

4 декабря 1944 г. газета “Работническо дело” начала кампанию против д-ра Г.М. Димитрова, который обвинялся в разжигании пораженческих настроений после включения болгарской армии в боевые действия против германских войск, а также в попытках саботировать единство Отечественного фронта. По настоянию коммунистов, получавших через заместителя председателя СКК С.С. Бирюзова указания из Москвы, 18–19 января 1945 г. БЗНС провел свою конференцию, на которой следовало переизбрать руководящий орган – Постоянное присутствие, и прежде всего его главного секретаря. В своем отчете д-р Димитров привел данные, объяснявшие тревогу и его московского однофамильца, и самого Сталина: в начале 1945 г. БЗНС насчитывал 750 тыс. членов²⁴. Если принять во вни-

мание, что состав компартии к середине января 1945 г. вырос до 254 тыс. человек (с 25 тыс. накануне 9 сентября 1944 г.)²⁵, то становится очевидным, что Земледельческий союз представлял собой партию номер один по численности и влиянию в массах.

После своего отчета д-р Г.М. Димитров объявил, что уходит с руководящего поста Союза во имя сохранения единства БЗНС (именно такая “рекомендация” была дана Бирюзовым накануне, во время встречи с министрами-”земледельцами”). Реакция участников конференции на заявление д-ра Димитрова оказалась бурной и отрицательной. Лишь с четвертой попытки было избрано новое Постоянное присутствие. Главным секретарем Союза стал Никола Петков. В Москве его рассматривали как наиболее левого лидера БЗНС, способного повернуть партию к сотрудничеству с коммунистами на их условиях. Петков действительно являлся одним из самых левых “земледельцев” до 9 сентября 1944 г. Кроме того, он казался, на первый взгляд, более мягким и уступчивым, чем непримиримый антикоммунист д-р Димитров. Однако Н. Петков весьма скоро проявил решимость не допустить превращения своей партии во второразрядную сателлитную организацию, выполняющую чужую волю.

1 мая 1945 г. Трайчо Костов (в то время фактический руководитель болгарских коммунистов в стране) передал Н. Петкову рекомендацию Г. Димитрова созвать конференцию БЗНС с целью очистить Союз от “геметовщины”^{*} и повернуть его курс к сотрудничеству с компартией на ее условиях²⁶. Н. Петков и министры-”земледельцы” Б. Бумбаров и А. Павлов, учитывая превалирующие настроения членов Союза, отказались созвать такую конференцию. 7 мая Димитров в разговоре по ВЧ с Бирюзовым и Костовым вновь просил передать Н. Петкову, чтобы он отмежевался от “геметовцев”, принял участие в конференции и остался во главе Земледельческого союза и в правительстве. Если же Петков прямо или косвенно поддержит “геметовцев”, предупреждал Димитров, то партия и он лично “будут вынуждены публично выступить против такого вредного для народа поведения”²⁷. Когда коммунистам стала очевидна беспочвенность надежд на капитулянтство Петкова, их взгляды обратились к другим “земледельческим” лидерам. Роль руководителя коллаборационистской группы в БЗНС, назвавшей себя “левыми земледельцами”, согласился играть крайне амбициозный Ал. Оббов^{**}.

8–9 мая 1945 г. “левые земледельцы” провели конференцию, на которой постановили изгнать из Союза всех “геметовцев” и участвовать в предстоящих парламентских выборах на основе единого списка всех кандидатов от Отечественного фронта. Формально Н. Петков сохранил свой пост, но по распоряжению министра внутренних

^{*} От прозвища Г.М. Димитрова – Гемето.

^{**} Вскоре Ал. Оббов также отказался от сотрудничества с БРП(к) и был репрессирован в 1947 г.

дел коммуниста А. Югова вся собственность БЗНС, включая здание и газету “Земеделско знаме”, была передана группе Оббова. Н. Петков, не участвовавший в конференции, отказался принять ее решения, счел действия МВД незаконными и превратил свой собственный дом в резиденцию БЗНС. Именно этот шаг, с которым солидаризировалось большинство членов Союза, в том числе министры А. Павлов и А. Держанский, знаменовал собой рождение болгарской демократической оппозиции.

Часть руководства компартии, в том числе Г. Димитров, теперь не видели возможности для дальнейшего участия Н. Петкова и его сторонников в правительстве. Из Москвы Димитров “дал указания, как быстро и решительно провести необходимое преобразование правительства и разъяснить это народу”. Однако Сталин счел несвоевременным устранение Петкова и его товарищей из кабинета министров, упрекнул болгарских коммунистов в сектантском подходе и рекомендовал им на данном этапе проявлять большую осторожность и терпимость. В очередной раз проявился политический прагматизм Сталина – ссориться с союзниками пока не входило в его планы. Разумеется, Димитров немедленно передал в Софию мнение советского лидера²⁸.

Тем временем нападки на д-ра Г.М. Димитрова продолжались – его открыто обвинили в подготовке антинародного и антисоветского заговора. В конце апреля 1945 г. был издан приказ о его аресте и отправке в “трудовой воспитательный лагерь”. В связи с болезнью д-р Димитров временно оставался под домашним арестом. Месяц спустя ему удалось бежать и укрыться в здании американского представительства в Софии. 25 мая он был исключен из БЗНС. Болгарские власти не решились уничтожить д-ра Димитрова физически, опасаясь осложнений в отношениях с американцами, взявшими его под защиту и требовавшими разрешить ему выезд в США. Хотя позиция части руководства БРП(к), выраженная секретарем ЦК Т. Павловым, сводилась к тому, что “можно было бы не поднимать такого шума, скромно и потихоньку убрать его [Г.М. Димитрова. – *Е.В.*]. Тогда РП [БРП(к). – *Е.В.*], да и правительство были бы освобождены от тех неудобств, в которых они теперь оказались”²⁹.

Известно и личное отношение вождя болгарских коммунистов к своему однофамильцу (ему приписывается фраза: “В Болгарии нет места для двух димитровых!”)³⁰. Тем не менее, обсудив ноту американского представителя в Болгарии М. Барнса от 14 июля 1945 г. с просьбой разрешить ему отправить д-ра Димитрова в Америку, болгарское правительство дало следующий ответ: “Передать Димитрова болгарскому правительству с тем, чтобы потом сам Димитров обратился к болгарскому правительству с просьбой разрешить ему выехать в Америку, и оно гарантирует ему выезд в Америку”³¹. Естественно, это решение было согласовано с советским руководством. Сталин решил пойти на эту незначительную уступ-

ку западным державам. В начале сентября 1945 г. д-ру Димитрову был оформлен загранпаспорт, и он выехал вместе с женой в США.

Эмиграция Г.М. Димитрова и его политическая деятельность за границей стали поводом для судебного преследования его в качестве “шпиона” и “врага народа”. Начались аресты его сторонников на родине. В конце мая – июне 1946 г. состоялся “показательный процесс”. Главного обвиняемого – д-ра Димитрова – судили “заочно”. Еще 15 членов БЗНС обвинялись в пораженческой пропаганде во время военных действий Болгарии против немецких войск, в содействии побегу главного обвиняемого в мае 1945 г., в укрывательстве лиц, разыскиваемых “народным судом”. Процесс шел с большими трудностями ввиду отсутствия серьезных доказательств, а главное, потому, что д-р Димитров покинул страну с официального разрешения властей. Тем не менее “заочно” он был приговорен к пожизненному тюремному заключению, десять обвиняемых получили различные сроки заключения, пятеро были оправданы.

Суд над д-ром Г.М. Димитровым открыл целую серию политических процессов против лидеров болгарской оппозиции. В июне 1946 г. состоялся суд над патриархом болгарской социал-демократии Кростю Пастуховым. Обвинения против него основывались на двух его статьях, в которых критиковалась политика компартии в армии. Но фактически это был процесс, на котором осуждению подверглась вся политическая деятельность Кр. Пастухова, ревностного защитника социал-демократических идей как до, так и после 9 сентября 1944 г. 72-летний Кр. Пастухов был приговорен к пяти годам строгого тюремного заключения. За несколько дней до своего освобождения, в августе 1949 г. он был задушен в тюремной камере подсаженным к нему уголовником.

Летом 1945 г. союзником Н. Петкова в борьбе против монополизации власти коммунистами становится часть Болгарской рабочей социал-демократической партии. На нее также оказывалось массированное давление со стороны БРП(к) с целью превращения партии в безликую сателлитную организацию. В июне–июле 1945 г. в БРСДП произошел раскол. Значительная часть членов партии, объединившись вокруг главного секретаря Косты Лулчева и Григора Чешмеджиева, отказалась капитулировать под натиском коммунистов и сохранила свою демократическую платформу и самостоятельность.

В условиях раскола БЗНС и БРСДП, при доминировании БРП(к) в Отечественном фронте проведение парламентских выборов по единому от ОФ списку, как этого требовала компартия, было сочтено оппозиционными деятелями антидемократичным. 26 июля 1945 г. члены БЗНС Н. Петков, Ас. Стамболийский и Г. Йорданов направили письмо премьер-министру (копию – председателю СКК и ее членам, а также регентам) с требованием международно-

го контроля за выборами и их переноса с 26 августа 1945 г. на более поздний срок.

К середине августа политическая обстановка в Болгарии накалилась до предела. 14 августа министры-”земледельцы” подали в отставку в знак солидарности с Н. Петковым, который вышел из правительства двумя неделями раньше. Позиция Н. Петкова и его сторонников получила поддержку западных держав. 20–21 августа правительства США и Англии направили болгарскому правительству ноты, смысл которых сводился к следующему: если выборы не будут отложены, то США и Великобритания не признают правительство, которое образуется в результате этих выборов. 23 августа министр иностранных дел П. Стайнов, склонявшийся к поддержке оппозиции, неожиданно для многих членов кабинета и для руководства БРП(к) сделал заявление перед иностранными журналистами о том, что болгарское правительство не возражало бы против возможного решения СКК об отсрочке выборов. Узнав об этом, Димитров был разгневан. “Безобразие! Это скандальное, капитулянтское заявление неизбежно приведет к отсрочке выборов...” – отметил он в своем дневнике³². Так и произошло. Опираясь на заявление Стайнова, представители США и Англии в СКК потребовали согласия своих советских коллег на отсрочку выборов. В противном случае западные державы пригрозили не признавать их результатов и не заключать мира с Болгарией. Советские представители в СКК были вынуждены уступить. 25 августа, т.е. за день до выборов, болгарское правительство объявила об их отсрочке. 30 августа 1945 г., во время встречи с руководителями БРП(к) Димитровым, Костовым и Червенковым, Сталин, обращаясь к присутствовавшему там же Бирюзову, заявил: “Отложили выборы – это была существенная уступка. Больше никаких уступок. Никаких изменений в составе правительства”³³. Однако в это же время прагматик Сталин вынужден был на словах согласиться не только с требованием своих западных союзников перенести выборы, но и разрешить легальное существование оппозиции в Болгарии. В конце августа 1945 г. он дал директивы болгарским коммунистам, суть которых сводилась к ограниченным временным уступкам оппозиционным силам с тем, чтобы лучше подготовиться к новому наступлению на них. Возможно, новая тактика Сталина была связана с проведенными в начале августа США атомными бомбардировками Японии. Они заставили советское руководство стать более уступчивым во всех спорных вопросах американо-советских отношений, в том числе и в Восточной Европе. Сталин рекомендовал болгарским коммунистам разрешить оппозиции легализоваться для того, чтобы ее можно было держать в руках и заставить быть лояльной. “Вы заинтересованы в том, чтобы иметь оппозицию, – поучал Сталин руководство БРП(к). – Если вы будете хорошо работать, вы сможете овладеть оппозицией Петкова и использовать ее в целом ряде случаев”³⁴.

В соответствии с этими директивами в августе 1945 г. оппозиционерам было разрешено легализоваться в качестве самостоятельных политических партий. БЗНС-НП (Никола Петкова) и БРСДП(о) (объединенная) вместе с некоторыми “независимыми” политиками образовали так называемую “лояльную оппозицию” Отечественному фронту. Как писал позже в одном из своих предсмертных писем Н.Петков, он “ушел в оппозицию не для того, чтобы бороться против ОФ, не с целью свержения ОФ, а с целью борьбы против отклонений от его программы от 17 сентября 1944 г., против некоторых ошибок и уклонов...”³⁵ Отклонения, как это следовало из многочисленных выступлений Н.Петкова, заключались в следующем: БРП(к) не обеспечивает свободной организационной жизни БЗНС и других партий, ОФ превратился в ширму, за которой управляет одна политическая организация – БРП(к), в стране не соблюдаются основные демократические свободы, коммунисты подчинили себе министерство внутренних дел и армию.

В августе 1945 г. была обнародована избирательная платформа оппозиционного блока, в основном повторявшая программные установки БЗНС, альтернативные планам компартии. Их стержень составляла идея “крестьянской кооперативной республики”, т.е. кооперативные принципы организации экономики и политическая гегемония крестьянства в обществе. Кооперативные принципы организации экономики были выдвинуты Н. Петковым еще на I съезде комитетов ОФ (март 1945 г.). Демократический потенциал идеи “крестьянской кооперативной республики” (парламент, политические и гражданские свободы, социальное равноправие, трудовая собственность и кооперация как средство ее защиты, уничтожение экономических позиций спекулятивных групп буржуазии) отвечал задачам прогрессивного развития болгарского общества³⁶. Эти идеи были весьма популярны как в деревне, так и в различных слоях городского населения.

“Лояльная оппозиция” выражала, таким образом, настроения, надежды и недовольство значительной части болгарского общества. Премьер-министр Кимон Георгиев утверждал, что Никола Петков “имеет за собой по меньшей мере половину Земледельческого союза”. В. Коларов в письме Г.Димитрову от 19 сентября 1945 г. также подчеркивал, что “влияние Петкова и его силу нельзя недооценивать”³⁷. Важное значение имело то, что во главе оппозиционного блока стояли авторитетные лидеры, имевшие заслуги в антифашистской борьбе, еще недавно участвовавшие в правительстве, в руководящих органах ОФ, в других массовых организациях.

“Лояльная оппозиция” противопоставляла стремлению коммунистов к политическому господству принципы парламентской демократии, равноправия политических партий. Те, кто ее возглавлял, заявляли, что поддерживают внешнюю политику ОФ, выступают за сотрудничество с СССР, за тесные контакты с балканскими народами, за дружественные отношения с западными державами. Однако

оппозиция решительно противилась захвату коммунистами всей политической и экономической власти, преследованиям ими своих политических противников.

“Легальная оппозиция” имела, несомненно, организованный и массовый характер: после ее оформления в селах и городах возникли многочисленные оппозиционные “земледельческие” организации. Это было ответом рядовых членов БЗНС на постоянное давление и вмешательство компартии в политическую жизнь Союза. Не случайно некоторые авторы полагают, что Н.Петков и другие лидеры ушли в оппозицию в основном под давлением снизу, ибо со всех концов страны от “земледельцев” с мест поступали жалобы, что коммунисты и ремсисы (комсомольцы) разгоняют собрания первичных организаций БЗНС, устраивают побоища, изгоняют представителей БЗНС из комитетов ОФ³⁸.

Таким образом, глубинные корни возникновения оппозиционных сил, прежде всего в БЗНС, крылись, с одной стороны, в объективных социальных условиях, в тех общественных слоях, с которыми были связаны соответствующие партии, а с другой – в самом ходе созидания нового строя в Болгарии, который в значительной степени не отвечал программным целям этих партий.

В своих воззваниях и письмах, распространявшихся по всей стране, Н.Петков и его соратники требовали от правительства демократизации политической жизни. Оппозиционные партии издавали свои газеты: “Народно земеделско знаме”, редактором которой был Н. Петков, и орган БРСДП(о) “Свободен народ”, руководимый талантливым журналистом Цв. Ивановым, вскоре представшим перед судом и впоследствии погибшим в концлагере.

Для успеха своей борьбы “легальная оппозиция” стремилась заручиться поддержкой западных держав в лице представителей США и Англии в СКК и иностранных журналистов. Учитывая колоссальную поддержку, которую оказывало советское руководство БРП(к), можно считать такое стремление оппозиционеров попыткой уравновесить силы в стране, противопоставить советскому фактору фактор западный. Впрочем, поддержка болгарской оппозиции со стороны Запада носила в значительной мере эгоистический характер – она скорее преследовала цель принудить Кремль к уступкам в других спорных вопросах, в то время как с ситуацией в Болгарии западные державы фактически смирились: Лондон соблюдал договоренность с Москвой о взаимном признании интересов в Болгарии и Греции.

Общепризнанным лидером объединенной оппозиции был, несомненно, Никола Петков. Пришло время присмотреться к этому политику повнимательнее. Он родился 21 июля 1893 г. в семье Димитра Петкова, видного деятеля Народно-либеральной партии, занимавшего высокие государственные должности и закончившего свою карьеру на посту премьер-министра. В 1907 г. он был убит политическим противником.

Брат Николы, Петко Петков, вошел в историю Болгарии как левый “земледелец”, сторонник единого фронта рабочих и крестьян, активный борец против авторитарного режима в начале 20-х годов. П. Петков был застрелен в 1924 г. агентом полиции в центре Софии. Убийством П. Петкова власти преследовали цель нанести удар по левым силам в БЗНС и разрушить единство их действий с компартией.

К “земледельческому” движению и к идеям А. Стамболийского Никола Петков приобщился под влиянием своего брата. В середине 20-х годов Н. Петков изучал право и работал в Париже. В Болгарию он возвратился в 1929 г., а в 1931 г. принял активное участие в организации левого крыла БЗНС – “Александр Стамболийский”. На протяжении 30-х годов Петков сотрудничал с прогрессивными и демократическими силами, а в 1938 г. был избран депутатом Народного собрания, откуда вскоре исключен за антиправительственную деятельность. В годы второй мировой войны Петков активно выступал против прогерманской политики правительства, сотрудничал с коммунистами, поддерживал создание Отечественного фронта. В 1943 г. он вошел в Национальный совет ОФ, участвовал в подготовке захвата власти 9 сентября 1944 г. и стал министром первого правительства Отечественного фронта. 28 октября 1944 г. Петков был в составе правительственной делегации, подписывавшей в Москве перемирие Болгарии с державами-победительницами.

С учетом созданных после прихода к власти ОФ объективных условий он видел свою задачу прежде всего в том, чтобы попытаться контролировать начавшийся после 9 сентября процесс преобразований, удерживая его в рамках демократии и законности. Программа Петкова – это альтернатива надвигавшемуся тоталитарному режиму с его однопартийной системой. Некоторые авторы говорят об “идеализме” Петкова, о его ошибках в оценке ситуации, существовавшей до весны 1945 г., о том, что он “долгое время не понимал природы тоталитаризма, а следовательно, и угрозы существованию Болгарии, появившейся в результате оккупации ее сталинской армией”³⁹. Действительно, в качестве члена первого правительства ОФ Н. Петков разделял ответственность за все его действия в период с сентября 1944 по май 1945 г., в том числе и за противозаконный “народный суд”, хотя он осуждал его методы. Он не воспротивился устроенной коммунистами расправе с Д. Гичевым, Н. Мушановым и другими известными демократами. Одной из своих наиболее серьезных ошибок сам Н. Петков считал согласие (хоть и неохотное) на передачу в ведение коммунистов министерства внутренних дел во время заседания Национального комитета ОФ 8 сентября 1944 г., когда уточнялся состав будущего правительства ОФ.

Надо, однако, учитывать, что на исходе войны Н. Петков, как и многие левые деятели, был сторонником свержения авторитарного прогерманского режима и реформирования общества в демократическом направлении. Именно антиправительственная деятельность

в годы второй мировой войны привела его к сотрудничеству с болгарскими коммунистами, хотя он и дистанцировался от их тактики вооруженной борьбы, и к участию в создании ОФ. Не случайно в годы войны коммунисты искали сотрудничества с Н. Петковым. Тогда они не оспаривали его заслуг как антифашиста и демократа. Верный соратник коммунистов, член “Звена” Кимон Георгиев предупредил руководителей БРП(к), что без Н. Петкова их Отечественный фронт не может быть создан⁴⁰. Несомненно, Н. Петков отдал дань и своим политическим амбициям, и межпартийной борьбе, и политическим распрям внутри самого БЗНС. Однако это не умаляет его заслуг и личного мужества в борьбе против установления диктатора компартии.

Задача, которую поставил перед собой Н. Петков, оказалась невыполнимой – слишком неравны были силы. Целью Сталина в послевоенной Европе было не просто укрепление позиций СССР в странах, попавших в соответствии с договоренностями Большой тройки в сферу его господства, а дальнейшая экспансия советской политической и экономической системы. Реализация этой цели ставилась сталинским руководством в прямую зависимость от сосредоточения всей полноты власти в руках компартий, что исключало наличие оппозиции. Ее уничтожение было лишь вопросом времени. Однако в 1945 г. оппозиция была еще достаточно активна. Она избрала тактику бойкота парламентских выборов, рассчитывая дискредитировать ОФ. Однако эта тактика себя не оправдала. На состоявшихся 18 ноября 1945 г. выборах за кандидатов ОФ проголосовало более 88% избирателей⁴¹. Правительства Англии и США, основываясь на оценках своих дипломатических представителей, сочли выборы недемократичными и отказались признать их результаты. Таким образом, оппозиция получила морально-политическую поддержку правительств западных держав и их представителей в СКК.

На Московском совещании министров иностранных дел (СМИД) в середине декабря 1945 г. по настоянию Англии и США было принято решение о том, что советское правительство даст совет болгарскому правительству о включении в состав кабинета министров дополнительно двух представителей оппозиции и о проведении в 1946 г. новых выборов в Народное собрание. Представители западных держав заявили, что только в этом случае они признают новое болгарское правительство и установят с ним дипломатические отношения.

23 декабря Сталин вынужден был посоветовать Димитрову: “...подумайте, не могли бы вы включить одного или двух министров из оппозиц[ионных] кругов, оторвав их от оппозиции. Надо дать им какое-нибудь незначительное министерство. Естественно, вопрос не стоит о Петкове”⁴². Однако лидеры оппозиции Н. Петков и К. Лулчев поставили перед премьер-министром К. Георгиевым свои условия: ограничение позиций БРП(к) в органах государственной власти,

прежде всего в министерствах внутренних дел и правосудия; роспуск парламента; проведение новых выборов в Народное собрание. Для объяснений со Сталиным в Москву в начале января 1946 г. отправилась правительственная делегация, возглавляемая премьер-министром. На вопрос советского лидера по поводу трудностей в реализации решений Московского совещания К. Георгиев заявил, что “оппозиция выдвигает абсолютно неприемлемые требования”. Возмущенный вождь, просматривая письменный ответ Петкова, заметил: “Формально они признают это соглашение (решение Московского совещания. – *Е.В.*), а по существу отвергают его. Это обычный жульнический прием”. Затем продолжил: “Очевидно, нам надо вмешаться. Ясно, что ни Петков, ни Лулчев, ни Пастухов не должны попасть в правительство”. Тут же возникла идея послать в Болгарию заместителя министра иностранных дел А.Я. Вышинского, “чтобы он распутал там дела”. Отдавая Вышинскому по телефону инструкции в отношении Болгарии, Сталин сказал: “Петков нахально требует реконструкции болгарского правительства и роспуска парламента. Это наглец. Его надо поставить на место так, как поставили румынского короля”. На вопрос болгар, что будет, если оппозиция и после приезда Вышинского откажется участвовать в правительстве, Сталин объяснил, что в таком случае ответственность будет лежать на Советском правительстве, а не на болгарском: “Вас могут обвинить в срыве Московских решений, а нас не могут, не посмеют”. “Я считаю, – продолжил Сталин, – что положительное решение вопроса лучше для вас и для нас. Но если оппозиция не пойдет на это, то тем хуже для оппозиции. Она погибнет. Обойдемся без нее. Пусть Петков не думает, что СССР и Америка будут воевать из-за него”⁴³.

В начале января 1946 г. Вышинский прибыл в Софию. Он провел переговоры с болгарским правительством и с лидерами оппозиции. Н. Петков и К. Лулчев не отступили от своих требований. Пополнение болгарского кабинета министров представителями оппозиции так и не состоялось, что послужило причиной отказа западных держав в дипломатическом признании Болгарии вплоть до заключения мирного договора. В марте 1946 г. было сформировано новое правительство лишь из представителей отечественнофронтских партий. При распределении портфелей болгары послушно учли все пожелания советского правительства. 28 марта Сталин через Молотова передал Димитрову указания проводить по отношению к несговорчивым оппозиционерам следующую политику: всячески игнорировать оппозицию, не вести с ней больше никаких переговоров, а умелыми действиями задуть ее⁴⁴.

Высшей отметки накал политической борьбы в Болгарии достиг осенью 1946 г. 27 октября предстояли выборы в законодательное Великое народное собрание (ВНС). “Легальная оппозиция” (БЗНС-НП, БРСДП(о) и независимые интеллигенты) выступила на выборах с единым списком кандидатов под названием “Федерация сельского и

городского труда”. В ее программе подчеркивалось, что оппозиция борется против “однопартийного и коммунистического ОФ”, за демократическую, независимую республику, основанную на свободе, равенстве, праве собственности и социальной справедливости. В программе содержался призыв не допустить проведения в жизнь “коммунистического проекта конституции, выдвигаемого от имени ОФ”. Использовались традиционные для болгарского крестьянства и мелкобуржуазных масс города лозунги: добровольное и свободное кооперирование на основе частной собственности, осуществление принципа “земля тому, кто ее обрабатывает”, организация кооперативного экспорта и импорта основных товаров, устранение разрыва в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, предоставление ремесленникам возможности свободно развивать частную инициативу⁴⁵. О привлекательности программы для значительной части болгарского общества свидетельствовал внушительный митинг в поддержку оппозиции, состоявшийся в Софии 19 октября.

На этот раз БРП(к), уверенная в своей силе, распорядилась, чтобы каждая входящая в ОФ партия участвовала в выборах отдельным избирательным списком. Выборы продемонстрировали концентрацию голосов избирателей на двух политических полюсах: БРП(к) получила свыше 53% голосов, объединенная оппозиция – свыше 28%⁴⁶. Коалиция БЗНС-НП, БРСДП(о) и “независимые” заняли 101 место в парламенте из 465. Учитывая многочисленные нарушения процедуры выборов, запугивание избирателей и фальсификации, можно считать эти результаты серьезным успехом демократической оппозиции⁴⁷.

После выборов в Великое народное собрание для Николы Петкова главной ареной борьбы против усиливающегося господства БРП(к) в экономике и политике стал парламент. В связи с первой же декларацией нового правительства (возглавленного вернувшимся 4 ноября 1945 г. в Болгарию Г. Димитровым) Н. Петков с трибуны Народного собрания заявил, что группа депутатов от оппозиции “не признает декларацию правительства, являющегося результатом выборов, проведенных в обстановке угроз, беззаконий, избиений, арестов и убийств, а не свободного волеизъявления болгарского народа. Парламентская группа Болгарского земледельческого народного союза не одобряет внутреннюю, хозяйственную и культурную политику, объявленную г-ном премьер-министром в декларации”⁴⁸. Будучи хорошо осведомленным о положении в деревне, Петков отметил: “До сих пор болгарский крестьянин почувствовал следующие результаты политики, проводимой в сельском хозяйстве: незаконное и насильственное кооперирование и конфискация его земли по закону о трудовом земледельческом кооперативном хозяйстве, ... несправедливое и жестокое распределение подлежащих сдаче государству товаров, реквизиций, налогового обложения, трудовой повинности не в соответствии с нуждами и

податными возможностями, а в соответствии с партийной принадлежностью гражданина и налогоплательщика”⁴⁹. Касаясь внешней политики правительства, Петков заявил о принципиальной ее поддержке, но категорически возражал против попыток правительства убедить СССР во враждебном к нему отношении болгарской оппозиции. Петков осудил также правительственную кампанию против западных демократий.

Лидер оппозиции резко раскритиковал предложенный правительством проект конституции, в котором не соблюдался принцип разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной. “В проекте конституции болгарский народ видит сосредоточение всей власти в руках партии, имеющей большинство в Народном собрании”, – сказал Петков и заметил, что подобное положение присуще только тоталитарным государствам. “Рабочая партия захватила всю власть, несмотря на данные до и в день 9 сентября 1944 г. торжественные обещания демократического управления при равных правах и обязанностях, и Отечественный фронт превратился в ширму однопартийного управления – управления РП(к). Посмотрите на новое правительство – в нем нет ничего, кроме Рабочей партии (коммунистов) и личности г-на премьер-министра”⁵⁰, – заключил лидер оппозиции.

Объединенная оппозиция внесла в ВНС свой проект конституции, основанный на принципах парламентской демократии, гарантирующий основные права и свободы человека, включая право на частную собственность. Нет нужды говорить, что коммунистическое большинство в парламенте проголосовало за правительственный проект конституции сталинского образца. Проект Н. Петкова был охарактеризован в прессе как “политическая программа реставрации империализма и фашизма”⁵¹.

Вторым участком неравной борьбы Н. Петкова против утверждавшегося тоталитарного строя была руководимая им газета “Народно земеделско знаме”. С ее страниц он разоблачал беззакония политики компартии, участившиеся случаи нарушения прав и свобод человека в Болгарии. “Редко в истории человечества свобода прессы и право человека свободно выражать свое мнение имели столько фанатичных противников, открыто и тайно стремящихся их уничтожить, как это происходит сегодня, – писал Петков 24 апреля 1947 г., за шесть дней до закрытия газеты. – Никогда раньше тоталитарная идея о диктатуре не была столь тесно связана с насилием над человеческой мыслью и совестью”.

Терпеть подобные заявления не намеревались ни советская, ни болгарская партийно-государственная элита. Имеются свидетельства, в частности члена ЦК БРП(к) в тот период П. Семерджиева, что уже в конце 1946 г. руководство болгарской компартии получило из Москвы указание покончить с демократической оппозицией и ее лидером⁵². Прямых архивных документов на этот счет пока не обнару-

жено, но косвенных подтверждений тому достаточно. Даже московское радио было подключено к дискредитации и травле болгарской оппозиции. 24 декабря 1946 г. в советском эфире прозвучало абсурдное заявление, будто “во время гитлеровского господства в Болгарии ... оппозиционеры, называющие себя теперь истинными демократами, служили немецким агентам – Кобургам – и помогали превратить Болгарию в немецкую колонию”⁵³.

Лидер болгарской оппозиции стал жертвой новой политической линии СССР, главным в которой на тот момент было форсирование революционного процесса в Восточной Европе, ускорение ее советизации. Следуя этой линии, руководство БРП(к) начало разрабатывать сценарий предстоящего ареста и суда над Н. Петковым.

В течение целого года “готовилось” следственное дело, собирался (а точнее – фабриковался) материал, на основании которого можно было бы обвинить оппозицию и ее лидера в подрыве народно-демократического режима. Самым тяжким, несомненно, стало обвинение Н. Петкова в том, что он является политическим организатором государственного вооруженного переворота. Для обоснования связи “оппозиция–военные” были активно использованы материалы процессов против конспиративных военных организаций “Нейтральный офицер”, “Военный союз” и “Царь Крум”, проходивших в 1947 г. почти одновременно с процессом Петкова. О существовании этих организаций известно лишь из следственных и судебных материалов, “некоторые из которых вызывают сомнения”, как осторожно выразился болгарский ученый М. Исусов⁵⁴. Другие же исследователи полагают, что организаций “Царь Крум” и “Военный союз” вообще не существовало⁵⁵.

Аресты военных начались в июле 1946 г. БРП(к) опасалась того влияния, которое Народный союз “Звено” имел в армии, поскольку по болгарским законам в ее ряды не допускались представители подчиненных БРП(к) органов безопасности и милиции. С помощью процессов против офицеров компартия стремилась укрепить свои позиции в армейских кругах. Подчинение болгарской армии коммунистам имело особо важное значение еще и потому, что после подписания мирных договоров с Болгарией предполагался вывод из страны советских войск.

Прозвучавший во время процесса против организации “Царь Крум” тезис “вооруженный заговор – сельскохозяйственная оппозиция” уже широко использовался на суде против нелегальной военной организации “Нейтральный офицер”. 31 января 1947 г. “Работническо дело” поместило прочитанную в эфире московского радио статью, озаглавленную: “Превращение оппозиции в странах новой демократии в банды диверсантов, террористов, вредителей и шпионов”. В статье прямо формулировался тезис будущего обвинения против Н. Петкова: “Уже полностью установлено, что вожди оппозиции

организовали реакционный заговор с целью свержения народной власти путем насильственного военного переворота. Никола Петков хотел сыграть роль кровавого Цанкова. Для успеха этого преступного дела рассчитывали на иностранную помощь... Что еще нужно, чтобы заключить, что болгарская оппозиция вступила на путь измены и предательства?” Так было достигнуто сразу две цели. Во-первых, показана необходимость “чистки” офицерского корпуса болгарской армии, а во-вторых, разоблачена “заговорщическая и “предательская” роль БЗНС-НП. Забегая вперед, отметим, что при обыске помещений оппозиционного Земледельческого союза было найдено всего 12 охотничьих ружей, 8 карабинов (из них 4 без затворов), 8 револьверов и 7–8 ножей⁵⁶.

Генеральной репетицией судебного фарса по делу Н. Петкова был процесс против члена Постоянного присутствия БЗНС, депутата парламента Петра Коева. Он обвинялся в том, что во второй половине 1945 – начале 1946 г. подстрекал ряд высших офицеров образовать тайную организацию “Нейтральный офицер”, имевшую целью военный переворот. Коев был также объявлен руководителем вымышленного военного центра при руководстве БЗНС⁵⁷. В первый раз Коев был арестован в августе 1946 г. В ноябре он направил из тюрьмы письмо Н. Петкову, которое тот зачитал с трибуны Народного собрания. “Допрос продолжался пять дней непрерывно, 24 часа в сутки. Следователи сменялись каждые три часа, я же все это время должен был стоять, закованный в наручники, без сна, без права прислониться к стене и, что было хуже всего в эти жаркие августовские дни, без воды. Для человека, который впервые подвергается этому продолжительному террору, невысказанно выдержать и не подписать все, что ему предложат”⁵⁸.

В начале февраля 1947 г. П. Коева вновь арестовали и в течение нескольких месяцев подвергали чудовищным пыткам, чтобы довести до “нужной кондиции” к моменту начала процесса над Петковым. Действительно, свидетельские показания Коева по делу организации “Нейтральный офицер” по существу стали обвинением против главного секретаря Земледельческого союза. Не случайно еще в день своего ареста в последней речи в Народном собрании П. Коев предупреждал, что если вскоре появятся какие-либо его “признания”, то они будут вырваны у него при “тяжелейших, невозможных и невыносимых условиях”⁵⁹. Излишне говорить, что это заявление Коева не было принято во внимание правительственным большинством парламента. В середине июня 1947 г. он был приговорен к 12,5 годам строгого тюремного режима.

Итак, материал для нового судебного процесса, который займет особое место и сыграет исключительную роль в послевоенной истории Болгарии, был подготовлен. 28 мая 1947 г. министр внутренних дел А. Югов направил Г. Димитрову докладную записку с информацией о том, что органы госбезопасности располагают данными о

“преступной деятельности” Н. Петкова⁶⁰. На основе этих данных было составлено письмо прокуратуры, которое председатель Народного собрания В. Коларов зачитал на заседании парламента 5 июля 1947 г. В нем говорилось, что в ходе следствия по делу военных организаций “Нейтральный офицер” и “Военный союз”, а также по делу П. Коева было собрано “исключительно много данных, которые бесспорно доказывают, что главным вдохновителем, организатором и руководителем всех этих заговоров является народный представитель Никола Димитров Петков из г. Софии. Из всех этих данных видно, что Никола Д. Петков вместе со своими близкими соратниками нашел в среде реакционно настроенных офицеров лиц, с помощью которых готовился совершить государственный переворот против народной власти вооруженным путем”⁶¹.

После оглашения прокурорского письма Коларов добавил, что по закону юридическая комиссия Народного собрания должна представить по данному вопросу свой доклад до конца заседания парламента. Комиссии потребовалось всего полчаса (!) для того, чтобы ознакомиться с “преступлениями” Н. Петкова и единогласно принять решение об удовлетворении требования прокурора лишить оппозиционного лидера депутатского мандата и арестовать его. После возобновления заседания Н. Петков в последний раз поднялся на трибуну Народного собрания.

Лейтмотивом его выступления стало разоблачение существующего режима, защита демократических позиций своей организации, опровержение клеветнических обвинений⁶². Далее события развиваются так: микрофон отключен, правительственное большинство свистом и криками мешает Петкову говорить, в зал парламента врываются вооруженные милиционеры, депутаты от оппозиции безуспешно пытаются загородить собой своего лидера, но их жестоко избивают и оттесняют. Н. Петкова выводят из зала и сажают в милицейский фургон⁶³. 23 оппозиционных депутата вскоре были лишены своих мандатов.

Началась непосредственная подготовка процесса. В течение июня Г. Димитров провел несколько совещаний, на которых присутствовали руководители болгарской госбезопасности и советские советники. 11 июня Димитров записал в своем дневнике: “Наши из ГБ и сов[етские] советники по процессу Н. П[еткова]”. 26 июня – такая запись: “Совещание с друзьями по процессу Петкова” (“друзья” – советские специалисты в органах МВД Болгарии)⁶⁴. На протяжении двух месяцев Петкову непрерывно устраивали очные ставки с людьми, которых он или не знал вообще, или это были его соратники и знакомые с неузнаваемыми от пыток лицами. Все они повторяли заученную клевету о конспиративной деятельности, совершавшейся якобы по внушению лидера БЗНС.

Для защиты Петкова его партия направляет пятерых лучших адвокатов страны (позже режим расправится с каждым из них). Но за-

щита бессильна – сценарий судебного фарса расписан до мелочей. Правительственная печать ежедневно выливает потоки грязи и клеветы на оппозицию и ее лидера. Создается обстановка общественно-го психоза – как в СССР в 1937 г. Трудовые коллективы мобилизованы для участия в бесчисленных митингах и собраниях, на которых принимаются резолюции с неременным требованием: “Смерть Николе Петкову!”

В конце июля Н. Петкову и обвиняемым по одному с ним делу четырем офицерам был вручен обвинительный акт, проект которого, по свидетельству Димитрова, был составлен при участии советских юристов и следователей⁶⁵. Столь тяжкое обвинение, как “подготовка вооруженного государственного переворота”, понадобилось для обоснования высшей меры наказания – смертной казни.

Судебные заседания открылись 5 августа 1947 г. и продолжались 11 дней. Н. Петков не признал себя виновным, отверг все обвинения в конспиративных связях с военными и в создании нелегальной организации для свержения власти ОФ, отстаивал свои антифашистские, демократические убеждения и приверженность Отечественному фронту в его первоначальном виде⁶⁶. Обвинение представило в качестве доказательств “преступной деятельности” Петкова свидетельские показания участников “раскрытых” военных организаций, материалы оппозиционной прессы – критические статьи в “Народно-земедельско знаме” о положении в армии, о насильственном кооперировании крестьянства, об односторонней внешнеполитической ориентации Болгарии. Значительная часть арестованных офицеров, привлеченных в качестве свидетелей, дали требуемые показания о конспиративном характере и целях “Военного союза” и его связях с Н. Петковым. Они были вырваны у содержавшихся к тому времени больше года в заключении офицеров в результате жесточайших моральных и физических пыток. Академик М. Исусов, читавший все судебные и следственные материалы процесса, утверждает, что в деле нет ни одного аутентичного документа, из которого следовало бы, что Н. Петков участвовал в военном заговоре или поддерживал шпионские связи с Западом⁶⁷. Защита никогда еще не сталкивалась со столь необоснованным обвинением, с попранием элементарных правил юриспруденции; ее усилия по опровержению обвинения были напрасны, речи адвокатов никто не слушал. В своем последнем слове Н. Петков вновь отверг все обвинения как грубую фальсификацию. Многим присутствовавшим на процессе запомнились его слова: “Переворота я не готовил, но боролся против вас!”⁶⁸

16 августа 1947 г. был оглашен приговор: Николе Петкову – смерть через повешение, другим подсудимым, обвиненным в создании тайных организаций, – многолетнее тюремное заключение. На следующий день “Работническо дело” опубликовало приговор Н. Петкову с комментарием: «Никакой пощады могильщику нашей национальной независимости Николе Петкову! Разгон оппозицион-

ного “Земледельческого союза” – пристанища фашистов и спекулянтов». Смертный приговор был вынесен фактически не только Н. Петкову, но и возглавляемой им организации. Еще 14 августа, во время судебного процесса, на расширенном заседании ЦК БРП(к) рассматривались “политические выводы по процессу Н. Петкова”. Докладывал секретарь ЦК В. Червенков: “Речь идет не только о личности Петкова, встает вопрос, может ли его организация оставаться легальной и дальше. Мы не будем продолжать терпеть оппозицию в том виде, в котором она существовала с 1945 г. Это контрреволюционная, реставраторская организация”⁶⁹. 20 августа Димитров, находившийся на лечении в подмосковной Барвихе, направляет Тр. Костову телеграмму с указанием распустить БЗНС-НП, не дожидаясь решения кассационного суда, и аннулировать мандаты его представителей в Народном собрании. Спустя два дня Димитров вновь телеграфирует в Софию: “Мое мнение – распустить союз Петкова полностью – центральные руководства и местные подразделения. Распустить также и его молодежный союз. Здесь полумеры неуместны. Следует действовать решительно, чтобы закрыть эту страницу внутривнутриполитического развития нашей страны и расчислить себе путь для дальнейшего благотворного развития. Не следует слушаться заграничной шумихи”⁷⁰.

26 августа 1947 г. ВНС принял закон, по которому БЗНС-НП был запрещен, его имущество и архив конфискованы, все подразделения и секции распущены, парламентская группа лишена депутатских мандатов. Начались массовые аресты сторонников Петкова.

С момента вынесения смертного приговора Н. Петкову до приведения его в исполнение 23 сентября 1947 г. демократическая общественность Запада прилагала немалые усилия по спасению лидера болгарской оппозиции. Известный американский журналист М. Этридж (побывавший осенью 1945 г. в Болгарии в качестве личного представителя госсекретаря США) обратился к американскому президенту Г. Трумэну со следующим посланием: “Надеюсь, что Вы и Государственный департамент США приложите все возможные усилия, чтобы предотвратить запланированную экзекуцию Николы Петкова в Болгарии. Технически эта страна все еще под контролем Союзной комиссии, и его случай должен быть ею рассмотрен. Я считаю, что сама наша репутация поставлена на карту, поскольку мы вдохновляли оппозицию в ее борьбе за свободу слова и печати”. Президент Трумэн лично ответил на это обращение: “Я очень высоко ценю Вашу телеграмму от 16 с.м. по поводу Н. Петкова. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы не допустить его убийства”⁷¹.

18 августа американский представитель в СКК генерал-майор Робертсон направил письмо председателю СКК в Болгарии генерал-лейтенанту А.И. Черепанову: “Правительство США с большим вниманием следило за процессом против Н. Петкова и озабочено тем, каким образом можно предотвратить акцию, которая по всем види-

мым признакам представляет грубое нарушение принципов справедливости”. Робертсон просил рекомендовать болгарскому правительству отменить приговор до рассмотрения случая Н. Петкова Союзной контрольной комиссией. С такой же просьбой к Черепанову обратился и английский представитель в СКК полковник Грин. После повторного демарша западных представителей Черепанов направил им ответ, в котором заявил, что “случай Н. Петкова является чисто внутренним болгарским вопросом”⁷². 21 августа председателя НРБ В. Коларова посетил представитель США в этой стране Хорнер, а вслед за ним – английский представитель Бенет, но результаты их встреч были нулевыми. Два дня спустя борьба за жизнь Петкова продолжилась в Москве, где американский посланник в СССР Смит направил ноту советскому правительству, в которой настаивал на необходимости вмешательства СКК в ход дела. В ответе советской стороны от 24 августа говорилось, что “Контрольная комиссия в Болгарии не имеет права пересматривать юридические дела, решенные болгарским судом, или давать какие бы то ни было указания болгарскому правительству по подобным вопросам. Подобные действия Контрольной комиссии представляли бы вмешательство во внутренние болгарские дела и были бы прямым нарушением государственного суверенитета Болгарии”⁷³. Какой пример политической демагогии и лицемерия, если принять во внимание просоветский характер правительства Димитрова и присутствие советских войск в Болгарии!

Димитров уверенно держался под напором мировой общественности, требовавшей освобождения Петкова. Премьер-министру было известно, что еще в феврале 1947 г. США выразили готовность признать болгарское правительство. Димитрову направили письма и телеграммы все подразделения Всемирной лиги защиты прав человека, глава Римско-католической церкви, многие известные общественные и политические деятели Запада, в том числе Э. Эррио и Ф. Мориак. Позиция болгарского руководства оставалась непоколебимой: любое вмешательство из-за границы неуместно и недопустимо. Во время посещения Димитрова корреспондентом газеты “Юманите”, последовавшего вскоре после ареста Петкова, премьер-министр Болгарии заявил: “В этих делах никакое вмешательство извне не поможет ни Петкову, ни кому-либо другому. Я мог бы сказать больше – всякое вмешательство извне может лишь усложнить вопрос, поскольку тогда станет основательным подозрение, что Петков готовил государственный переворот не только со своими соратниками в Болгарии, но и вместе с теми, кто взял его сейчас под свою защиту за границей”⁷⁴.

Находясь на лечении под Москвой, Димитров несколько раз встречался со Сталиным. На этих встречах обсуждались и вопросы, связанные с процессом над Н. Петковым. Есть все основания полагать, что директивы, которые Димитров направлял в политбюро

ЦК БРП(к) по поводу процесса, отражали сталинскую точку зрения. Она заключалась в том, что Н. Петкову должен быть вынесен смертный приговор, который затем следует заменить на пожизненное заключение. 9 августа Димитров направил радиogramму Тр. Костову и В. Червенкову с указанием, какой приговор должен быть вынесен Петкову: “Следует дать главному обвиняемому высшую меру наказания при условии, что эта мера будет подтверждена высшим кассационным судом. После подтверждения приговор должен быть заменен председателем суда на пожизненное заключение”⁷⁵. Согласно этому плану после объявления смертного приговора Петкова хотели заставить дать письменные показания, в которых бы он признал свою “вину” и полностью “раскался”. Тем самым организаторы процесса надеялись политически дискредитировать и уничтожить Петкова и демократическую оппозицию.

Выявленные и сравнительно недавно опубликованные болгарским исследователем В. Стояновым архивные документы проливают свет на то, как и почему были написаны предсмертные письма Н. Петкова⁷⁶.

В период с момента оглашения приговора до приведения его в исполнение Н. Петков обратился с пятью письмами к премьер-министру Г. Димитрову, с четырьмя – к председателю НРБ В. Коларову и с одним – к посланнику СССР в Болгарии С. Кирсанову с просьбой о помиловании. В них он обрисовал свою оппозиционную деятельность, ее мотивы, раскаивался и просил отменить суровое наказание как несправедливое. С этими письмами был ознакомлен только самый узкий круг членов политбюро ЦК БРП(к).

До 19 августа (когда было написано первое письмо) Н. Петков, понимая замыслы своих противников, отказывался от “признаний”, поскольку еще рассчитывал на помощь международной и внутренней демократической общественности. Ряд фактов свидетельствует о том, что после вынесения приговора на Н. Петкова продолжало оказываться массированное моральное и психологическое давление, и он постепенно сдался⁷⁷. Получив первое письмо Петкова, Димитров выразил свое неудовлетворение им и в радиogramме Червенкову и Костову дал следующие указания: “Мы должны постараться получить от Петкова собственноручно написанное и подписанное им письмо премьер-министру с полным признанием своей вины и раскаянием, с указанием при этом и на его связи с иностранными советниками. Следует также подчеркнуть его совместную антинародную деятельность с Лулчевым, т.е. что они действовали как объединенная оппозиция против народной власти. Письмо следует опубликовать у нас и за границей как факсимиле”⁷⁸. Последнее письмо Петкова, от 22 сентября, было написано именно с учетом этих требований. Уже после экзекуции оно было широко распространено властями, поскольку в нем осужденный “признавал” свою политическую деятельность в последние два года “полностью ошибочной”, “обслужи-

вавшей внутреннюю и международную реакцию”⁷⁹. Первые же письма Петкова явно разочаровали членов политбюро: 13 сентября Тр. Костов пишет Димитрову, что “покаяние Петкова несерьезно и неудовлетворительно”⁸⁰. В этот же день политбюро ЦК БРП(к) приняло решение об исполнении смертного приговора. Как ни странно, против этого выступил В. Коларов – человек, который имел больше всех “заслуг” в деле уничтожения политических противников. В своем письме Димитрову от 13 сентября он высказал опасение, что в случае исполнения смертного приговора Болгария рискует потерять симпатии широких демократических и антифашистских кругов за границей. “Для них Петков – бывший антифашист, крестьянский лидер и демократ. Он не является ни сторонником клики Цанкова, ни личностью вроде Дражи Михайловича, убийцы и палача своего народа и немецкого пособника. Не имея ясного представления о наших внутренних делах, они едва ли согласятся с мыслью, что для благополучия нашей республики необходимо повесить Петкова, в то время как он может быть полностью обезврежен в тюрьме”⁸¹.

Димитров не принял аргументации Коларова и поддержал решение политбюро. Обсудив в очередной раз вопрос со Сталиным, 17 сентября он сообщил Коларову и Костову о согласии Кремля на исполнение смертного приговора: “После того, как англо-американцы вмешались и предъявили категоричное требование отменить смертный приговор, данный вопрос приобретает для нас уже особое внутри- и внешнеполитическое значение и вызывает необходимость изменить наше первоначальное намерение. Затрагивается непосредственно суверенитет Болгарии и представляется возможность для нового поощрения реакции в стране. Если приговор не будет исполнен, это будет расценено в стране и за рубежом как капитуляция перед вмешательством извне и поощрит интервентов к новому вмешательству... Приговор следует привести в исполнение, независимо от того, какие заявления сделал бы осужденный. Таково мнение и наших друзей” (т.е. советских руководителей)⁸². Именно это мнение оказалось решающим в судьбе оппозиционного лидера.

Несомненно, важной причиной изменения решения в отношении судьбы Н. Петкова было начало холодной войны. Полным ходом шла подготовка к созданию Коминформбюро – до совещания коммунистических и рабочих партий в Шклярской Порембе оставалось всего около недели. В этих условиях кампания Запада по спасению жизни болгарского оппозиционного лидера вызывала крайне болезненную и острую реакцию руководства НРБ. В телеграмме Тр. Костову от 20 сентября Димитров призывал партийное руководство после приведения смертного приговора в исполнение “держаться не оборонительный, а наступательный тон” в печати, “обсудить все меры для парирования злостной кампании за границей и для разъяснения значения исполнения приговора внутри страны”. Важнейшие обще-

ственные организации, видные общественные деятели и представители культуры должны были “выразить в печати свое положительное отношение к данному вопросу”⁸³. Через три дня Тр. Костов, непосредственно руководивший процессом в Софии (и не подозревавший о том, что спустя два года сам станет жертвой судебного приговора), рапортовал Димитрову: “Сегодня в полночь (22–23 сентября) будет приведен в исполнение приговор Петкову. С завтрашнего дня собрания на предприятиях и в селах будут принимать резолюции одобрения. Опубликуем мотивировку областного суда, которую переведем на французский и английский языки и пошлем нашим посольствам за границей вместе с разоблачающим документом (имеется в виду последнее предсмертное письмо Петкова. – *Е.В.*), о котором ты писал”⁸⁴.

Действительно, массовые собрания, одобрявшие казнь “врага народа”, были организованы по всей стране. Следует при этом отметить, что репрессии против оппозиции уменьшали степень недовольства населения ухудшением своего экономического положения в первые послевоенные годы, вызванного ошибками и перегибами в хозяйственной политике нового режима. Репрессии служили клапаном для снижения растущей социальной напряженности. Во всех трудностях и неудачах можно было обвинить оппозицию и направить на нее недовольство значительной части населения.

Разгон БЗНС и казнь его лидера означали ликвидацию “земледельческой” демократической альтернативы общественного развития. Целью компартии были полная дискредитация идей Земледельческого союза, которые исповедовало тогда большинство населения страны, обезличивание “земледельческого” движения в политической жизни Болгарии. В этой связи был организован судебный процесс против Димитра Гичева – последнего из крупных деятелей БЗНС. Гичев являлся одним из создателей и руководителей БЗНС “Врабча” (правого крыла Союза). В годы второй мировой войны он занимал антигерманские и антифашистские позиции, но отказался войти в Отечественный фронт, руководимый коммунистами. Участвовал в правительстве Муравиева, за что был осужден “Народным судом”. Как один из самых влиятельных лидеров БЗНС Гичев вскоре был освобожден при условии, что его крыло “Врабча” будет бороться против БЗНС-НП, однако он пошел на сотрудничество с Петковым, за что и “поплатился”. Сценарий повторился – Гичева обвинили в организации саботажа и боевых групп для свержения законной власти. 16 апреля 1948 г. его приговорили к пожизненному заключению. Д. Гичев умер в 1964 г., вскоре после выхода на свободу.

Шел 1948 год. Разгоралась холодная война, опускался “железный занавес”. Монополия компартии на власть в Болгарии, как и в других странах Восточной Европы, уже практически утвердилась. Последним препятствием (пусть уже и формальным) на пути к окончательному установлению однопартийной системы было существо-

вание руководства и парламентской группы оппозиционной БРСДП(о) во главе с К. Лулчевым. 6 ноября 1948 г. открылся судебный процесс и против её. Обвиненные в контрреволюционной и антисоветской деятельности, подсудимые были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. В этих условиях БРП(к) начала подготовку к своему V съезду (декабрь 1948 г.), который сыграл решающую роль в советизации Болгарии и в реализации здесь сталинской модели социализма.

Политические процессы 1944–1948 гг. в Болгарии являлись составной частью становления тоталитарного режима. Провозглашенные коммунистами в народно-демократический период лозунги о лояльном сотрудничестве и равноправии различных партий в рамках Отечественного фронта оказались чисто тактическим (и в значительной мере демагогическим) приемом. На практике же от этих лозунгов БРП(к) стала отказываться уже в первые месяцы после прихода ОФ к власти. Под флагом борьбы с фашизмом происходило физическое уничтожение всех, кто не был согласен с утверждавшейся гегемонией компартии, кто не хотел примириться с новыми порядками.

Борьба болгарских коммунистов с оппозицией велась в соответствии с интересами советской политики, исходившей из того, что внутренний режим в Болгарии должен отвечать договоренностям Большой тройки и позициям, которые СССР завоевал на Балканах в ходе второй мировой войны. Судебные процессы 1947–1948 гг. явились отражением новой стратегии сталинского руководства, продиктованной нарастанием противоречий между державами-победительницами в послевоенный период. Провозглашенная с созданием Коминформбюро в сентябре 1947 г. установка на форсирование процесса построения социализма по советскому образцу и советскими методами в восточноевропейском регионе исключала наличие в этих странах конструктивной оппозиции, отстаивавшей иные варианты общественного развития.

¹ Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941–1944. Документи. София, 1962. С. 633.

² Работническо дело. 1944. 18. IX.

³ См.: *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991. С. 172.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* С. 173.

⁶ *Мешкова П., Шарланов Д.* Българската гилотина. Тайните механизми на народния съд. София, 1994. С. 28.

⁷ Държавен вестник. 1944. 6. X.

⁸ См.: *Мешкова П., Шарланов Д.* Указ. соч. С. 52.

⁹ К ответственности по этому процессу были привлечены болгарские врачи и духовные лица, участвовавшие в работе международных медицин-

ских комиссий, созданных немцами в 1943 г. для осмотра могил польских офицеров в Катыни и захоронений жертв сталинских репрессий под г. Винницей.

¹⁰ В числе этих лиц были бывшие регенты князь Кирилл, Б. Филов и Н. Михов.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 98. Л. 6-7.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Там же. Д. 95. Л. 40.

¹⁴ Цит. по: *Мешкова П., Шарланов Д.* Указ. соч. С. 54.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 93. Л. 52.

¹⁶ См.: Народна демократия или диктатура? Христоматия по история на България. 1944-1948. София, 1992. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 28-29.

¹⁸ Документ опубликован в приложении к указанной книге П. Мешковой и Д. Шарланова. С. 179-185.

¹⁹ Там же. С. 149-150.

²⁰ См.: Энциклопедия "България". Т. 4, София, 1984. С. 432. В опубликованных до сих пор статьях и других материалах о "народном суде" эти цифры колеблются. Расхождения имеются в отчетах главного народного обвинителя, направленных им в ЦК БРП(к). См.: *Мешкова П., Шарланов Д.* Указ. соч. С. 158.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 758. Л. 124.

²² См.: *Мешкова П., Шарланов Д.* Указ. соч. С. 156.

²³ Подробнее см.: *Исусов М.* Политическите партии в България. 1944-1948. София, 1978. С. 115-148.

²⁴ *Гунев Г.* Към брега на свободата или за Никола Петков и неговото време. София, 1992. С. 66.

²⁵ История Болгарской коммунистической партии. М., 1971. С. 471.

²⁶ *Исусов М.* Политическите партии... С. 91-93; *Стоянов В.* Предсмъртните писма на Никола Д. Петков до Георги Димитров и Васил Коларов (19 август - 22 септември 1947 г.) // Исторически преглед. 1991. № 5. С. 103.

²⁷ *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 - 6 февруари 1949). София, 1997. С. 477.

²⁸ Там же. С. 487.

²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953. Т. I. 1944-1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 240.

³⁰ См.: *Гунев Г.* Ор. cit. С. 62.

³¹ Восточная Европа в документах... С. 237.

³² *Димитров Г.* Ор. cit. С. 494-495.

³³ Там же. С. 495.

³⁴ См.: *Toshkova V.* The struggle between the USSR and the USA for Bulgaria: a step towards the cold war 1944-1947 // Eurobalkans. 1995. Spring. P. 32.

³⁵ См.: *Стоянов В.* Предсмъртните писма на Никола Д. Петков... // Исторически преглед. 1991. № 7. С. 56.

³⁶ Подробнее см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? М., 1993. С. 137.

³⁷ Цит. по: *Исусов М.* Политическите партии... С. 167.

- ³⁸ Никола Петков. След 42 години – опит за портрет // Земеделско знаме. 1989. 13 декември.
- ³⁹ Гунев Г. Ор. cit. С. 139.
- ⁴⁰ См.: Семерджиев П. Съдебният процес срещу Никола Д. Петков през 1947 г. София, 1990. С. 258.
- ⁴¹ Исусов М. Политическите партии... С. 230.
- ⁴² Димитров Г. Ор. cit. С. 518.
- ⁴³ Восточная Европа в документах... С. 357–361.
- ⁴⁴ Димитров Г. Ор. cit. С. 524.
- ⁴⁵ См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 478.
- ⁴⁶ Исусов М. Политическите партии... С. 314.
- ⁴⁷ См.: Гунев Г. Ор. cit. С. 99.
- ⁴⁸ Стенографски дневници на VI Велико Народно събрание. София, 1946–1951. Дял I. Кн. 1. 1946. С. 83.
- ⁴⁹ Там же. С. 87.
- ⁵⁰ Там же. С. 84.
- ⁵¹ См.: Захариев В. Проект за конституция или политическа програма на реакцията // Ново време. 1947. № 7. С. 599.
- ⁵² См.: Семерджиев П. Съдебният процес... С. 238; Исусов М. Сталин и България. С. 46.
- ⁵³ Восточная Европа в документах... С. 548.
- ⁵⁴ Исусов М. Сталин и България. С. 176.
- ⁵⁵ См.: Семерджиев П. Съдебният процес... С. 50–56; Цветков Ж. Съдът над опозиционните лидери. София, 1991. С. 59; Стоянов В. Предсмъртните писма... // Исторически преглед. № 7. С. 60.
- ⁵⁶ Земеделско знаме. 1989. 13 декември.
- ⁵⁷ Стенографски дневници... Дял. I. Кн. 2. С. 529.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 1. С. 85.
- ⁵⁹ Там же. Кн. 2. С. 557.
- ⁶⁰ Гунев Г. Към брега на свободата... С. 122.
- ⁶¹ Стенографски дневници... Дял. II. Кн. 1. С. 115; Защо ще бъде съден Никола Петков? Защо бяха лишени от депутатски мандат 23 опозиционни народни представители? София, 1947. С. 11.
- ⁶² Стенографски дневници... Дял II. Кн. 1. С. 149–150.
- ⁶³ Земеделско знаме. 1989. 13 декември.
- ⁶⁴ Димитров Г. Ор. cit. С. 551.
- ⁶⁵ Там же. С. 553; см. также: Le proces Nicolas D. Petkov. Sofia, 1947. P. 34–35.
- ⁶⁶ Исусов М. Сталин и България. С. 187.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ См.: Семерджиев П. Съдебният процес... С. 158.
- ⁶⁹ Цит. по: Цветков Ж. Съдът над опозиционните лидери... С. 137.
- ⁷⁰ Димитров Г. Ор. cit. С. 557–558.
- ⁷¹ Цит. по: Гунев Г. Към брега на свободата... С. 130.
- ⁷² Там же. С. 131.
- ⁷³ Исусов М. Сталин и България. С. 188.
- ⁷⁴ Защо ще бъде съден... С. 7.
- ⁷⁵ Цит. по: Стоянов В. Предсмъртните писма... // Исторически преглед. 1991. № 7. С. 72–73.

⁷⁶ См.: *Стоянов В.* Предсмъртните писма... // Исторически преглед. 1991. № 5, 7.

⁷⁷ См.: *Стоянов В.* Предсмъртните писма...// Исторически преглед. № 7. С. 73.

⁷⁸ *Димитров Г.* Op. cit. С. 558.

⁷⁹ Работническо дело. 1947. 11 окт.; Le proces... Р. 8–9.

⁸⁰ См.: *Стоянов В.* Предсмъртните писма... // Исторически преглед. 1991. № 7. С. 74.

⁸¹ Там же. С. 75.

⁸² *Димитров Г.* Op. cit. С. 565.

⁸³ Там же. С. 566–567.

⁸⁴ Там же. С. 569.

НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА В ВЕНГРИИ

Послевоенный режим Венгрии, впрочем, как и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшихся в сфере советского влияния и контроля, определяется в историографии преимущественно как строй народной демократии. Дефиниция “народная демократия” должна была подчеркнуть народный, истинно демократический характер новой власти, принципиально отличавшей ее от демократии буржуазной. Несмотря на неудачную, с языковой точки зрения тавтологическую конструкцию этого понятия (“демократия демоса”, т. е. “народное народовластие”), данное словосочетание утвердилось и получило распространение в литературе. Этот новый тип общественно-политического строя, возникшего при активном содействии Москвы, отличался и от системы власти, существовавшей в СССР.

Народная демократия, которая начала утверждаться в Венгрии на завершающем этапе войны, характеризовалась наличием парламентской системы государственного устройства, базировавшейся на многопартийной основе и на широком союзе всех антифашистских коалиционных сил. Режим народной демократии не оставался неизменным, он прошел ряд стадий своего развития, эволюционировал в зависимости от расстановки политических сил внутри страны и на международной арене. Система народной демократии была призвана помешать установлению любого унитарного строя – авторитарных, диктаторских, тоталитарных режимов. Возникшая без вооруженной борьбы венгерская народная демократия даже в программных документах Венгерской коммунистической партии (ВКП) представлялась как особая политическая система, рассчитанная на длительную историческую перспективу и обеспечивающая постепенное продвижение к социализму без диктатуры пролетариата (именно этим она и должна была отличаться от советской политической власти). При этом предполагалось также существование различных форм собственности, одновременное функционирование государственного, капиталистического и частного секторов в экономике.

На самом же деле народная демократия оказалась кратковременным эпизодом в истории Венгрии. Этот строй не сумел по ряду внешних и внутренних причин достаточно окрепнуть и выполнить возложенные на него задачи и надежды, т. е. помешать сползанию страны к диктатуре, к тоталитаризму. Можно говорить об эволюции строя народной демократии, о процессе ее перерождения, трансформации, о постепенном выхолащивании ее демократической сущности.

Рассматривая изменения характера венгерской народной демократии, историку важно выявить весь комплекс предпосылок, приведших к замене демократии режимом диктатуры от имени пролетариата, ракошистским тоталитарным режимом сталинского типа.

Кратковременная история венгерской народной демократии весьма богата политическими событиями, еще недостаточно полно отраженными и проанализированными в научной литературе. Ход острой политической борьбы 1944–1947 гг., а также процесс трансформации народно-демократического общественного устройства от республики к диктатуре с демократическим фасадом в 1948–1949 гг. официальной историографией прошлых лет трактовался как победа коммунистов над своими противниками в честном политическом соревновании. При этом почти ничего не говорилось о скрытых механизмах постоянного давления ВКП на своих демократических союзников, о действиях по их методичному отстранению от власти. Это происходило несмотря на то, что партнеры коммунистов по национальному фронту признали их программный курс на постепенное продвижение к социализму. Вытеснение из политической жизни демократических лидеров союзных партий объяснялось необходимостью защищать и укреплять народную демократию. Сам процесс становления однопартийной диктатуры от имени пролетариата, приведшей в конечном счете к тотальной диктатуре генерального секретаря компартии Матяша Ракоши и его узкого окружения, объявлялся апофеозом “подлинной народной демократии”. Искусственное обострение внутривластной ситуации в Венгрии к концу 40-х годов и необходимость исключения из политической жизни бывших коалиционных партий мотивировались осложнением международной обстановки и активизацией действий “вражеских” сил в самой стране. При этом, естественно, от широкой общественности скрывались методы, при помощи которых ракошисты утверждали свое единовластие. Историография 50–80-х годов обходила молчанием и подлинные причины жестокой расправы со сторонниками венгерской демократии второй половины 40-х, которые были главными оппонентами Ракоши, стоявшими на пути утверждения коммунистической диктатуры. В 1949 г., после отстранения от власти оппозиционных партий, перед генсеком ВКП встала задача устранить собственных партийных собратьев – потенциально возможных соперников всесильного лидера.

В статье предпринята попытка охарактеризовать основные стадии процесса возникновения венгерской народной демократии и ее последующей трансформации в направлении тоталитаризма. Автор намерен обратить особое внимание на малоизвестные в научной литературе факты, указать на появление симптомов стремления леворадикальных сил овладеть полнотой власти. Предполагается, в частности, описать особую тактику коммунистов, которую те применяли, чтобы отстранить известных венгерских

политиков от власти, обезглавить и дискредитировать лидеров леволиберального движения.

К середине декабря 1944 г., когда более половины территории Венгрии было освобождено от гитлеровских оккупантов, в стране развернулись демократические преобразования. Советский Союз, армия которого освободила Венгрию, мог бы навязать стране чисто коммунистическое правительство, но не сделал этого. Москва решила создать условия для формирования центральных органов власти новой, демократической Венгрии на базе сотрудничества всех антифашистских сил.

В основе планов Кремля лежала “народно-демократическая” программа, разработанная эмигрантским правительством ВКП при участии членов официальной венгерской делегации, прибывшей в Москву 11 октября 1944 г. для подписания предварительных условий перемирия, и части перешедших на сторону Красной Армии хортистских офицеров. 23 октября вышеуказанная делегация подала советскому руководству свои предложения по этому вопросу.

Реагируя на них, сотрудники 3-го Европейского отдела Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР Г.М. Пушкин* и Бела Гейгер 22 ноября 1944 г. подали на имя заместителя руководителя этого ведомства, В.Г. Деканозова, собственные выкладки. В них, в частности, отмечалось: “Образование на освобожденной венгерской территории центра, наделенного всеми функциями центральной власти, в настоящий момент нецелесообразно”. Мотивировалось это тем, что “мы не можем пока обеспечить такой состав этого центра, который был бы для нас приемлем и в то же время пользовался бы авторитетом среди различных слоев населения Венгрии”, а “образование венгерского центра из представителей Хорти в Москве... создаст дополнительные трудности для наших военных частей”. Было поэтому предложено сначала образовать “венгерскую руководящую группу в количестве 5–6 человек со строго ограниченными задачами”, которую по прибытии на родину можно было бы именовать Венгерским национальным комитетом. Притом отмечалось, что “Комитет не должен на территории Венгрии заниматься вопросами формирования венгерского правительства”¹. В течение ноября 1944 г. этот план обсуждался, согласовывался, уточнялся, и в итоге появилась идея созыва Венгерским фронтом национальной независимости (ВФНИ) Временного национального собрания, которое должно было сформировать на многопартийной основе временное национальное правительство. В процессе обсуждения первоначальных вариантов создания руководящей группы дело дошло до эскизов поименного состава правительства² и различных подготовительных комиссий по созыву делегатов будущего Времен-

* Вскоре политический советник уполномоченного СССР в Венгрии, а с 25 сентября 1945 г. посланник СССР в Будапеште.

ного национального собрания. Таким образом принципиальные вопросы демократического переустройства Венгрии после войны были определены еще в Москве. В ходе и после освобождения страны они только реализовывались.

30 ноября 1944 г. ВКП обнародовала свою программу, которая предусматривала создание союза демократических сил Венгрии с участием ряда антифашистских партий, что тогда называлось формированием широкого национального единства. В конкретных условиях послевоенного времени ни одна политическая сила страны не ставила под сомнение правомерность инициативы коммунистов, направленной на решение антифашистских демократических задач по преобразованию всей общественно-политической жизни. И это понятно, ведь компартия считалась силой, за которой стоит реальная и могущественная внешняя поддержка. ВКП тогда тоже не возражала против создания демократической многопартийной системы. 2 декабря 1944 г. в г. Сегеде был сформирован Венгерский фронт национальной независимости. Он объединял в своих рядах ВКП, Социал-демократическую партию (СДПВ), Национальную крестьянскую партию (НКП), Независимую партию мелких сельских хозяев (НПМСХ), Буржуазно-демократическую партию (БДП) и профсоюзы. Все они признали обнародованные коммунистами программные цели и выразили готовность к созданию новой демократической государственной системы и образованию ее центральных органов.

На освобожденной территории страны ВФНН начал подготовку к единственному в регионе парламентским выборам. В других странах органы национального сопротивления были в большинстве случаев просто преобразованы в законодательную и исполнительную власть. Проведение чрезвычайных выборов в конце 1944 г. в восточной части Венгрии позволило сформировать Временное национальное собрание. 21 декабря оно провело свое первое заседание в г. Дебрецене. Этот день и стал днем рождения венгерской народной демократии. Новый парламент торжественно заявил, что “берет в свои руки управление делами оставшейся без руководства страны”³, считает себя выразителем национальных интересов и государственного суверенитета. На следующий день было образовано Временное национальное правительство, которое обнародовало свою программу, нацеленную на восстановление независимости страны и осуществление демократических преобразований. Были приняты меры по формированию органов власти на местах – национальных комитетов.

Новая власть базировалась на сотрудничестве различных социальных и политических сил: рабочих, крестьян, интеллигенции, мелких городских слоев и антифашистской буржуазии; из 230 депутатов парламента 71 был избран от ВКП, 38 – СДПВ, 19 – профсоюзов, 16 – НКП, 55 – НПМСХ, 12 – БДП, а 19 депутатов являлись беспартийными. В правительстве, состоявшем из 12 человек, расстановка политических сил была примерно такой же. Первым премьер-мини-

стром народно-демократической Венгрии стал генерал Б. Миклош Далноки, который вместе с министром культуры и образования графом Г. Телеки и министром обороны генералом Я. Вёрёшем, представлял политические силы сошедшего с исторической сцены хорстистского режима. Коммунисты в правительстве имели три министерских портфеля, социал-демократы или мелкие хозяева – по два, а крестьянская партия – один. Беспартийные заняли четыре министерских поста.

Компартия, в конце 1944 г. еще довольно малочисленная (2,5 тыс. человек), активно взялась за пополнение своих рядов⁴ (главным образом за счет левых сил в СДПВ и переселившихся из Трансильвании, Югославии, Словакии и Закарпатья, а также вернувшихся из эмиграции венгерских коммунистов), становясь все более важной и влиятельной политической силой послевоенной Венгрии. Подтверждением этого стал стремительный рост численности ее членов (в феврале 1945 г. в ВКП насчитывалось почти 30 тыс. человек)⁵, организационное укрепление и возросшие политические возможности партии. После освобождения всей страны произошло слияние двух руководящих центров ВКП – подпольного и заграничного. Первый во главе с Я. Кадаром и Л. Райком в Будапеште осенью 1944 г. организовывал на оккупированных территориях акции антифашистского сопротивления. Второй после возвращения из московской эмиграции в ноябре 1944 г. приступил к обновлению сохранившихся парторганизаций, проверке лояльности их членов. Формированием нового Временного центрального руководства занялись прибывшие из Москвы в Сегед Э. Герё, М. Фаркаш, Й. Реваи и И. Надь. В декабре 1944 – январе 1945 г. уже была создана сеть территориальных организаций ВКП.

С освобождением столицы два центра ВКП 23 февраля 1945 г. объединились в единое Центральное руководство (ЦР) во главе с генеральным секретарем М. Ракоши, приехавшим из Москвы. После значительного перерыва (со времени партконференции, состоявшейся в 1930 г. в Апрелевке под Москвой) 20–21 мая 1945 г. в Будапеште было проведено первое всевенгерское совещание ВКП. Оно стало важным фактором растущей роли коммунистов в политической жизни государства. Это был период, когда между демократическими партиями развернулась борьба за овладение массами. Все они демонстрировали желание внести весомый вклад в дело послевоенных преобразований, восстановления разрушенного хозяйства, проведения земельной реформы. Однако уже тогда обнаружилось несовпадение интересов и целей партнеров по коалиции, появились разногласия в руководстве ВКП. Выяснилось, например, что вернувшиеся из московской эмиграции руководители партии во главе с Ракоши и Герё пренебрежительно и с подозрением относятся к работавшим в условиях подполья коммунистам. Это проявилось, в частности, на майском партийном форуме, где встал вопрос о сотрудни-

честве ВКП с другими политическими организациями. Леворадикальные настроения в партии начали выливаться в сектантскую нетерпимость и торопливость, в стремление скорее избавиться от “попутчиков” и перейти к установлению диктатуры. Подобные устремления были характерны и для некоторых руководителей СДПВ, например П. Юстуса⁶. В целом же руководство ВКП пока еще выступало за сотрудничество с партиями Национального фронта, хотя, скажем, в отношении Буржуазно-демократической партии уже предпринимались меры, направленные на ее вытеснение из коалиции демократических сил. В определенной степени об этом свидетельствовало майское совещание ВКП⁷.

В мае 1945 г. коммунисты реально оценивали ситуацию в стране и свои шансы в открытом столкновении политических сил и в целом. Это и сдерживало радикалистские настроения и не позволяло отказаться от идеи продолжительного, долговременного мирного демократического развития. Именно тогда руководитель социал-демократов А. Сакашич на основании бесед с Ракоши, Герё, Фаркашем и идеологом ВКП Й. Реваи утвердился в мысли об эволюционном переходе к социализму. Считалось, что социализму должен предшествовать мирный демократический этап “социальной революции”⁸, поэтому социал-демократы в унисон с руководством ВКП полагали, что в союзнической политике будут реализовываться общенациональные интересы. Казалось, обе партии в равной мере придерживались тогда лозунга “Сегодня – за демократию, завтра – за социализм”. Остальные демократические движения также поддерживали этот курс, в связи с чем принимали программные цели ВКП, не возражая против длительного демократического пути перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации. Несколько иначе представляли себе этот процесс руководители ВКП, вернувшиеся из советской эмиграции. Они дожидались подходящего момента, чтобы, укрепив свои позиции, попытаться мирным путем вытеснить из власти своих оппонентов, а если это не получится, перейти в открытое наступление против своих союзников. Существование национального фронта они считали кратковременным явлением и использовали в качестве тактического средства, рассчитывая отказаться от него при первом же удобном случае. Согласно утверждениям ближайшего соратника Ракоши, Золтана Ваша*, “Венгрия как в политическом, так и в экономическом отношении находилась в руках Москвы”. Компартия располагала своими людьми, внедренными в руководство СДПВ и других демократических партий.

* З. Ваш в 20-е годы вместе с Ракоши был осужден. Освобожденные в октябре 1940 г., они были обменены советским правительством на 56 гонимых знамен венгерской национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. и провели долгие годы в московской эмиграции, а после освобождения вернулись в Венгрию. На начальном этапе Ваш отвечал за продовольственное снабжение Будапешта.

Они помогали ВКП контролировать ситуацию в этих организациях и управлять ими. Коммунисты держали в своих руках МВД и некоторые другие ключевые министерства. ВКП до поры до времени не торопила события, не стремилась к захвату власти, она “делилась” ею и выжидала. Со знанием дела утверждая, что все зависело от позиции Москвы, З. Ваш подчеркивал: “Сталин считался с формальностями. Созданием коалиции мы доказывали Западу, что придерживаемся международных договоренностей, что правительство создано в результате выборов”⁹. Такой “медовый месяц”, характеризующий в целом относительно мирными, уравновешенными взаимоотношениями между различными партиями ВФНН, некоторое время еще сохранялся, но затем в этих взаимоотношениях стало появляться все больше проблем, множились признаки будущего противостояния.

На второй сессии Временного национального собрания, открывшейся в Будапеште 5 сентября 1945 г., присутствовали уже и депутаты, избранные от столицы и Задунайского края. Их участие увеличило состав законодательного органа до 498 человек. Среди депутатов существенно выросло число представителей НПСХ (с 56 до 122), что предвещало рост влияния этой крупнейшей политической партии¹⁰.

С приближением парламентских выборов, состоявшихся 4 ноября 1945 г., между партиями усилилось соперничество. ВКП, рассчитывая на свою возросшую численность, явно переоценила свои возможности и на предпарламентских муниципальных выборах в Будапеште 7 октября 1945 г. выступила в союзе с СДПВ, надеясь на внушительную победу левых сил. Лидеры ВКП полагали, что эти выборы станут генеральной репетицией, которая обеспечит им большинство на парламентских выборах и, следовательно, даст возможность образовать правительство левых сил. Они хотели продемонстрировать И.В. Сталину, что в Венгрии живы коммунистические традиции и симпатии, что рабочий класс проголосует именно за социализм. Муниципальные выборы, однако, продемонстрировали совсем иную картину. За общий список ВКП и СДПВ отдали свои голоса 42,7% избирателей, тогда как НПСХ получила 50%. Вспоминая об этом, член ЦР ВКП З. Ваш впоследствии в одном из интервью говорил: “Это была катастрофа. Мы были уверены, что выступление по единому списку вместе с социал-демократами принесет нам победу. Ракоши лично гарантировал Ворошилову*, что победа будет за нами. Первые вечерние сообщения подтверждали нашу надежду, и поэтому в 23 часа Ракоши, Герё, Фаркаш, Ревай и я в партийном центре уже распивали шампанское за победу. На рассвете наступило не только отрезвление, но

* К. Е. Ворошилов – Маршал Советского Союза, председатель Союзной контрольной комиссии (СКК) в Венгрии.

нас охватило и отчаяние. Ракоши смертельно побледнел, без единого слова упал на стул”¹¹.

Итоги выборов побудили ВКП сделать попытку убедить партию мелких сельских хозяев выступить на парламентских выборах общим списком, но те отвергли данное предложение. 4 ноября 1945 г. партии вышли на выборы самостоятельно, что и явилось настоящей проверкой реальной расстановки политических сил. Результаты выборов в Национальное собрание показали, что страна выбирала между двумя вариантами развития: народно-демократическим и возможным поворотом к советскому типу общественно-политического устройства. В ноябрьских парламентских выборах приняли участие 92,4% избирателей, отдавших за НПМСХ абсолютное большинство своих голосов – 57%, ВКП получила 17%, СДПВ – 17,4%¹². Даже вместе с Крестьянской партией левым удалось заручиться поддержкой всего 41% избирателей. Буржуазно-демократическая партия, которая в своих представлениях о будущем страны не выходила за рамки буржуазной демократии, под давлением коммунистов еще накануне выборов была вытеснена из Фронта независимости и на выборах получила лишь 1,6% голосов. В парламенте ей досталось всего два депутатских места. Венгерская радикальная партия во главе с Б. Жолтом, выступавшая с программой социалистической демократии, не сумела провести в парламент ни одного депутата. Как муниципальные, так и ноябрьские парламентские выборы принесли горькое разочарование коммунистам, рассчитывавшим на безусловную победу и поддержку со стороны населения. Но результаты голосования убедили ВКП в целесообразности дальнейшего сохранения союза демократических сил. Венгры проголосовали за народную демократию, чем огорчили Ракоши и его единоверцев, которые, в свою очередь, разочаровались в венгерском народе, не оправдавшем их ожиданий.

Результаты выборов позволили сохранить режим народной демократии, умерить леворадикальные устремления, но вместе с тем международные реалии и советское присутствие в Венгрии оказали сдерживающее воздействие на партию мелких сельских хозяев. Она не решилась самостоятельно формировать кабинет министров. В Венгрии по-прежнему можно было создать только коалиционное правительство, в котором по семь министерских портфелей имели НПМСХ и левые партии. Но главой кабинета все же стал бывший священник реформатской церкви Золтан Тильди (НПМСХ). Министерские посты были поделены на межпартийном совещании. Из семи мест, доставшихся НПМСХ в правительстве, лишь одно кресло занял видный политик этой партии Бела Ковач, который стал министром земледелия, остальные были отданы малоизвестным ее представителям. Председатель НПМСХ Ференц Надь, в отличие от лидеров ВКП М. Ракоши и СДПВ А. Сакашича, не вошел в правительство. Двое последних и И. Доби (представитель левого крыла

НПМСХ, по сути “скрытый” коммунист) стали государственными министрами с достаточно широкими полномочиями. Большие споры на указанном совещании развернулись вокруг поста министра внутренних дел, который коммунисты не пожелали уступить никому. В итоге это место сохранилось за ними. Кроме того, они получили еще два министерских портфеля. СДПВ достались три министерских поста, НКП – один.

Парламентские выборы в постоянное Национальное собрание и формирование кабинета З. Тильди привели к существенному изменению в расстановке политических сил в пользу коммунистов. Если в прежнем парламенте и правительстве правые были численно преобладающей политической силой, то теперь, несмотря на внушительную победу НПМСХ на выборах и сохранение парламентского большинства за ней, влияние этой партии в исполнительной власти ослабло. Коммунисты вместе с двумя левыми партиями существенно укрепили свои позиции в правительстве Тильди. Более того, они овладели в декабре 1945 г. и таким суперминистерством, каковым стал Главный экономический совет, курировавший фактически все экономические структуры Венгрии. Его возглавил коммунист З. Ваш.

Ноябрьские (1945 г.) парламентские выборы явились событием, знаменовавшим конец первого этапа истории венгерской народной демократии, который характеризовался широкой коалицией всех антифашистских сил. Состоялась проверка коалиции на прочность, завершилась проба сил, были выявлены реальные симпатии населения страны. В конечном счете подтвердилась его приверженность демократии, но при этом бывшие представители хортистского офицерства, аристократии и крупной буржуазии были вытеснены из власти.

В ходе обсуждения новой правительственной программы в декабре 1945 г. СДПВ подняла вопрос об изменении государственной формы правления, выступив за провозглашение Венгрии республикой. Предложение встретило поддержку ВКП, НКП, левого крыла НПМСХ, ее центра, возглавляемого Ф. Надем, а также представителя лидера партии З. Тильди. Все они ратовали за скорейшее провозглашение республики и избрание президента страны всенародным голосованием. 31 января 1946 г. избранное демократическим путем Национальное собрание Венгрии приняло закон № 1–1946, подчас называемый даже конституцией. Закон определил основные параметры новой венгерской демократии. Венгрия, до этого являвшаяся формально королевством, провозглашалась теперь республикой. В преамбуле закона были намечены пути демократического развития страны, закреплены права человека и важнейшие принципы жизни и деятельности демократического правового государства. Естественными, неотчуждаемыми правами граждан являлись “свобода личности, право на жизнь без эксплуатации, страха и лишений, свобода выражения мыслей и

мнений, право свободного вероисповедания, свобода союзов и собраний, право на собственность, на труд и достойное человеческое существование, на образование и участие в управлении государством и жизни самоуправления”.

Первым президентом Венгерской Республики (кандидатура была выдвинута коммунистами и поддержана СДПВ) 1 февраля 1946 г. был избран З. Тильди. На посту премьер-министра его заменил Ф. Надь. Полномочия президента Венгрии были более ограниченными, чем в традиционных буржуазных республиках. Парламентские выборы, замена “временных” органов власти постоянными государственными институтами явились переломным событием в развитии народно-демократического строя. Наряду с ними была осуществлена ликвидация крупных поместий и крупного капитала, проведена земельная реформа. Преобразования носили революционный характер и привели к необратимым изменениям, свидетельствующим о невозможности реставрации старых порядков. Сформировавшаяся система была поддержана всеми политическими силами. Казалось, что с провозглашением парламентской республики, созданием и упрочением ее институтов система народной демократии стала на путь долговременного, перспективного развития, отвечающего интересам всей страны.

В возникшей после парламентских выборов правящей коалиции ВКП и НПМСХ представляли противоположные политические полюса. Левые во главе с ВКП, образовавшие внутри коалиции “левый блок”, сохранили свои выгодные позиции, полученные ими еще на первом этапе утверждения народной демократии. НПМСХ, победив на выборах, улучшила свое положение в Национальном собрании. Такая расстановка сил свидетельствовала о наступлении этапа политического равновесия, продолжавшегося до осени 1946 г. Правда, это не означало наступления затишья в политической борьбе, хотя оба лагеря в интересах эффективного управления страной были вынуждены сотрудничать друг с другом и идти на взаимные уступки. Коммунисты, которые после выборов уже открыто заявляли, что времена “ухаживания” заканчиваются, предложили провести чистку государственной бюрократии, мотивируя ее необходимость тем, что среди чиновничества есть немало элементов, “не являющихся приверженцами демократии”. Лидеры НПМСХ вынужденно согласились на такую реформу административного аппарата. До октября 1946 г. из органов управления на различных уровнях было удалено 60 тыс. человек¹³. Это явилось реальной уступкой НПМСХ коммунистам, которые и без того контролировали положение на местах.

Следует учесть, что еще в правительстве Тильди такие важные посты, как министерство внутренних дел (Имре Надь) и транспорта (Эрнё Герё), возглавлялись коммунистами. К тому же по стране в целом в исполнительной власти и системе административного управ-

вления 62% должностей занимали члены ВКП и СДПВ, а НПМСХ была представлена всего 16%¹⁴. ВКП пользовалась реальной поддержкой и со стороны главы Союзной контрольной комиссии, а после парламентских выборов, как мы помним, овладела также Высшим экономическим советом. Эти позиции сохранились за ВКП и при правительстве Ф. Надя, когда левые развернули активное наступление против “реакции”.

С назначением 20 марта 1946 г. на пост министра внутренних дел коммуниста Л. Райка МВД взяло курс на свертывание политического плюрализма путем наступления на низовые ячейки общества. Начался разгон общественных, религиозных и просветительских объединений, действовавших на принципах гражданской самоорганизации снизу. Только в 1946 г. было расформировано около 1500 подобных обществ, союзов и ассоциаций¹⁵. Дело в том, что коммунистам пришла на помощь СКК, любые требования которой, как известно, подлежали немедленному исполнению. Летом 1946 г. в Будапеште имел место инцидент (подросток стрелял в советских солдат), после чего заместитель председателя СКК генерал-лейтенант В.П. Свиридов пригласил к себе Ф. Надя и потребовал принять энергичные меры с тем, чтобы исключить подобные случаи и гарантировать безопасность военнослужащих Красной Армии в Венгрии. Он передал премьеру письмо с упреками в адрес правительства с перечнем проступков молодежных организаций, проявлений недружественной пропаганды буржуазной печати и католических священников и потребовал проведения соответствующих действий. В письме рекомендовалось распустить союз бойскаутов, молодежные католические организации, в том числе насчитывавшее более 500 тыс. членов объединение сельских юношей (КАЛОТ), и очистить от правых молодежные союзы партии мелких сельских хозяев. Было предложено также уволить государственного секретаря юстиции З. Пфейффера и губернаторов – членов НПМСХ, придерживающихся правых взглядов, привлечь к ответственности отдельных депутатов парламента¹⁶. Свиридов просил МВД срочно составить перечень всех действующих в Венгрии общественных организаций, позаботиться о контроле над ними или принять меры по их запрещению в будущем.

Реальная опасность для новой демократии исходила не от политической борьбы в рамках парламента либо от преобладания правых в органах власти, а скорее, от леворадикальных сил ВКП. Именно они, опираясь на небезызвестный сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму и обладая приобретенным в советской эмиграции опытом, развернули кампанию под лозунгом защиты республики от внутренних “врагов”, спровоцировали обострение политической ситуации. Именно ими было начато преследование неудобных и неугодных политиков справа. Коммунисты все чаще прибегали к далеко не парламент-

ским приемам и методам борьбы, компрометируя и устраняя своих политических оппонентов, прежде всего из числа руководящих деятелей коалиционных демократических партий. Иными словами, если на начальном этапе народной демократии леворадикальные устремления не получили явственного выражения, а их носители еще придерживались демократических правил, то теперь наметился четкий курс на постепенное и методичное вытеснение из власти партнеров по коалиции. Одним из характерных инструментов этого стала своеобразная тактика индивидуального “разоблачения” и избавления от наиболее популярных лидеров демократических партий (в венгерской историографии она получила наименование “тактика нарезки салами”). В ней проявилось целенаправленное стремление очистить все политическое пространство для грядущей однопартийной системы.

Главным препятствием на пути к диктатуре была НПСХ. Поэтому коммунисты стали действовать в направлении вытеснения из ее среды сил, открыто противостоявших ВКП. Об этом свидетельствует случившееся с представителем правого крыла партии мелких сельских хозяев Д. Шуйоком. После избрания 2 февраля 1946 г. Тильди президентом политсовет НПСХ именно этого известного деятеля партии намеревался выдвинуть на пост премьер-министра, но Ракоши при поддержке Сакашича и содействии Ворошилова тогда сумел помешать этому. Вскоре, 12 марта 1946 г., когда уже началось целенаправленное расшатывание НПСХ, Д.Шуйок вместе с 20 членами партии, депутатами парламента по требованию коммунистов был исключен из ее рядов. Эти депутаты во главе с Шуйоком 26 ноября образовали первую, выделившуюся из НПСХ самостоятельную партию-наследницу, Партию венгерской свободы, которая ввиду преследований не смогла полностью развернуться и вскоре прекратила свое существование. В следующем году данная группа депутатов была вынуждена прекратить свою работу и в законодательном собрании. Покидая 1 июля 1947 г. под давлением коммунистов парламент и обращаясь к ним, Шуйок сказал: “Да, мы полностью и непримиримо отличаемся друг от друга, ведь мы сторонники демократии, которая базируется на свободе личности, вы же приверженцы рабства, которое строится на тотальной экономической и государственной системе”¹⁷. Он был противником абсолютизации и всеислия государства, что, по его мнению, “приведет к отмиранию гражданского общества”¹⁸. Шуйоку 14 августа 1947 г. пришлось покинуть Венгрию, он был лишен венгерского гражданства.

Случай с Шуйоком убедил коммунистов в эффективности своей тактики “нарезки салами”, и они не отказались от дальнейшего ее применения. Ведь наряду с внедренным в НПСХ и возглавившим ее левое крыло И. Доби оставались руководители и определенная часть членов партии, которые не разделяли его взглядов. Это давало возможность дальнейшей “нарезки” вплоть до сохранения в пар-

тии одного лишь левого крыла. Таким образом из партии были “убраны” и другие лидеры, включая руководителей центристского крестьянского крыла.

В конце 1946 г. в Венгрии разразился своеобразный политический кризис, свидетельствующий о наступлении нового этапа в истории венгерской народной демократии. Он характеризовался еще большим усилением давления коммунистов на НПСХ. Дело в том, что осенью состоялся III съезд ВКП, прошедший под знаком массивного наступления на капитал и лозунгом “Врагов народа вон из коалиции!”¹⁹ На съезде звучали призывы к установлению рабочей власти, к строительству социализма, правда, еще на основе многопартийной модели и без диктатуры пролетариата. Это был явный намек на ревизию строя народной демократии. Идеолог ВКП Й. Реваи, в частности, констатировал, что страна находится на распутье, стоит перед выбором пути дальнейшего развития. Л. Райк выразил недовольство тем, что “мы остановились на полпути, мы уже не просто буржуазная демократия, но еще и не народная демократия; такое половинчатое состояние не может быть безнаказанным, и мы должны решить, чего хотим”²⁰. Так или иначе ставился вопрос о власти, об изменении политического строя.

Центристские силы НПСХ (Б. Ковач, Б. Варга, Н. Надь), от которых лидеры ВКП требовали развернуть критику правых в партийных рядах, наоборот, подвергли критике левое соглашательское крыло своей партии за тесное сотрудничество с коммунистами. Стремясь остановить напор ВКП, “мелкие хозяева” напомнили о том, что если коммунисты не удовлетворены своим участием во власти в соответствии с полученными ими на выборах 17%, то НПСХ вообще может отказаться от сохранения коалиции и править самостоятельно.

В ответ подконтрольные ВКП силовые ведомства (отдел госбезопасности МВД во главе с Г. Петером и отдел армейской контрразведки под руководством Д. Палффи) провели основывающуюся на ложных, сфабрикованных обвинениях акцию по разоблачению так называемого антиреспубликанского заговора, которая хотя и косвенно, но была направлена именно против НПСХ. Предваряя анализ мотивов предпринятой коммунистами акции, обратим внимание на ряд возможностей, которыми ВКП располагали в существовавших исторических условиях. Компартия и ее руководство представляли в Венгрии особую, наиболее организованную силу, воспитанную на идеях Коминтерна, знакомую с методами пропагандистского воздействия на массы. Эта партия, как отмечалось выше, выжидала, внешне принимая правила демократии и парламентских форм борьбы, но ее лидеры были уверены в том, что настанет час, когда будет устанавливаться власть советского образца. Коммунисты готовились к этому, пробуя свои силы и возможности. Как уже говорилось, был короткий период, когда казалось, что задача установле-

ния однопартийного режима отодвигается на далекую перспективу, и поэтому ВКП органически встроилась в демократическую коалиционную систему новой власти, реально контролируя при этом важнейшие сферы государственного механизма. Пользуясь покровительством и всемерной поддержкой присутствовавших в стране советских оккупационных войск, остававшихся там до подписания мирного договора, ВКП имела преимущество по сравнению с другими партиями. Политическая практика показала, что постоянная и безусловная поддержка со стороны представителей СКК позволяла коммунистическим деятелям эффективно влиять не только на общеполитическую атмосферу, но и на решение проблем устранения своих соперников в рядах других коалиционных партий. Учитывая комплекс этих факторов и полный контроль коммунистов над силовыми ведомствами, видный венгерский философ Д. Лукач (кстати, овладевший своей профессией в СССР) констатировал, что власть, “которая утвердилась в 50-е годы, с самого начала была диктатурой, и не правда, что ей предшествовал демократический период”²¹.

В словах Лукача, разумеется, есть доля правды. Ведь народно-демократический строй 1945–1947 гг. в самом деле был ограниченной и в значительной степени контролируемой коммунистами государственной системой. Но по состоянию на начало 1947 г. ее все же можно было назвать демократией, или, по крайней мере, попыткой установления оной. Устремления двух определяющих политическое развитие Венгрии партий – ВКП и НПМСХ – были разными: коммунисты, заручившись поддержкой левых сил, намеревались превратить демократию в диктатуру от имени пролетариата, а “мелкие хозяева” стремились сохранить установившийся строй с элементами буржуазной демократии. Несовпадение целей раньше или позже должно было привести к столкновению. Коммунистов торопило время: приближалось подписание мирного договора, после чего советские войска и СКК должны были покинуть страну. Для ВКП было важно успеть воспользоваться этой опорой и, укрепив позиции, расправиться с НПМСХ.

Молодая и слабая венгерская демократия не смогла противостоять левоэкстремистским поползновениям. Лидеры ВКП, манипулируя массовым сознанием, сумели направить развитие страны на путь ее свертывания. Практически это означало, что все либеральные силы в Венгрии не смогли, да и не успели окончательно консолидироваться. Новая система зародилась, но не сумела окрепнуть, оставшись в истории как кратковременный период коалиционного правления, переходная стадия к тоталитарному режиму советского типа.

Венгерская республика с ее многопартийностью начала разрушаться, трансформироваться именно в результате активных действий ВКП. Компартия сумела реализовать свои цели благодаря контролю над органами госбезопасности, а также потому, что она была партией нового типа, основывавшей свою деятельность на принци-

пе демократического централизма в сочетании с железной дисциплиной. Этот определяющий признак организации сохранился, несмотря на стремительный рост рядов ВКП, несколько “разбавивший” боевой отряд коммунистов*. В открытую конфронтацию с ВКП опасалась вступать даже влиятельная НПМСХ. В ноябре 1946 г. Й. Реваи отмечал, что, хотя лидеры этой партии и являются “бархатными”, “эта компания сильна и развалится лишь тогда, когда мы ударим по ней, а мы ее чистку начнем”²³. Проблему “расшатывания” других партий, и прежде всего НПМСХ, коммунисты решали в 1946–1948 гг. весьма успешно.

С осени 1946 г. в условиях начавшегося охлаждения международного климата силовые ведомства, руководимые Г. Петером и М. Фаркашем, активизировали аппарат политического сыска. Последний входил в самую узкую группу партийной верхушки ВКП, принимавшую все важнейшие решения, в том числе о преследовании неугодных политических лидеров. Специально сфабрикованные политические процессы берут свое начало с упомянутого “заговора против республики”. Первым в ряду этих процессов было “дело” Венгерского сообщества, членам которого приписывалась организация антиреспубликанского заговора. Эта задуманная ракошистами акция была направлена также на дискредитацию лидеров НПМСХ.

Нелегальную “антиреспубликанскую” организацию органы безопасности раскрыли в середине декабря 1946 г. 5 января 1947 г. газеты сообщили о разоблачении “военного заговора”, организованного якобы Венгерским сообществом во главе с генерал-майором Л. Далноки-Верешем, депутатами парламента Д. Донатом, Д. Сентивани, Б. Аранем и др. Отмечалось, что эта организация осуществляла свою деятельность со второй половины 1946 г. В действительности Венгерское сообщество было создано еще в период войны с целью противостояния гитлеровской оккупации. В послевоенных условиях организация уже не функционировала и, следовательно, не могла помышлять о подготовке мятежа. Названных депутатов парламента обвинили в попытках восстановить королевство и вернуть на свой пост регента М. Хорти. Было арестовано несколько сот “заговорщиков”. Среди них сначала почти не было членов НПМСХ, но следствие добавило к материалам дела компрометирующие признания на них, преднамеренно вовлекая в орбиту дознания знакомых или приближенных премьера Ф. Надя и депутатов от НПМСХ. В марте стало известно о раскрытии террористической организации, якобы

* В мае 1945 г. в ее рядах уже было 150 тыс., а в октябре – почти полмиллиона членов. Этот рост во многом достигался за счет люмпенизированной части общества. Прием в ВКП в интересах роста ее силы и популярности был существенно облегчен, в результате чего немало бывших нилашистов (рядовых членов профашистской партии прежних времен) оказались в рядах ВКП, таким способом они намеревались уйти от ответственности²².

обосновавшейся в горах Баконь. Одновременно в городах и местечках коммунисты организовывали митинги и шествия, участники которых требовали привлечь к ответственности “заговорщиков”, очистить НПСМХ от “реакционных элементов”, лишить депутатской неприкосновенности членов парламента, якобы причастных к заговору. Эти акции “стихийного протеста и народного возмущения” сопровождались шумной пропагандистской кампанией, в ходе которой ВКП объявлялась главным центром борьбы с реакцией, “мотором демократического развития”. Д. Донат на процессе по делу Венгерского сообщества в своем последнем слове, отвечая на обвинения, сказал, что в Венгрии существует организация, которая действительно покушается на демократию. Эта организация уже захватила “все важные места в венгерской общественной жизни, имеет свои вооруженные отряды... и несоразмерно своей численности оказывает воздействие на венгерскую политическую жизнь”. “Мы знаем и ее идеологию, – заявил Донат, явно намекая на ВКП. – Она учит, что пролетариат должен захватить власть насильственным путем”²⁴. Главные фигуранты этого первого сфабрикованного политического процесса понесли суровое наказание. Донат был приговорен к смертной казни, Далноки – к пожизненному заключению, остальные – к 10–12 годам принудительных трудовых работ в лагерях²⁵.

Расправа с Венгерским сообществом стала началом фронтального наступления на НПСМХ. Подконтрольные ВКП средства массовой информации затрубили сначала об ответственности генерального секретаря НПСМХ Б. Ковача, а затем и самого премьера Ф. Надя, требуя от него сделать политические выводы. ВКП одновременно поставила вопрос о привлечении к уголовной ответственности Б. Ковача, поскольку подчиненные ей органы дознания путем пыток и шантажа заполучили компромат на него. Б. Ковач добровольно явился в политическую полицию, надеясь снять с себя и с партии все подозрения и помешать попыткам насильственного развала партии мелких сельских хозяев. На очной ставке перед ним предстали “избитые, измученные подозреваемые”, которые твердили лишь вложенные в их уста слова о том, что именно он является руководителем заговора²⁶. Ковач, желая уберечь арестованных от дальнейших побоев, не стал отрицать эти “признания”.

Протоколы допросов арестованных, которые Ракоши предъявил Ф. Надю и его заместителю по партии, председателю парламента Б. Варге, заставили их задуматься о целесообразности замены Ковача на посту генерального секретаря НПСМХ. 19 февраля 1947 г. на его место, после острой дискуссии в руководстве партии, был назначен Иштван Балог, а Ковач отправлен в отпуск. Когда же сведения о подлинных методах работы органов безопасности и дознания стали известны парламенту, тот не дал согласия на лишение Ковача депутатской неприкосновенности. Этот отказ один из депутатов от НПСМХ обосновывал следующим образом: “С глубокой

болью мы убеждаемся в том, что оклеветаны те наши товарищи, у которых одна с нами судьба, которые рождены крестьянскими отцами и матерями с мозолистыми руками. Сегодня – Белу Ковача, а завтра потребуют Ференца Надя”. В заключение оратор сказал, что депутаты от крестьянства будут выступать против “любых стремлений, направленных на насильственное разрушение Партии мелких хозяев”. Ковач отверг предложение своих друзей уехать за границу, хотя понимал возможные последствия этого. “Мы предстанем пред судом, чтобы вернуть правду, – заявил он. – Мы хотим, чтобы все увидели наконец: для коммунистов демократия означает диктатуру пролетариата, а коалиция – коммунистическую власть”²⁷. Казалось, старания коммунистов были напрасны. Но Ракоши не сдавался. Он обратился за помощью к советским оккупационным властям с просьбой о содействии и не ошибся в своих расчетах. 25 февраля 1947 г., т. е. уже после подписания Парижского мирного договора, в котором суверенитет Венгрии получил окончательное подтверждение, депутат венгерского парламента Б. Ковач был арестован советскими военными властями. Многократные аргументированные обращения генерального секретаря НПМСХ к генералу Свиридову с просьбой освободить Ковача не дали результатов. Ковач был вывезен сначала в Австрию, а затем в СССР. В советском ГУЛАГе он находился до 1955 г. и вернулся на родину тяжело больным*.

Арест генсека самой крупной коалиционной партии, несмотря на его парламентскую неприкосновенность, сделал очевидным тот факт, что демократии в Венгрии пришел конец. США направили СССР две ноты протеста, поддержанные Великобританией. В них ВКП была обвинена в попытке “овладеть властью неконституционными методами” и говорилось об угрозе существованию демократии в стране. Приспособленческий, соглашательский курс, характерный для тогдашнего руководства НПМСХ (З. Тильди, Ф. Надь), не помог защитить интересы партии и в итоге привел к ее полному краху. В такой ситуации центрист, премьер-министр Ф. Надь все больше терял внутривластное влияние и личный авторитет. Весной 1947 г. из НПМСХ начался отток членов. Ее покинули около 50 депутатов парламента. Процесс распада партии ускорился. Тактика “нарезки салями” оказалась эффективной. В руководстве НПМСХ окрепла позиция прокоммунистического левого крыла. Расправа над Ковачем позво-

* 8 ноября 1955 г. советские органы передали Б. Ковача венгерским властям, которые освободили его только 2 апреля 1956 г. Небезынтересно отметить, что в октябре этого года в условиях возрождавшейся в Венгрии многопартийности А.И. Микоян и М. А. Суслов предлагали И. Надю включить этого “надежного мелкобуржуазного демократа” в состав правительства, чтобы он своим авторитетом способствовал укреплению власти. Позже за участие в правительстве Ковач снова был привлечен к ответственности. В 1989 г. Верховный суд Венгрии полностью реабилитировал его.

лила ВКП сделать очередным шагом к изгнанию из политической жизни целого ряда видных венгерских оппозиционных лидеров. Среди персон нон-грата оказался член руководства НПМСХ З. Пфейффер, который призвал руководство своей организации отказаться от соглашательского курса, защитить своих членов и оказать сопротивление действиям ВКП. За это 10 марта 1947 г. он был исключен из партии*. В знак протеста против ареста Б. Ковача ушел из НКП заместитель ее председателя, депутат парламента, видный антифашист Имре Ковач.

С арестом Б. Ковача окончательно развеялись иллюзии о возможностях укрепления демократии в Венгрии. Осенью 1947 г., когда газеты ВКП начали обвинять видных политиков партии мелких сельских хозяев в “заговоре с целью уничтожения демократии”²⁸, многие из них предпочли эмигрировать на Запад.

Руководство ВКП после ареста Б. Ковача решило не ослаблять нажим на НПМСХ, используя в этих целях административные методы и средства. 25 мая 1947 г. Ракоши публично заявил, что “антидемократический заговор” Венгерского сообщества еще не до конца раскрыт и что “еще осталось много лиц на руководящих постах, которые оказывали поддержку заговорщикам либо были недостаточно бдительны”²⁹. Это был новый призыв нанести сокрушительный удар по лидерам партии мелких хозяев, и время для него было выбрано удачно – Ф. Надь 14 мая уехал в отпуск в Швейцарию, и партия практически осталась без руководителя. Перед отъездом Надь отправил письмо руководству СССР с ходатайством о возвращении Ковача на родину. Просьба была отклонена под предлогом незавершенности следствия. Но ответ содержал и некоторые упреки по адресу самого премьера, которые и были использованы Ракоши в качестве повода для наступления на Ф. Надя. Будучи заместителем главы правительства, исполнявшим обязанности премьера в его отсутствие, Ракоши провел на заседании правительства решение с предложением премьеру прервать свой отпуск и срочно вернуться в Будапешт для выяснения затронутых в советском письме вопросов. Новый генсек НПМСХ И. Балог и руководство партии дали на это согласие. Но Ракоши форсировал события и потребовал, чтобы Ф. Надь подал в отставку. Получив извещение президента и министра иностранных дел с просьбой вернуться домой и объясниться, Надь собрался было в дорогу, но, заехав по пути в Женеву, получил новое сообщение от соратников по партии о том, что коммунисты обвиняют его в соучастии в “заговоре” и требуют его ухода с поста

* З. Пфейффер в конце июля 1947 г. создал Партию венгерской независимости под лозунгом “За чистую демократию”, которая провозглашала принцип “социализма на евангельской основе и свободу личности”, но она, как и другие партии, в условиях наступления на демократию не имела шансов окрепнуть.

премьер-министра. Надь был предупрежден также, что по прибытии в Будапешт он может быть арестован. После этого он предпочел “добровольно” остаться в эмиграции и согласился подать в отставку, выдвинув лишь одно условие – чтобы к нему привезли сына с воспитательницей. Просьба была выполнена, и 2 июня 1947 г., подписав на капоте прибывшей из Будапешта машины документ о “получении сына”, Надь ушел в отставку. В письме президенту о сложении с себя полномочий он заявил о своей непричастности к так называемому антиреспубликанскому заговору. Как следует из некоторых дипломатических документов, Надь понял – ничто не сможет спасти его от репрессий со стороны коммунистов, решивших вести курс на установление диктатуры. По убеждению бывшего премьера, Ракоши при поддержке советских представителей (заместителя председателя СКК В.П. Свиридова и посла СССР в Венгрии Г.М. Пушкина) заранее и тщательно подготовил правительственный кризис и еще до отъезда Надя в отпуск знал, что “признания” Б. Ковача помогут в реализации этого плана. Цель была во что бы то ни стало приписать Надю участие в “антиреспубликанском заговоре”³⁰.

События в Венгрии вызвали международный резонанс, особенно после того как Надь решил выехать из Швейцарии в США, где его старший сын находился на дипломатической службе. Американские сенаторы назвали отстранение Надя от власти коммунистическим путчем и потребовали вынести дело на обсуждение ООН³¹. Для этого через американскую и английскую миссии в СКК были запрошены копии документов и на Б. Ковача. Президент США Г. Трумэн на своей пресс-конференции назвал положение в Венгрии страшным, а случай с Надем – позорным. Он заявил, что госдепартамент США не намерен смотреть сквозь пальцы на происходящее в Венгрии³². США хотели использовать случившееся для осуждения восточноевропейской политики СССР, но в конце концов вопрос был спущен на тормозах и снят с повестки дня. Вашингтон ограничился тем, что на заседании Совета Безопасности ООН 21 августа 1947 г. блокировал принятие Венгрии в эту международную организацию, чтобы СССР не получил там дополнительного голоса.

В самой Венгрии тем временем продолжалось массированное наступление на НПМСХ. Очередной жертвой кампании стал член ее руководства председатель Национального собрания Б. Варга. Выходец из крестьянской семьи, сельский католический священник, он затем поднялся до уровня политика государственного масштаба. В 1943 г. Варга был инициатором создания столичной партийной организации. Ракоши не мог ему простить, что в канун парламентских выборов 1945 г. именно по его настоянию руководство НПМСХ отказалось принять предложение коммунистов о едином списке кандидатов, хотя на этом настаивал и К.Е. Ворошилов. В ию-

не 1947 г. Варга был вынужден уйти со своего поста в парламенте и эмигрировал в США*.

В стране все более набирали силу и становились “государством в государстве” подконтрольные ВКП силовые ведомства, в том числе отдел МВД по борьбе с внутренней реакцией. Этот орган занимался сбором компромата на лидеров демократических партий. Согласно воспоминаниям бывших работников отдела, они лично от Ракоши получали указания о прослушивании как деловых, так и частных телефонных разговоров, премьер-министра И. Надя, членов его семьи и личного секретаря. За работу по сбору таких данных ведущий работник отдела, сын М. Фаркаша Владимир, получил повышение в декабре 1947 г. и стал полковником следственного отдела. Этот чекист впоследствии детально описывал, как добывались сведения о положении дел в разных партиях, фабриковались “дела” с целью проведения различных процессов, как способствовал отдел приходу к власти коммунистов³³.

В ослаблении НПМСХ свою роль сыграл и президент З. Тильди, все больше уступавший давлению ВКП. По утверждению лидера левого крыла партии И. Доби, Тильди с радостью воспринял перемены, происшедшие после освобождения страны, приветствовал становление системы народной демократии³⁴. Он не возражал против участия коммунистов в коалиции, признавал программу Фронта независимости, поддерживал курс на земельную реформу и национализацию крупной промышленности. Будучи реалистом в политике, Тильди положительно оценивал и поддерживал новую внешнеполитическую ориентацию Венгрии. Он считал важным восстановление независимости страны и понимал, что это недостижимо без нормальных взаимоотношений с СССР. Президент стремился обеспечить поддержку НПМСХ со стороны СССР, но это ему не удалось. Он обещал, что даже после вывода советских войск из страны Венгрия не будет проводить антисоветскую политику. Став в феврале 1946 г. первым президентом Венгерской Республики, Тильди способствовал реализации именно такого курса. Находясь на левом крыле НПМСХ, Тильди и его окружение (И. Доби, Д. Ортутаи) пользовались поддержкой прежде всего беднейших и средних слоев венгерского крестьянства, мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции. С центристскими силами в руководстве партии (Ф. Надь, Б. Ковач), представлявшими середняков и состоятельных крестьян, а также городских мелких хозяев, у него не было гармоничных отношений, в них наблюдались постоянные противоречия.

* В 1990 г. по приглашению премьер-министра Венгрии И. Анталла 87-летний Б. Варга приехал в страну, чтобы открыть заседание первого посткоммунистического парламента и продемонстрировать тем самым преемственность демократии 40-х и 90-х годов. Варга в 1991 г. вернулся на родину, где и скончался в октябре 1995 г.

З. Тильди в 1946–1947 гг. проводил политику, направленную на достижение компромисса, на сохранение баланса сил. В ноябре 1945 г., когда на выборах в парламент НПСМХ одержала победу, а правое крыло партии добивалось образования правительства с преобладанием в нем членов НПСМХ, именно по предложению Тильди министерские портфели были разделены поровну между партией мелких хозяйев, с одной стороны, ВКП и левыми партиями – с другой. В марте 1946 г. он рекомендовал своей партии выполнить требования левого блока и пойти на уступки в интересах сохранения коалиции. В политической борьбе вокруг Венгерского сообщества президент пытался играть роль посредника. Он просил Ракоши и других лидеров ВКП не накалять искусственно политическую обстановку и не вовлекать в круг “заговорщиков” невинных деятелей НПСМХ. Вместе с тем он убеждал Ф. Надя не защищать тех членов партии, против которых будут найдены “весомые доказательства их участия в заговоре”. Тильди отмолчался и тогда, когда Надь решительно выступил в защиту Б. Ковача (президент недолюбливал Ковача за прямоту, бескомпромиссность и вспыльчивость)³⁵, а после их вынужденной отставки и эмиграции Тильди отмежевался от обоих центристских политиков. Позже президент поддержал в НПСМХ левых, прокоммунистически ориентированных деятелей во главе с Доби.

Тильди слишком поздно осознал суть происшедшего. Крупнейшая демократическая партия страны оказалась полностью дискредитированной, и президент уже не смог помешать проведению досрочных парламентских выборов в августе 1947 г., инициированных коммунистами и завершившихся катастрофическим поражением НПСМХ.

Методичное отстранение от власти руководящих деятелей НПСМХ ослабило партию, лишило народную демократию ее важнейшей опоры. Карликовые политические образования, созданные вышедшими из НПСМХ людьми, уже не могли помешать Ракоши и его сторонникам встать у государственного руля. Развернув подготовку к новым парламентским выборам, ВКП торопилась, ведь мирный договор с Венгрией был подписан 10 февраля 1947 г. СКК свертывала свою деятельность, готовился вывод части советских войск из страны*, что означало потерю компартией могущественной поддержки. По настоянию левого блока были внесены существенные изменения в закон о выборах (они были разработаны коммунистами во главе с Л. Райком)³⁶, сократившие число граждан, имеющих право голоса, примерно на 10%. Его были лишены члены руководства довоенных партий и организаций правого толка, лица, попавшие по политическим причинам в список неблагонадежных (так называе-

* На самом деле ограниченный контингент советских войск оставался в Венгрии до подписания договора с Австрией в мае 1955 г., а затем на основании соглашения в рамках Варшавского договора. Окончательный вывод войск состоялся в июне 1991 г.

мый список Б), немцы, которым предстояло выселение из страны, а также переселенные из Чехословакии венгры.

Накануне выборов коммунисты еще были заинтересованы в сохранении коалиции, включавшей, наряду с ВКП, СДПВ, НКП и НПМСХ. Компартия теперь могла открыто провозгласить курс на социализм без гражданской войны, поскольку получила поддержку “левых” в рядах СДПВ (А. Сакашич, Д. Марошан), НКП (Ф. Эрдеи, Й. Дарваш, П. Вереш), НПМСХ (И. Доби, Д. Ортутаи). Центристские же силы этих партий выступали за крестьянско-мелкобуржуазную демократию. Три новые политические организации, возникшие на развалинах НПМСХ, перешли в оппозицию и участвовали в выборах самостоятельно под лозунгами буржуазной демократии*.

Состоявшиеся 31 августа 1947 г. выборы в парламент, прошедшие со значительными нарушениями, продемонстрировали укрепление позиций коммунистов. ВКП получила 22,3% голосов, заняв таким образом первое место среди 11 прошедших в парламент партий. За НПМСХ, оказавшуюся на третьем месте, проголосовали лишь 15,4% избирателей. Она получила на 2 млн голосов меньше, чем в 1945 г., хотя вместе с партиями-наследницами результат был почти прежним. На второе место вышла одна из таких организаций, Демократическая народная партия, получившая 16,4% голосов³⁷, остальные партии—“выходцы” из НПМСХ, в частности Партия венгерской независимости (13,4%) и Независимая венгерская демократическая партия (5,2%), также добились относительно неплохих результатов. Успехи этих движений укрепили, однако, уже не коалицию, а лагерь оппозиции. С учетом голосов остальных трех буржуазных партий внекоалиционные силы собрали в целом более 39% голосов, что свидетельствовало о все еще значительном влиянии их идей среди населения. Правда, разобщенность этих организаций позволила в дальнейшем легко расправиться с ними.

В левом блоке партий также произошла поляризация сил, и он в мае 1947 г. фактически перестал существовать. В ходе предвыборной кампании социал-демократы попытались оказать сопротивление компартии. Небезынтересно отметить, что правое крыло СДПВ открыто потребовало от своего руководства партии выйти из коалиции. 3 августа, когда еще шел подсчет голосов, лидеры ранее выделившихся из НПМСХ партий (З. Пфейффер, И. Балог, И. Бранкович) также пытались убедить ее председателя И. Доби создать новое партийно-политическое объединение, которое бы могло взять исполнительную власть в свои руки. Но Доби решительно отклонил их предложение. Итак, по сравнению с 1945 г. новые парламентские выборы выявили резкое падение престижа и поддержки населением НПМСХ (с 57,4 до 15,4%).

* Созданная депутатами парламента четвертая партия – Партия свободы – в июне 1947 г. заявила о своем роспуске и не участвовала в выборах.

Своеобразным сюрпризом выборов стала потеря СДПВ части своих избирателей (с 17,4 до 14,9%). Социал-демократы оказались лишь на третьем месте, в то время как центристская буржуазная Демократическая народная партия вышла на второе.

В Государственном собрании (это традиционное название венгерского парламента было теперь восстановлено) партии коалиции – ВКП, НПСМХ, СДПВ и НКП – имели теперь 271 мандат, а оппозиционные правые силы – 140.

Успеху ВКП на выборах способствовали так называемые синие бюллетени, инициатором использования которых был М. Фаркаш. Поскольку новый закон о выборах разрешал голосование не только в местах постоянного жительства, руководство ВКП при содействии МВД и Главного экономического совета напечатало лишние синие бюллетени и снабдило ими 12 тыс. активистов партии. Министерство транспорта выделило для них грузовики, на которых активисты проехали по стране и в 4 729 избирательных округах проголосовали повторно. Таким способом планировалось набрать 200 тыс. дополнительных голосов. Хотя данную идею в полной мере реализовать не удалось, за ВКП было отдано на 300 тыс. голосов больше, чем в 1945 г.³⁸

После выборов коммунисты не могли отказаться от коалиции, поскольку они не могли обойтись без НПСМХ. Только вместе с нею набиралось коалиционное большинство (60,9%) в парламенте. Следовательно, от позиции партии мелких сельских хозяев по-прежнему зависело много при формировании новых органов власти. Благодаря стараниям И. Доби коалиция была сохранена. В сформированное 23 сентября 1947 г. новое правительство Л. Диннеша (НПСМХ) вошли пять министров-коммунистов, по четыре – от социал-демократов и партии мелких сельских хозяев и два – от НКП³⁹. Решающая роль во всех ветвях власти осталась за коммунистами, они сохранили свои позиции в силовых органах и административном управлении. Теперь левые могли беспрепятственно проводить в жизнь любые свои решения, воздействуя в нужном им направлении на политическую жизнь страны. После выборов лидеры компартии отказались от диалога с союзниками по коалиции и с венгерским обществом в целом. Отныне они диктовали свою волю.

С лета 1947 г. народная демократия вступила в последнюю, завершающую, стадию своего развития, которая характеризовалась формальной коалиционностью и видимостью демократизма. Во всех партиях коалиции брали верх левые, коммунистические или прокоммунистические силы, поддерживавшие курс ВКП на построение социализма. На деле же ВКП полностью контролировала ситуацию, все более откровенно подчиняя себе остальные партии, ограничивая на практике их возможности и вытесняя на периферию политической жизни.

Резкий поворот ВКП в отношении к своим союзникам, фактически окончательный разрыв с коалиционной политикой, т.е. отказ от

плюралистического характера народной демократии, по сути означавший переход к копированию сталинской модели социализма, начался сразу же после парламентских выборов в сентябре 1947 г. Это было время создания Коминформбюро, что явилось сигналом к полному свертыванию народной демократии. Началась эпоха фронтального наступления на демократию, и не только в Венгрии, но и во всем регионе. Наступил этап утверждения однопартийной политической системы советского образца, хотя еще и в 1948 г. среди коммунистов имели место колебания и разные мнения относительно сохранения или смены системы народной демократии.

Идеолог ВКП Й. Ревай, например, считал целесообразным сохранить многопартийность, усматривая в ней самую удобную форму связи рабочего класса с остальными слоями населения. Э. Герё после утверждения парламентом правительственного законопроекта о национализации крупных банков в ноябре 1947 г. уже заговорил о первых успехах социалистических преобразований. “Наша страна уже идет не капиталистическим путем, она перешла рубикон между буржуазной и народной демократией”, – отмечал он, добавив, что начался процесс формирования “основ по сути социалистической, хотя еще не последовательно социалистической, экономической системы”⁴⁰.

В позициях лидеров ВКП обозначились явные расхождения. Это объяснялось то ли степенью их информированности, то ли относительной самостоятельностью мышления. Так или иначе, еще не сформировалось общего взгляда на проблему перехода к социализму. Представляется, что наиболее уверенно и со знанием дела о перспективах развития “народной демократии” говорил сам Ракоши. Выступая в марте 1948 г. на совещании секретарей коммунистических организаций Будапешта, он разъяснял, что в будущем четкую структуру сохранит только ВКП, Венгерский фронт национальной независимости превратится в Народный фронт со “строго централизованной организацией, ядром которого станет компартия, сплачивающая вокруг себя остальные партии”, а “что касается существующих правых... и реакционных, то мы сами позаботимся, чтобы они исчезли”⁴¹. Согласно Ракоши, оставшиеся политические партии не будут иметь своих ячеек по стране, хотя на некоторое время еще сохраняют их в столице. Разумеется, сказанное им предназначалось исключительно для ориентации столичного актива ВКП.

По мере того как коалиционные партнеры становились все более послушными, под предлогом “восстановления организационного единства рабочего класса” готовилось “поглощение” компартией СДПВ. Оно и стало знаковым событием на пути преднамеренного свертывания многопартийной структуры, а следовательно, всей еще существовавшей системы народной демократии. Предстояло силовое объединение СДПВ и ВКП. Левый “социал-демократ” Д. Марошан, приложивший к этому немало сил, уже осенью 1947 г. призвал скорее покончить с “двусмысленностью” и начать процесс объединения двух пар-

тий, ибо “будущее можно и нужно представлять исключительно в объединении”⁴². С этого времени деятельность левых лидеров СДПВ фактически уже направлялась ВКП. Коммунисты развернули усиленную пропагандистскую работу в социал-демократической среде, дискредитируя популярных правых и центристских лидеров СДПВ. ВКП и ее союзники из числа актива СДПВ во главе с Марошаном и при поддержке генсека СДПВ А. Сакашича активно занялись применением тактики “нарезки салами” теперь уже в рядах социал-демократов.

Стараниями Марошана на заседаниях будапештского исполкома СДПВ 31 декабря 1947 г. и 18 февраля 1948 г. были исключены из руководства, а затем из партии такие лидеры, как Ф. Седер, А. Кетли, И. Селиг, А. Бан. Они хотели сохранить самостоятельность организации и сопротивлялись ее слиянию с ВКП. Вслед за ними десятки тысяч членов партии были исключены из ее рядов в начале 1948 г. Марошан и его сторонники заслужили похвалы Ракоши, который в марте 1948 г. на последнем, XXXVI, съезде СДПВ заявил: “Мы, коммунисты, скажем прямо, не раз были недовольны медлительностью наших левых друзей, методами и темпами их борьбы против правых. Но сегодня, оглядываясь назад, мы можем констатировать, что большей частью в решающих вопросах вы занимали правильную позицию”⁴³. Бывший социал-демократ Р. Нерш, с именем которого связана экономическая реформа 60-х годов в Венгрии, впоследствии так вспоминал об акте объединения двух партий: “Объединения хотели коммунисты, мы же, хотя партия в начале 1948 г. разваливалась на отдельные элементы, еще не желали этого... Однако вскоре, спустя два месяца, мы сами согласились на это. Я считаю трагической потерей выход и исключение из партии Антала Бана, Анны Кетли, Вильмоша Бёма, Эдена Кишхази, Имре Селига, Дюлы Келемена. Мы попали в ловушку сталинизма”⁴⁴.

Успехи тактики коммунистов, разумеется, объясняются не только присутствием в Венгрии Красной Армии и СКК, хитроумными находками и приемами Ракоши, но и слабостью, неопытностью лидеров демократических партий, их уступчивостью, боязнью открыто противостоять устремлениям ВКП. В окружении Ракоши были люди, помогавшие ему реализовывать планы по дискредитации и вытеснению из власти неугодных ему политиков. Главным стратегом коммунистов считался Реваи, умевший анализировать расстановку политических сил и сталкивать друг с другом противников ВКП. Этот рафинированный мастер интриг, переговоров и шантажа оставался, однако, лишь разработчиком концепций⁴⁵. Грязная работа поручалась в основном Г. Петеру, М. Фаркашу, а также Л. Райку и Д. Палффи, в руках которых находились силовые органы, также широко пользовались услугами внедренной в них “пятой колонны”.

На состоявшихся 12 июня 1948 г. съездах ВКП и СДПВ было провозглашено объединение двух партий. В “единую” организацию – Венгерскую партию трудящихся (ВПТ) – наряду с 753 тыс. коммунистов

вошли 240 тыс. социал-демократов. Более же 500 тыс. членов СДПВ от сотрудничества с коммунистами отказались. Председателем новой партии без определенных функций был избран А. Сакашич, генеральным секретарем, в руках которого находились реальные рычаги руководства, стал М. Ракоши, а его заместителями – М. Фаркаш, Я. Кадар и Д. Марошан. Было принято общее решение о том, что новая партия в своей “программе, политике и организационной деятельности руководствуется идеями марксизма-ленинизма”.

Принятая на съезде программа ВПТ представляла собой классический набор атрибутов, характерных для советской системы. Программные цели предусматривали исключительную роль ВПТ в обществе, обозначили перспективу прекращения деятельности всех остальных партий посредством объединения в единую массовую организацию – Народный фронт независимости под эгидой ВПТ. Главным принципом ее строительства и организационной деятельности был провозглашен демократический централизм. С образованием ВПТ необходимость в коалиционном правлении отпала. Началась реализация курса на упрочение коммунистической диктатуры.

Появление на венгерской политической арене новой партии не сразу сняло с повестки дня вопрос о существовании демократии. В ходе развернувшейся дискуссии по этой проблеме выявились различные подходы и взгляды⁴⁶. 26 сентября 1948 г. Реваи на страницах газеты “Сабад неп” писал: “У нас существует народная демократия, у нас коалиция, еще сохранились классы... в таких условиях формальная ликвидация партий не стала бы шагом вперед. Союзнические классы и слои еще смотрят на свои самостоятельные партии, как на самые подходящие формы участия в управлении, союза с рабочим классом”. Он считал, что многопартийность учитывает особенности Венгрии и позволяет развиваться в направлении социализма. Его концепция предполагала длительный этап сохранения многопартийной народной демократии. При этом он не отождествлял ее с диктатурой пролетариата. Вскоре было найдено компромиссное решение по этому вопросу, состоявшее в том, что народная демократия выполняет основные функции диктатуры пролетариата. Об этом заявил Герё, вернувшись с учредительного съезда Польской объединенной рабочей партии, состоявшегося в конце 1948 г. Это положение считалось, и не без основания, “сталинской формулой”*. В письме членам секретариата ЦР ВПТ,

* И.В. Сталин 6 декабря 1948 г. в беседе с Г. Димитровым и руководителями польских коммунистов затронул принципиальные вопросы народной демократии и диктатуры пролетариата. Он, в частности, подчеркивал: “В истории марксистской мысли выделяются две возможности или две формы диктатуры пролетариата. То, что нельзя осуществить переход от капитализма к социализму без диктатуры пролетариата, это мы считаем аксиомой”. При этом он указал на две формы пролетарской диктатуры: демократическую республику с большим перевесом пролетариата и советскую форму диктатуры. Сталин отмечал, что если для России, “где взятие власти пролетариатом осуществлялось путем восстания”, “советская форма оказалась самой подходящей”, то в

критикуя позицию Реваи, Герё отмечал: “Наша дефиниция в определенном смысле означала, что мы извращаем суть ленинизма, доказывая, что без диктатуры пролетариата можно строить социализм”⁴⁸. Вслед за этим Ракоши выразил недовольство состоянием теоретических разработок по проблемам соотношения народной демократии и советской формы государства, народной демократии и диктатуры. В ноябре 1948 г. на заседании узкого круга лидеров ВПТ Ракоши вновь сформулировал и уточнил свое видение “многопартийной демократии”, в какой-то мере повторяя уже сказанное им в марте. Он утверждал: “Наше развитие, если мы будем правильно работать, приведет к тому, что остальные партии медленно увянут. Этот процесс мы ускорим. Эти партии должны умереть, во всяком случае стать теньевыми, символическими партиями... У нас еще коалиция, но мы должны взять курс и на ликвидацию наших союзников”⁴⁹. Однако эти идеи Ракоши не нашли столь откровенного отражения в его статье “О некоторых проблемах народной демократии”, опубликованной 16 января 1949 г. в “Сабад неп”. Они остались для внутреннего пользования. Пленум ЦР ВПТ, состоявшийся в марте и принявший решение о реорганизации Народного фронта, так охарактеризовал сущность новой власти: “Народная демократия – это пролетарская диктатура без советской формы правления”⁵⁰. Однако новая формула на самом деле не соответствовала существующим политическим реалиям. В государстве уже развернулось механическое копирование советской практики, ее “пересаживание” на венгерскую почву без учета каких-либо особенностей страны.

В левых кругах возобладало мнение, что в условиях народной демократии диктатура пролетариата не может быть полной, так как власть делится с остальными союзниками. Сам факт существования других, пусть даже союзных, партий воспринимался как разделение власти и опасность для демократии, поскольку некоммунистические организации были лишь “резервом для буржуазии, для классового врага”. Такая логика неизбежно вела к упрочению однопартийной системы, к искусственному обострению классово-борьбы, к ликвидации даже остатков демократической многопартийности. При этом Ракоши и его сторонники продолжали говорить о политической сво-

странах народной демократии, “где взятие власти рабочим классом осуществлялось не путем внутреннего восстания, а путем помощи извне, советских войск, т. е. легко, без особых усилий, можно обойтись без советской формы”. “Мы считаем, – говорил далее И.В. Сталин, – что вы можете обойтись без советского режима. Для вас народно-демократический режим достаточен, чтобы осуществить переход от капитализма к социализму. Но этот режим будет осуществлять функции пролетарской диктатуры”. Сравнивая советскую и парламентскую формы пролетарской диктатуры, Сталин подчеркнул, что первая “хороша тем, что (проблему. – Б.Ж.) решает быстро – кроваво, но быстро, – а вы можете обойтись без этого, потому что ваши капиталисты сдались сразу”. Он считал также, что “основные функции пролетарской диктатуры режим народной демократии может исполнять” и в ходе строительства социализма⁴⁷.

боде, называя складывавшийся режим “нашей народной демократией”, “народно-демократическим строем”.

Осенью 1948 г. член высшего руководства ВПТ, министр внутренних дел Л. Райк, говоря о роли своего движения в Народном фронте, дал понять, что у венгерского народа не может быть никаких других политических целей, кроме обозначенных в программе этой партии. “Круг замкнулся, – заявил он, – кто хочет другой программы, кроме программы строительства социализма, тот является врагом венгерского трудового народа”⁵¹. 27 ноября 1948 г. на заседании ЦР ВПТ ее председатель А. Сакашич считал необходимым отказаться от старых форм и институтов власти, т.е. от народной демократии, прямо призывал соответствовать советскому примеру. “Наша партия должна следовать примеру Советского Союза, мы должны выполнять его указания, – отмечал он. – Товарищ Ракоши прав, нет самостоятельного венгерского пути к социализму... Есть только один-единственный путь – славный, освященный кровью путь Советского Союза, путь марксизма-ленинизма! Все остальные пути ведут лишь к позору и рабству”⁵². Он поддержал курс на ликвидацию остальных партий, согласился с Ракоши в том, что Народный фронт должен стать даже не массовой организацией, а лишь лабильным объединением различных сил, выполняющим намеченные ВПТ задачи.

В ноябре 1948 г. заместителями генерального секретаря ЦР ВПТ стали ближайшие соратники Ракоши – Герё и Фаркаш. Наступление на демократию продолжалось. Для этого все чаще и масштабнее привлекался отдел госбезопасности (АВО) министерства внутренних дел. Более того, 6 сентября 1948 г. указом министра внутренних дел Я. Кадара по советскому образцу было создано самостоятельное Управление госбезопасности (УГБ – венгерская аббревиатура АВХ), которое курировалось МВД СССР через своего постоянного советника. Особое внимание венгерского руководства уделялось специальному отделу УГБ по борьбе с внутренней реакцией (во главе с коммунистом Э. Сюч). Новое ведомство (начальник Г. Петер), формально оставаясь в рамках МВД, подчиняясь отраслевому министру и поскольку курировалось министром обороны М. Фаркашем, фактически пользовалось полной автономией. Общее руководство над ним осуществлял лично генеральный секретарь компартии. Он установил над ними собственный контроль, о чем упомянул в своих мемуарах: “Управление госбезопасности – по советскому образцу и советскому предложению – только формально было подчинено Министерству внутренних дел и пользовалось почти полной самостоятельностью... Госбезопасность являлась по сути отдельным министерством, хотя для внешнего мира ее в Совете министров представлял министр внутренних дел. Такая конструкция придавала ей большую самостоятельность, которая еще больше усиливалась тем, что Габор Петер, руководитель УГБ, зорко следил за сохранением этой автономии, в результате трения с министром

внутренних дел стали постоянными... По партийной линии УГБ контролировалось одним из членов политбюро. До конца 1948 г. им был Михай Фаркаш, в ведении которого находились все силовые органы. Это не было известно широкой общественности, что и позволяло направить и сосредоточить все нападки против МВД и его руководителя Ласло Райка”⁵³. (Последний занимал данный пост до начала августа 1948 г.) Кроме того, Райк внес по просьбе Ракоши 4 марта 1948 г. предложение в политбюро ВКП о создании специального Комитета УГБ, который возглавил сам Ракоши (секретарем стал Л. Райк, а членами М. Фаркаш и Г. Петер). Такая структура позволила Ракоши стать полноправным хозяином в этом высшем органе УГБ и распоряжаться всей его деятельностью по своему усмотрению. Недаром Ракоши впоследствии признавал: “Я лично руководил Управлением госбезопасности... вмешивался в проведение дел, я лично определял, кого следует арестовать, кого надо избивать, каким образом следует судить”⁵⁴. Главной задачей госбезопасности стали поиск и разоблачение “врагов народа”.

Изменение политических условий в стране и регионе заставили президента Венгрии З. Тильди, выходца из НПМСХ, заняться поиском места для своей партии в новой обстановке. Будучи политиком-прагматиком, он обратился к изучению идей социализма. Его общение с лидерами ВКП (ВПТ) позволило надеяться, что переход к социализму в Венгрии будет плавным и продолжительным. Это породило иллюзии о том, что леводемократическая часть НПМСХ сохранится и окажется нужной в будущем, что и склоняло Тильди к дальнейшему сотрудничеству с коммунистами. Однако его готовность к компромиссам не спасла ни партию, ни его самого. Он стал больше не нужен коммунистам. Приближалось время его отстранения от власти. С лета 1948 г. Ракоши развернул систематическое давление на президента ВР. “Началось это в первых числах июля, а может быть, чуть раньше, когда Коминформ осудил Тито, – вспоминал впоследствии Тильди. – Меня посетил Ракоши и сообщил, что как бы это ни было тяжело для меня, но нам, венграм, также адресовано заявление Коминформбюро”. Ракоши поднял и вопрос о неизбежности коллективизации сельского хозяйства, но президент не пожелал оказывать ему в этом содействие, заявив, что тогда он “откажется от поста президента”⁵⁵. Ракоши не воспользовался этим случаем, но нашел другой повод, чтобы убрать президента. В середине июня 1948 г. он созвал в Будапешт всех послов Венгрии, чтобы проинформировать их о решении Коминформбюро. В столицу приехал и зять Тильди В. Черноки, посол в Египте, который тут же был арестован и приговорен к смертной казни по ложному обвинению в государственной измене. Примечательно, что президент узнал о случившемся только из сообщения по радио. Сначала у Ракоши было намерение предъявить обвинение самому Тильди и НПМСХ, организовав показательный судебный процесс. Но затем он отказался от

этой мысли, решив ограничиться лишь отстранением президента от власти. 3 июля Ракоши явился к Тильди и, используя “шпионское дело” зятя, положил перед ним подготовленный текст заявления о “добровольной” отставке, которую тот и подписал. Президент оказался под домашним арестом и находился под постоянным контролем органов государственной безопасности. С августа 1948 по май 1956 г. Тильди вместе с семьей содержался в полной изоляции от внешнего мира в одном из особняков Будапешта по улице Будакеси*. Арест Тильди символизировал печальный конец реальной системы народной демократии. Следом за главой государства подал в отставку и премьер. Контролируемый коммунистами парламент 3 августа 1948 г., очевидно, за заслуги в объединении СДПВ с ВКП избрал новым президентом страны А. Сакашича. Было образовано новое правительство во главе с И. Доби, в его состав были введены четыре члена ВПТ. 1 февраля 1949 г. был создан Народный фронт, который избрал своим председателем Ракоши, а генеральным секретарем – Райка. Все партии и организации фронта являлись обязанными “во всем подчиняться решениям его Всевенгерского Совета и выполнять их”⁵⁶. Народный фронт объединил остатки всех партий прежней коалиции. Отныне больше вообще уже не говорилось о каких-либо партнерских отношениях в рамках этой структуры. Лидеры коммунистов считали Народный фронт инструментом перехода к однопартийной системе. По мнению Ракоши, он должен был стать ступенью в процессе отмирания союзнических партий, которые якобы уже все равно не имели массовой базы. Считалось, что “их существование приносит демократии больше вреда, чем пользы”.

В марте 1949 г. на заседании ЦР ВПТ Реваи с полным основанием говорил: “Формально у нас еще сохранились элементы разделения властей... существует коалиция. Но на самом деле, товарищи, у власти у нас находится пролетариат, и фактически лишь одна наша партия руководит страной. То обстоятельство, что премьер-министром является не товарищ Ракоши, а Иштван Доби, имеет лишь формальное значение, ведь на практике даже теми министерствами, во главе которых стоят еще не коммунисты, управляет мы”⁵⁷.

На новых парламентских выборах уже все номинальные партии выступили с “единым списком кандидатов Народного фронта”. 18 августа 1949 г. Государственное собрание приняло Конституцию уже нового государства, Венгерской Народной Республики. Ее основной закон по сути стал копией советской Конституции 1936 г. Был избран Президентский совет, председателем которого стал

* В дни октябрьской революции 1956 г., в условиях восстановления многопартийности, по инициативе и под воздействием Й. Доби Тильди согласился занять в правительстве Имре Надя пост государственного министра, за что потом был приговорен к шести годам заключения. В апреле 1959 г. ввиду слабого здоровья и преклонного возраста он был освобожден и жил в полной изоляции до своей кончины 3 августа 1961 г.

прежний президент А. Сакашич. Многопартийность фактически была ликвидирована. Все партии, хотя они специально и не запрещались, прекратили свою деятельность, т.е., как и предполагали коммунисты, произошло их “отмирание”. На политической сцене осталась единственная руководящая сила – ВПТ. Фактически же власть в стране все больше сосредоточивалась в руках Ракоши и узкой группы его приближенных (Э. Гёре, М.Фаркаш, Й. Реваи), а также УГБ. Именно они и утвердили в Венгрии на рубеже 40–50-х годов разновидность тоталитарного, никем не контролируемого режима, которому на заседании политбюро ЦР ВПТ 20 июня 1953 г. сам Реваи давал такое определение: “В старом понимании мы стали полицейским государством”⁵⁸.

Таким образом, Ракоши и его единоверцы от имени пролетариата установили в Венгрии сначала антидемократический, а затем в полном смысле этого слова тоталитарный строй, управляемый сверху, из единого центра. Установившийся режим стал полным антиподом “народной демократии” коалиционного периода. Это была система безраздельной власти одной-единственной “государственной партии” во главе с ее лидером. Строгая централизация позволяла вождю и узкой группе его приближенных стать фактически над конституцией, над законами, келейно принимать любые решения.

Ракоши “сотворил” в дальнейшем также использовали органы УГБ для преследования своих оппонентов, убирая теперь уже из сферы политики своих потенциальных соперников в самой коммунистической обойме. Достаточно вспомнить хотя бы нашумевший, целиком сфабрикованный политический процесс 1949 г. по “делу” Л. Райка⁵⁹, вызвавший целую серию дальнейших арестов и аналогичных судебных процессов, которые должны были продемонстрировать проникновение “классовых врагов” в святая святых – в высшее руководство партии – и послужить дальнейшему укреплению безраздельной власти Ракоши. Эту же цель преследовали последующие аресты главы государства А. Сакашича, осужденного на специальном закрытом процессе, затем – Я. Кадара, Д. Марошана и других оказавшихся в ракошистских застенках. Диктаторско-бюрократические методы руководства Ракоши, повлекшие за собой акты дальнейшего беззакония и произвола, получили полное осуждение лишь в 1962 г.

Режим личной власти Ракоши достиг своего расцвета в 1949–1953 гг.: вождь партии в 1952 г. занял и пост главы правительства ВНР. Созданная ракошистами система соответствовала всем признакам и критериям тоталитарной власти, получившей определение в работах К. Фридриха, дополненных З. Бжезинским⁶⁰. Она имела официальную идеологию и однопартийную политическую структуру с соответствующей строгой иерархией, во главе которой стоял партийный вождь, наделенный фактически абсолютной властью. Партийные органы осуществляли полный контроль над всеми

институтами власти и ячейками общества, утвердилась централизованная экономика⁶¹. Однако следует отметить, что при такой левототалитарной системе власти Ракоши оставался лишь удельным князьком, вассалом более могущественного диктатора. Он не был полностью свободен в своем выборе. Как во внутренней, так и во внешней политике ему приходилось придерживаться курса и указаний, диктуемых И.В. Сталиным.

Итак, кратковременно существовавший, не успевший окрепнуть народно-демократический строй не оправдал надежд и ожиданий сил венгерской демократии. Под воздействием партии коммунистов он трансформировался в режим тоталитарного типа. Период венгерской народной демократии остался, по историческим меркам, лишь небольшим, хотя и весьма насыщенным политическими событиями, эпизодом в истории страны.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 077. Оп. 24а. П. 131а. Д. 1. Л. 1–2.

² Там же. Д. 3. Л. 2, 12–15.

³ *Magyar Nemzet*. 1984. 21.XII.

⁴ Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 380–386.

⁵ *Izsák L. Illegalitás után // História*. 1985. 1. Sz. 21–22. jld.

⁶ *Strassenreiter E. Megváltozott körülmények // História*. 1985. 2. Sz. 34. old.

⁷ *Izsák L. Op. cit.* 22. jld.

⁸ *Strassenreiter E. Op. cit.* 24. old.

⁹ *Varga L. New Yorki beszélgetés Vas Zoltánnal. Részletek egy eddig Magyarországon nem publikált életinterjúból // Magyar Nemzet*. 1992. 31.X. 9. old.

¹⁰ *Népszabadság*. 1985. 2. II.

¹¹ *Varga L. Op. cit.* 9. old.

¹² *Vida I. A magyar népi demokrácia strukturája, 1944–1948 // Társadalmi Szemle*. 1985. 1. Sz. 34. old.

¹³ *Népszabadság*. 1966. 1. II.; Gyarmati Gy. Közigazgatási reform és pártküzdelmek, 1944–1947 // *Valóság*. 1984. 6. Sz. 10–12. old.

¹⁴ *Horváth Cs. Magyarország 1944-től napjainkig*. Pécs, 1992. 32. old.

¹⁵ *Ibid.* 36. old.

¹⁶ *Vida I. Koalíció és pártharcok, 1944–1948*. Bp., 1986. 197–198. old.

¹⁷ *Magyar Hírlap*. 1997. 27.III.

¹⁸ *Magyar Nemzet*. 1997. 28.III.

¹⁹ *Strassenreiter E. Végig kell menni a megkezdett uton! A KMP III. kongresszusára emlékezve // Társadalmi Szemle*. 1986. 10.sz. 85. old.

²⁰ *Szabó B. Útírány a szocializmus // A felszabadulás utáni történetünk*. I.köt. Bp., 1987. 135. old.

²¹ Újra itthon. Eörsi István interjúja Lukács Györggyel // *Társadalmi Szemle*. 1989. 4. Sz.; *Látóhatár*. 1989. Május. 56–57. old.

²² *Horváth Cs. Op. cit.* 30. old.

²³ Új Magyar Központi Levéltár. F.XVIII–7. O.e. 4, 1.4.

²⁴ *Vitézy L. Komor ég alatt // Valóság*. 1989. 9. Sz. 76. old.

²⁵ *Magyar Nemzet*. 1977. 8.II.

²⁶ *Ibid.* 24.II.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. 27.IX.

²⁹ *Vida I.* Koalíció és... 257. old.

³⁰ *Vida I.* Nagy Ferenc "meghallgattatása" az amerikai külügyminisztériumban 1947 júniusában // *Századok.* 1990. 5–6. Sz. 787–846. old.; *Idem.* Koalíció és... 258–259. old.

³¹ Ibid.

³² Public papers of the presidents of the United States. Harry S. Truman 1947. U.S. Washington, 1963. P. 265–266.

³³ *Farkas V.* Nincs mentség. Az AVH alezredese voltam. Bp., 1990. 104–126. old.

³⁴ *Vida I.* Tildy Zoltán // *Társadalmi Szemle.* 1982. 11. Sz. 63. old.

³⁵ Ibid.

³⁶ *Vida I.* Koalíció és... 264–265. old.

³⁷ Ibid. 286. old.

³⁸ *Horváth Cs.* Op. cit. 48. old.

³⁹ *Balogh S.* Koalíció és parlamentáris demokrácia // *Népszabadság.* 1985. 2.II.

⁴⁰ *Izsák L.* Koalíció évei Magyarországon, 1944–1948. Bp., 1986. 182. old.

⁴¹ *Horvath Cs.* Op. cit. 55. old.

⁴² *Izsák L.* A koalíció évei... 183. old.

⁴³ *Izsák L.* A két munkáspárt egyesülése Magyarországon 1948-ban // *A felszabadulás utáni történelmünkről.* I. köt. 127–128. old.

⁴⁴ *Vitézy L.* Op. cit. 78. old.

⁴⁵ См.: *Urbán K.* Révai József (1898–1959) // *Párttörténeti Közlemények.* 1978. 3. Sz. 162–222. old.

⁴⁶ *Urbán K.* Lukács és a magyar népi demokrácia // *A felszabadulás utáni történelmünkről.* I. köt. 266–278. old.

⁴⁷ *Марьина В.В.* Дневник Г. Димитрова // *Вопросы истории.* 2000. № 7. С. 53–54.

⁴⁸ *Urbán K.* Lukács és a... 275. old.

⁴⁹ *Horváth Cs.* Op. cit. 56. old.

⁵⁰ *Urbán K.* Lukács és a... 275. old.

⁵¹ *Izsák L.* Rákosi, Révai, Rajk a többpártrendszer felszámolásáról // *História.* 1984. 3. Sz. 34. old.

⁵² 20. századi magyar történelem, 1900–1994. Bp., 1997. 304. old.

⁵³ *Rákosi M.* Visszaemlékezések, 1940–1956. II. köt. Bp., 1997. 748. old.; I. köt. 353. old.

⁵⁴ Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. М., 1993. С. 20.

⁵⁵ *Vida I.* Tildy Zoltán. 66. old.

⁵⁶ *Horváth Cs.* Op. cit. 57. old.

⁵⁷ 20. századi magyar... 307. old.

⁵⁸ Ibid. 308. old.

⁵⁹ Подробно об этом см.: *Желицки Б.Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия, 1949 г. // *Новая и новейшая история.* 2001. № 2 и 3.

⁶⁰ См.: *Тоталитаризм, что это такое? Исследования зарубежных политологов.* М., 1993. Т. II. С. 95–112.

⁶¹ *Желицки Б.Й.* XX век: смена политических режимов в венгерском государстве // *Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе.* М., 1999. С. 228–229.

ИЗ ИСТОРИИ АНАРХИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ 1940-х годов

Очистив восток континента от германских войск, Красная Армия закрепила в этом регионе, перешедшем в сферу влияния СССР. Первоначально во всех странах была установлена плюралистическая система, допускавшая определенную свободу политической деятельности и агитации. Однако в течение первых послевоенных лет просоветские партии, именовавшиеся рабочими или коммунистическими, опираясь на Советский Союз, смогли устранить политических оппонентов и обеспечить свое единовластие. В этих условиях в государствах Восточной Европы утвердились режимы, которые получили название “народных демократий”.

При исследовании острой борьбы, происходившей в восточноевропейских странах в 1945–1949 гг., основное внимание уделялось либо действиям компартий, либо их противников справа. Между тем деятельность левой оппозиции, пытавшейся препятствовать утверждению сталинизма в Восточной Европе, до сих пор русскоязычной историографией серьезно не изучалась.

Анархизм имел прочные корни в некоторых странах региона, хотя организованные группы появились значительно позднее, чем в Западной Европе. Массовый характер это движение приобрело в Болгарии, где оно зародилось еще в XIX в. и было тесно связано с богатой народнической и революционной традицией. Идеи, близкие к “безвластничеству” (анархизму), высказывал крупнейший болгарский революционер Х. Ботев, герой борьбы за освобождение от ига Османской империи. Общность анархистских идей объединяла десятки тысяч крестьян и рабочих. Анархисты принимали активное участие в антифашистском восстании 1923 г., вели партизанскую борьбу против диктаторских и монархических режимов, сменявшихся в стране в 20–30-е годы. Особенностью болгарского анархистского движения была его разделенность на два основных течения – собственно анархистское (большинство) и анархо-синдикалистское (меньшинство). Сторонники первого делали упор на революционно-общинные традиции и идеи, считая организацию фабричных рабочих в аграрной по преимуществу Болгарии лишь одним из многих направлений работы. Анархо-синдикалисты стремились в первую очередь к созданию свободных профсоюзов, находящихся под влиянием анархизма. В целом их успехи были скромнее.

Анархистское движение в Германии было в значительной степени связано с западноевропейскими традициями. Оно возникло здесь в конце XIX – начале XX в. Первые теоретики и активисты его – главным образом выходцы из левого крыла социал-демократии, ра-

зочаровавшиеся в парламентской тактике и реформизме. Анархизм в Германии представлял собой хотя и немногочисленную, но достаточно стабильную и активную часть рабочего движения. Наибольшего успеха здесь добились анархо-синдикалисты. Еще до первой мировой войны им удалось приобрести влияние в небольшом радикальном Свободном объединении немецких профсоюзов (СОНП). После войны СОНП открыто перешло на позиции анархо-синдикализма и сменило название на “Свободный рабочий союз Германии”. В 1921 г. в нем насчитывалось до 150 тыс. рабочих (к 1930 г. число членов сократилось по разным причинам до 10 тыс.)¹. Некоторые из центров анархо-синдикалистского рабочего движения находились на территории будущей Восточной Германии.

Информация о деятельности анархистов в годы после второй мировой войны и их сопротивлении установлению господства компартий крайне разрознена. В настоящей статье сделана попытка суммировать то, что известно сегодня из доступных автору источников.

Болгарские анархисты активно участвовали в антифашистском сопротивлении в годы второй мировой войны, сражались в различных партизанских частях. Известно, что в Велико-Тырновском и Габровском районах в 1941–1944 гг. действовали даже отдельные анархистские партизанские отряды². Сразу после переворота 9 сентября 1944 г., приведшего к власти коалицию Отечественного фронта, анархисты возобновили легальную деятельность. 20 сентября сорок делегатов от анархистов и анархо-синдикалистов на съезде в Софии приняли решение воссоздать существовавшую до войны Федерацию анархистов-коммунистов Болгарии (ФАКБ)*. Конференция избрала редакционную комиссию, приступившую к изданию еженедельника “Работническа мисъл”. Газета начала выходить 4 декабря 1944 г. тиражом в 7 тыс. экземпляров и сразу стала пользоваться огромным успехом. В первом номере обосновывалось право анархистов на легальную деятельность: “...Анархисты – активные антифашисты в национальном и международном масштабе, оказали и еще окажут поддержку честному сотрудничеству с Отечественным фронтом в борьбе против фашизма”. Однако новые власти Болгарии не приняли это предложение, и ФАКБ так и не получила соответствующего разрешения. Уже четвертый номер ее газеты от 28 декабря 1944 г. был запрещен³.

Противоречия между болгарскими анархистами и просоветскими силами, разумеется, не были случайными. “Безвластники” традиционно резко критиковали общественную модель, существовавшую в СССР, и отказывали ее сторонникам даже в праве называться “коммунистами”. “Истина состоит в том, что коммунизм не есть политическая система и политический принцип и что марксисты всех фракций и уклонов, включая тех, кто называет себя коммунистами, – ни Маркс, ни

* По другим данным конференция проходила в октябре.

Ленин, ни Троцкий, ни Сталин – никогда не были коммунистами. Коммунизм – это экономический принцип”, который “предусматривает социализированное владение и производство, но распределение в соответствии с потребностями при трудовом участии согласно силам и способностям каждого”, – объясняли болгарские анархисты. В Советском Союзе этот принцип провозглашен на словах как цель, но по сути не действует, а установлен “политический режим принуждения, системного насилия, тирании мракобесия, полного отсутствия свободы, планомерно организованных нищеты и голода”⁴.

Несмотря на тяжелые условия работы, движение быстро развивалось. Проходили конференции, аналогичные софийской, возникали новые группы, особенно в крупных городах. С 1945 г. ФАКБ стала пользоваться большим влиянием в стране. Только в районе Софии насчитывалось, по данным русского эмигрантского анархистского журнала “Дело труда – Пробуждение”, 9 тыс. анархистов (не считая анархо-синдикалистов), а в самом городе до 1947 г. существовали два анархистских клуба. Подобные клубы имелись и в других населенных пунктах. Всего в стране насчитывалось до 11 тыс. организованных анархистов (в том числе около 1 тыс. анархо-синдикалистов)⁵.

10 марта 1945 г. в Княжеве под Софией была созвана национальная конференция ФАКБ, которая должна была принять проект программы организации. Подготовка к ней проходила нелегально, но о начале объявили публично.

Конференция ФАКБ открылась в доме итальянского рабочего-анархиста В. Ликурдо-Адриани. В ней участвовали 103 (по другим данным – 105) делегата от трех региональных союзов из различных районов Болгарии. С кратким вступительным словом выступил Х. Йорданов (бывший узник профашистского режима), принимавший активное участие в подготовке форума. Но как только начал выступать первый делегат, в дом ворвалась полиция. 86 анархистов были арестованы, многие жестоко избиты. Задержанных доставили в столичную следственную тюрьму. Там им удалось наладить между собой связь и, продолжив работу конференции, принять ряд решений. В частности, конференция постановила возобновить издание еженедельной газеты, главным редактором которой стал П. Лозанов, и избрала секретаря ФАКБ – М. Васева. Весной 1945 г. несколько десятков делегатов конференции власти отправили в новый концлагерь в Дупнице, где некоторые из них провели до 6 месяцев⁶.

Это был первый удар, обрушенный на анархистов правительством, развернувшим против них активную кампанию. Еще в январе 1945 г. проправительственная печать начала обвинять анархистов в “призыве к борьбе, стачкам и другим революционным действиям”, в оказании “услуги фашистам”. С резкими нападками выступила в марте 1945 г. газета Болгарской рабочей партии (коммунистов) “Работническо дело”. Анархистов обвиняли в том, что они придержива-

ются оппортунистической, вредной и антипролетарской идеологии, выступают против диктатуры пролетариата, руководящей роли партии и Советского Союза, распространяют ложную информацию об СССР и коммунистических партиях, ведут борьбу против БРП(к). На 5-й конференции Рабочего молодежного союза (молодежной организации компартии) 28–29 марта 1945 г. его секретарь Т. Черноколев заявил: “Оформившаяся анархистская оппозиция ведет антинародную деятельность. Центральный комитет БРП и Национальный комитет Отечественного фронта решили запретить их организации. Никакого легального существования... Идеологическое разоблачение анархистов как союзников фашизма... Полная ликвидация...”⁷

Политическая обстановка в стране обострялась. Весной и летом 1945 г. возросла напряженность между БРП(к) и руководством Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) во главе с Н. Петковым. Формировались оппозиционные группировки и фракции. По мнению анархистов, все это создавало ситуацию, “благоприятную для разрастания безвластнического движения”. Возобновилась активная работа анархистских групп. Открывались новые клубы, в которых анархисты выступали, устраивали дискуссии, объясняли свою политическую линию. В ответ на нападки со стороны сталинистов анархисты нелегально выпустили брошюру И. Рачева. Автор обвинял власти в стремлении “оправдать террор против анархистов и против всего честного и прогрессивного в стране – террор, который не щадит и безобидную саму по себе пропаганду анархических идей”⁸.

В этот период болгарские анархисты организовывали акции протеста против задержания участников конференции и запрета газеты “Работническа мисъл”⁹.

Движение продолжало расти. В сентябре 1945 г. возобновила работу газета “Работническа мисъл”, пятый номер ее вышел тиражом в 30 тыс. экземпляров. На страницах еженедельника шла резкая полемика с властью и официальной идеологией. Редакции удалось выпустить 6-й, 7-й и 8-й номера¹⁰.

В газете также была опубликована “Платформа ФАКБ”. В этом документе отвергались и капитализм, и большевизм: “Мы стоим за упразднение частной собственности, государства и церкви и за полное уничтожение институтов принуждения и насилия... Мы отрицаем государственный социализм, потому что он ведет к государственному капитализму – к чудовищной форме эксплуатации и угнетения, к полному отрицанию гражданских свобод и порабощению личности”. Свою цель болгарские анархисты формулировали следующим образом: “Мы стоим за анархистский или свободный коммунизм, который заменит частную собственность полной социализацией земли, фабрик и шахт – всех средств и орудий производства. Он заменит государство федерацией свободных коммун, объеди-

ненных в районы, а церковь и религию – свободной человеческой моралью и светом науки. Анархо-коммунизм федералистичен и отличается от всех других социально-экономических учений”.

Централистской государственной диктатуре анархисты противопоставляли вольный федерализм: “Новая общественная организация, которая заменит собой государство, будет построена снизу вверх. Все население любой деревни будет составлять свободную местную коммуну; все местные коммуны объединяются по районам и провинциям национально и интернационально в союзы и федерации, а затем в Международную Конфедерацию. Производственная организация общества будет представлять собою сложную сеть разнообразных местных предприятий сельского хозяйства, промышленности, транспорта и т.д., объединенных по районам и провинциям в производственные союзы и федерации, а затем в общемировую обменно-потребительскую федерацию для удовлетворения нужд всех людей”.

Манифест ФАКБ не только закреплял цели болгарских анархистов, но и содержал конкретный план действий по созданию нового общества. Анархисты выступили против участия в выборах, за прямое действие рабочих и крестьян. Предлагалось сконцентрировать работу на пяти направлениях. Первое – укрепление “идеологических анархо-коммунистических организаций”, охватывающих тех, кто является убежденными анархистами и пропагандирует идеи движения. Эти группы объединялись в ФАКБ, но сохраняли автономию, право принимать основные решения; секретариат Федерации не имел никакой власти, а оставался координирующим органом. Вторым направлением являлось создание массовых федералистских рабочих союзов по профессиям или по предприятиям, объединенных в общую федерацию профсоюзов. Их ближайшей задачей должна была быть защита интересов рабочих, борьба за улучшение условий труда, изучение проблем производства и возможностей рабочего контроля над ним, а также идейная, организационная и техническая подготовка трудящихся к коренной перестройке общества, при которой им предстояло взять на себя организацию производства. Третье направление работы включало задачу создания из сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян, обрабатывающих землю своим трудом, земледельческих обществ или ассоциаций на местах, объединяющихся в районные, провинциальные федерации, а также общую Федерацию земледельцев. Эта федерация вместе с Федерацией профсоюзов должна была образовать Национальную конфедерацию труда. Четвертой формой деятельности были названы кооперативы с участием анархо-коммунистов: “Рабоче-крестьянские производственные кооперативы, – указывалось в документе, – заслуживают особого внимания в настоящее время; они будут иметь огромное экономическое значение и решающую воспитательную роль в будущем создании анархо-коммунистических общественных служб”. И, наконец, пятое направление составляли культурные организации. Во всех структурах анархисты настаивали на введении

принципа свободного соглашения и единогласия: “Взаимная зависимость между разнообразными организациями покоится лишь на их общих идеологических интересах, а их союз – на конечной цели, которую все они стремятся достигнуть... Решения принимаются по взаимному соглашению, а не соответственно большинству голосов, и решения большинства не обязательны для меньшинства”.

Что касается деятельности движения в конкретный момент, то ФАКБ объявила о намерении добиваться полного восстановления гражданских свобод, роспуска армии и установления свободной кооперации как основы для земледельческих и промышленных работ¹¹.

Власти восприняли этот документ как формулирование альтернативы режиму, открытый вызов компартии и правительству Отечественного фронта¹².

Болгарские анархисты призвали к бойкоту парламентских выборов 18 ноября 1945 г. «Есть ли еще кто-нибудь, – задавала вопрос газета “Работническа мисъл”, – кто серьезно верит, что возможно через избирательные бюллетени преградить путь диктатуре или создать новый и свободный мир?» ФАКБ приветствовала также намерение оппозиционных партий не участвовать в голосовании: “Оппозиция у нас и во всех странах, где пограны элементарные конституционные свободы, избрала правильный путь – бойкот выборов”. Анархисты сохраняли верность своей принципиальной позиции, отвергавшей борьбу за политическую власть и стратегическое сотрудничество с какой-либо политической партией. “Мы лишь подтверждаем безвластническую истину, что всякая партия, пока она в оппозиции, прогрессивна, но приходя к власти, становится реакционной”, – писала “Работническа мисъл”. Но, отмечали анархисты, “принципиально отрицательное отношение к оппозиции совсем не значит, что у нас нет и не может быть точек соприкосновения с ней и даже согласованных общих действий на известное время и для определенных задач”¹³. К таким действиям относилось и сопротивление устанавливавшейся сталинистской диктатуре.

В декабре 1945 г. правительство снова закрыло газету “Работническа мисъл”. Последний, восьмой, номер был конфискован по распоряжению командования советских войск из опасения, что газету смогут прочитать советские солдаты. Редакция смогла распространить только 1 тысячу экземпляров¹⁴.

Анархистское движение ушло в подполье, но продолжало активно действовать. ФАКБ возродила Комитет помощи репрессированным, нелегально напечатала и распространила марки, доход от продажи которых (7 млн левов) передала в фонд помощи¹⁵. В мае 1946 г. секретариат Международной ассоциации трудящихся (МАТ – анархо-синдикалистский Интернационал) выпустил специальный циркуляр против репрессий в отношении анархистских групп Болгарии¹⁶.

Вместо запрещенной газеты ФАКБ начала нелегально издавать внутренний “Информационный бюллетень”, выходивший в Софии

до середины лета 1948 г. В 1946 г. прошли подпольные пленарные заседания четырех региональных союзов – Юго-Западного (Дупница), Южноболгарского (Ямбол), Северо-Западного (Плевен) и Северо-Восточного (Русе). Анархисты расширяли сферу своей работы. В этом же году в подполье реорганизовались анархо-синдикалисты, восстановившие в Софии Болгарскую конфедерацию труда с отдельным клубом, проводившим собрания и дискуссии; издавался печатный орган “Работническа солидарност”. В конце года анархо-синдикалисты собрали общенациональную конференцию, которая приняла устав Национальной конфедерации труда в Болгарии (НКТБ) – болгарской секции МАТ. НКТБ выпустила три номера подпольной газеты “Класова борба” (выходила до 1947 г.). Она резко критиковала деятельность официальных профсоюзов как инструмент государства и правящей партии¹⁷.

Активное участие приняли анархисты в кооперативном движении. Некоторые из них часто играли ключевую роль в организации хозяйств по совместной обработке земли, работая в них агрономами и т.д. Такие объединения начали появляться еще накануне и в ходе второй мировой войны. С осени 1944 г. происходил новый подъем движения. Весной 1945 г. существовали 400 производственных кооперативов, объединявших 40 тыс. семей. Анархисты выступали против насильственной “коллективизации” по сталинскому образцу. По их мнению, “множество различных причин определяют относительно доброе расположение болгарских селян к общему хозяйствованию на земле. Следовательно, можно было расширять и умножать существовавшие инициативы, не прибегая к давлению”¹⁸.

В августе 1946 г. в Софии собралась новая подпольная национальная конференция ФАКБ, которая должна была обсудить повестку дня намечавшегося в Париже международного анархистского конгресса. По своим масштабам и значимости эта конференция могла быть приравнена к съезду Федерации. В ней участвовали около 50 делегатов от 40 окружных союзов, объединявших около 400 местных групп и организаций¹⁹.

Анархистам в послевоенной Болгарии так и не удалось развернуть широкую книгоиздательскую деятельность. Они распространяли в основном книги прежних изданий. Все же им удалось переиздать несколько произведений теоретиков анархизма, включая “Хлеб и волю” П.А. Кропоткина, “Историю реки” Э. Реклю и “Беседы в кафе” Э. Малатесты²⁰.

Анархисты и анархо-синдикалисты, верные своим антигосударственным принципам, выступили против реформ, проводимых в Болгарии режимом БРП(к). Они порицали проведение плебисцита за создание республики (сентябрь 1946 г.) как “излишнюю и бесплодную комедию”, не имеющую ничего общего со “свободной трудовой республикой”, которая может установиться только в ходе “народной революции”. ФАКБ отвергла меры по организации движе-

ния соревнования и ударничества как “абсурдные и преступные”. Она осудила государственную централизацию экономики, назвав государственное планирование “недомыслием” и голой “пропагандой”. Национализацию экономики анархисты считали путем к “государственному социализму” на советский лад. По их представлению, средства производства должны были перейти не в собственность государства, а в распоряжение всего общества. В протестах анархистов подчеркивалось, что в Болгарии нет ни свободы, ни демократии. Они призвали к бойкоту парламентских выборов, а несогласных с этим – голосовать за оппозицию, поскольку народ стоит “перед чудовищным образом партийной диктатуры”²¹.

Развивалось анархистское молодежное движение. Были созданы Федерация анархистской молодежи (ФАМ) и анархистская Болгарская общая народно-студенческая федерация (БОНСФ). ФАМ уже в своем первом бюллетене (ноябрь 1946 г.; всего вышло три номера) подвергла резкой критике “фальшивый блеск коммунистов” и призвала граждан к борьбе за освобождение от партийной диктатуры, экономического, политического и духовного рабства. В январе 1947 г. под лозунгом “Вон партии из университетов и училищ!” БОНСФ выступила против ликвидации автономии высших учебных заведений и академических свобод, против преимуществ при приеме в университеты сторонников Отечественного фронта. В союзе со студенческими организациями БЗНС (Студенческим академическим земледельческим союзом) и социал-демократов БОНСФ сформировала комитет действий против нового законопроекта о высшем образовании. В него вошли четыре анархиста, четыре земледельца и два социалиста. Делегация студентов посетила министра народного просвещения М. Нейчева, затем были начаты акции протеста – распространение листовок, проведение студенческих митингов и демонстраций. Особенное сочувствие оппозиция встретила среди учащихся медицинского и агрономического факультетов Софийского университета. Протесты продолжались около десяти дней. В конечном счете, организаторы акций были в марте 1947 г. арестованы и отправлены в концлагерь²².

Репрессии усиливались. “В течение почти 3-летнего управления новой властью убиты десятки анархистов, свыше сотни заключены в концлагерь”, – сообщал русский анархистский эмигрантский журнал в декабре 1947 г.²³ Уже с 1946 г. началась и постепенно нарастала эмиграция болгарских анархистов за границу. Зарубежные анархисты пытались поддержать преследуемых болгарских товарищей. В феврале 1948 г. Западноевропейский подсекретариат МАТ создал Комиссию помощи антифашистам Болгарии из представителей французских и испанских анархо-синдикалистов, русских анархистов-эмигрантов и болгарских делегатов. В его обращении сообщалось, что “болгарские товарищи нуждаются в экономической помощи: в одежде, обуви, медикаментах и больше всего в пенициллине и

концентрированных продуктах”. Комиссия подготовила брошюру с документацией о репрессиях, которая распространялась секциями МАТ во Франции и в других странах; выручка шла в пользу болгарских анархистов²⁴. В бюллетене организации, выходившем в Париже, публиковались статьи, информировавшие анархическую общественность об обстановке в Болгарии. Соответствующее обращение ФАКБ “К анархистам всего мира” опубликовал русский анархистский журнал “Дело труда – Пробуждение”. В нем были перепечатаны призывы о помощи болгарам, сделанные Фондом помощи имени А. Беркмана (фонд помощи политзаключенным, созданный МАТ в 20-х годах) и Комиссией помощи антифашистам Болгарии²⁵. Но международные протесты во внимание не принимались. Наконец, по анархистам был нанесен последний удар. Решением ЦК БКП от 16 декабря 1948 г. были арестованы свыше 1000 активнейших членов ФАКБ и других анархистов; 600 из них вскоре стали узниками концентрационных лагерей, другие же в 1949 г., после окончания политических процессов, были заключены в тюрьмы²⁶. Новые волны арестов прошли в 1951, 1953 и 1956 гг.

Интенсивная эмиграция тех, кто уцелел, продолжалась до 1950–1951 гг. Спасшиеся от террора создали Союз болгарских анархистов в изгнании и Национальную конфедерацию труда Болгарии за рубежом.

В Восточной Германии, занятой советскими войсками и включенной в советскую зону оккупации, центром попыток возрождения анархистского движения стал город Цвиккау в Саксонии²⁷. Здесь в 1945 г. вокруг рабочего-металлиста Вилли Елинека сложилась группа, состоящая из бывших членов Всеобщего рабочего союза – Единой организации²⁸ и анархо-синдикалистского Свободного рабочего союза Германии. Члены группы тут же начали устанавливать контакты с идейными союзниками. Они разослали по имеющимся у них спискам адресов письма, приглашая прежних активистов к сотрудничеству. Вскоре им удалось завязать связи с единомышленниками из трех городов советской зоны оккупации, а также с анархистами из западных зон – Гамбурга, Мюльгейма, Киля и т.д. С июня 1946 г. группа в Цвиккау стала официально выполнять функции информационного центра либертарного (т.е. анархистского) движения в советской зоне оккупации, а затем и во всей Германии. Она приступила к изданию и рассылке информационного бюллетеня. Благодаря ему анархистское движение начало делать первые шаги к реорганизации: возникли пять–шесть групп в Саксонии и ряд инициатив в Тюрингии²⁹.

Основные силы членов группы были направлены в этот период на изготовление и распространение бюллетеня, поиски множительной техники (печатных машинок) и бумаги. Восточногерманские анархисты также пытались помогать своим товарищам в западных зонах, в частности Гильдии либертарных книголюбов в Гамбурге.

Им удавалось сравнительно дешево покупать книги в советской зоне и перевозить их на запад Германии, где можно было продать дороже; выручка шла целиком на финансирование Гильдии. Туда же был переправлен печатный станок, спрятанный членами Всеобщего рабочего союза – Единой организации в Цвиккау после прихода нацистов к власти; анархисты западных зон печатали на нем журнал “Бэфрайунг” (“Освобождение”)³⁰.

Через В. Елинека анархисты Цвиккау пытались также развернуть работу на производстве. Он был почти единогласно (95% голосов) избран председателем производственного совета автомобильной фабрики, на которой работал. Сам Елинек вступил также в официальное Объединение свободных немецких профсоюзов и принял участие в качестве делегата в межрегиональной профсоюзной конференции в Хемнице. Выступая здесь, он повторил старое требование немецких анархистов и “коммунистов рабочих Советов”: особые политические организации рабочего движения (партии) должны быть устранены как лишние смысла. Многие делегаты встретили его речь аплодисментами. Впоследствии он вынужден был оставить пост председателя производственного совета, поскольку отказался вступить в компартию, а позднее – в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Тем не менее Елинек сохранял популярность среди своих коллег по работе³¹.

С начала 1946 г. группа в Цвиккау развернула агитацию против планов объединения коммунистической и социал-демократической партий в СЕПГ и против вступления в эту объединенную партию анархистов. В “Письме ко всем анархистам” от 4 февраля 1946 г. группа заявляла: “Нам всем хорошо известно, что с объединением КПГ и СДПГ вожди обеих партий надеются приобрести большее влияние, естественно, для самих себя. Таким образом, наверху идет борьба за кормушку, а внизу – вечная борьба между непримиримыми противоречиями, между огнем и водой. И представьте себе нас в самой гуще. Нет, в этой куче нам делать нечего. Или вы хотите отдать критику этого действия... на откуп лишь буржуа да нацистам? Нет, внутри рабочего класса должна быть группа, которая указывает путь из болота. И эта группа должна сохранять свою одежду незапятнанной... Да, товарищи, указать путь должны мы!”³².

Несмотря на это, часть бывших анархистов все-таки решила присоединиться к СЕПГ как к “объединенной партии рабочего класса”. Анархисты Цвиккау надеялись, что такое объединение окажется нестойким, но ошиблись в своих расчетах.

В ситуации, когда советские оккупационные власти усиленно покровительствовали СЕПГ и ее притязаниям на гегемонию, восточногерманские анархисты вынуждены были ограничиться собиранием сил, укреплением своих организационных структур и теоретическим анализом нового социального и политического положения, сложившегося после войны в Европе. В сентябре 1947 г. группа

в Цвиккау должна была признать, что движение находится в состоянии застоя: удалось привлечь лишь малое число молодых людей, не хватало бумаги для издания книг, брошюр и т.д. Недостаточная активность нового (с января 1947 г.) информцентра движения в Мюльгейме вызвала критику цвиккауцев и побудила предложить реорганизовать работу. По мнению В. Елинека, нельзя было просто возобновить деятельность там, где анархисты уже были остановлены в 1933 г. Сильное движение нужно было строить более открыто и решительно. Задача создания прочной организации не могла быть в тот момент приоритетной. Елинек призвал к тому, чтобы структуры движения обладали максимальной гибкостью и способностью приспособляться к быстро меняющимся обстоятельствам³³.

В 1947 г. в анархистских кругах Германии разгорелись дискуссии о стратегии и тактике движения в новых условиях. Ветеран анархосиндикализма Р. Роккер по настоянию своих друзей выпустил брошюру, в которой предложил отказаться от воссоздания Свободного рабочего союза и перенести работу на коммунальный и муниципальный уровни. По существу речь шла об идее этапов и стадий борьбы, которая отвергалась в классическом анархизме. По замыслу Р. Роккера, в сложившейся ситуации следовало вести борьбу за федералистскую децентрализацию Германии, передачу законодательных и исполнительных функций на местный уровень. В соответствии с его идеей, анархистам надлежало активнее работать в муниципалитетах, профсоюзах и кооперативах, привлекая способных и квалифицированных людей. Необходимо было также создать особый Союз федералистов (или Союз либертарных социалистов) с собственным издательством и журналом. Это был своеобразный путь эволюционного “муниципального социализма”, постепенного развития коммунального и муниципального сектора экономики и т.д.³⁴

Склонявшееся к реформизму крыло немецких анархистов во главе с Х. Рюдигером восторженно встретило идеи Р. Роккера. С резкой критикой выступили живший в лондонской эмиграции блестящий художник-карикатурист Дж. Олдей и старый активист Р. Острайхер. По инициативе Дж. Олдея еще в августе 1946 г. была создана Интернациональная группа Бакунина (ИГБ), видевшая свою задачу в возрождении анархистского движения в Германии и других странах. Группа издавала в эмиграции бюллетень “Анархист”, работала среди немецких военнопленных, участвовала в голодных бунтах. ИГБ выдвигала общую цель анархистского движения – “уничтожение любой государственности и создание свободной от господства коммуны на основе системы Советов”. Руководство группы полагало, что в сложившихся условиях “классовая борьба может вестись только индивидуально и небольшими группами, поскольку подлинно революционные организации не станут терпеть ни государственный социализм, ни государственный капитализм”. Дж. Олдей, возглавлявший немецкую секцию ИГБ, предложил перестроить

анархистское движение в Германии на основе системы нелегальных “троек”. Он резко отвергал любое участие в политике, в том числе на муниципальном уровне, как реформизм. Идеи “муниципального социализма” Р. Роккера воспринимались им как путь к “коллективному капитализму”, при котором сохраняется эксплуатация человека человеком. Вместо “союза всех федералистов”, с точки зрения Олдея, был необходим новый Союз Спартака – боевая организация антиавторитарных социалистов, “коммунистов рабочих Советов” и анархистов на анархо-коммунистической основе. Союз должен был состоять из автономных ячеек, без внутренней бюрократии и слепой дисциплины³⁵.

В феврале 1948 г. Дж. Олдей вышел из ИГБ и весной того же года создал собственную организацию – Союз Спартака с печатным органом “Рэтеанархист” (“Анархист Советов”), группами в Голландии, Италии, Швейцарии, Великобритании и Германии. Только на немецкой территории преимущественно в советской оккупационной зоне действовало около 60 таких групп. В том же году они были ликвидированы советской госбезопасностью³⁶.

В полемике между сторонниками и противниками предложений Р. Роккера группа в Цвиккау заняла промежуточную позицию, призывая к более спокойному, терпимому и сдержанному тону дискуссии. В брошюре Роккера ее привлекла блестящая и последовательная критика большевизма. Но даже если в западных зонах некоторые из его идей могли быть осуществлены, то в советской зоне это было абсолютно невозможно. В письме цвиккауцев, опубликованном в информационном бюллетене, говорилось: “Ситуация в различных зонах слишком различна... До сих пор еще не высказался ни один товарищ из восточной зоны. А за другими товарищами мы не признаем права предписывать нам какие-либо линии нашей деятельности. Это касается как Роккера, так и Группы Бакунина или товарища Фельдман. Если первый требует сотрудничества с профсоюзами, то это следует отвергнуть. Мы не хотим сотрудничать, но хотим быть членами и влиять на других коллег в нашем духе. Если тов(арищ) Ф(ельдман) отождествляет членство с сотрудничеством, то она на ложном пути”. Группа В. Елинека пыталась продолжать работать внутри профсоюзов в качестве оппозиции, утверждая, что анархисты, “последовательно и бескомпромиссно” критикуя диктатуру “бонзократии”, могут приобрести сторонников и, в случае исключения из профсоюзов, “уйдут не одни”³⁷.

Положение анархистов в советской зоне оккупации ухудшалось. С самого начала они вынуждены были работать нелегально, о каком-либо официальном разрешении со стороны оккупационных властей не могло быть и речи. Но до поры до времени их не преследовали активно. Еще в 1947 г. группа в Цвиккау утверждала, что “существует разница между нынешними организациями здесь и при нацистах. Там было самоубийством высказать свое мнение, здесь же

все еще существует некоторая свобода слова на собраниях членов” (в профсоюзах)³⁸.

Пользуясь отсутствием прямых репрессий, группа в Цвиккау расширяла сеть контактов в восточной зоне, перепечатывала и распространяла публикации ИГБ. Анархисты подвергали резкой критике отсутствие реальных гражданских свобод, систему “разрешенных” партий, положение, при котором народ “должен только работать – и голодать”. Они обвиняли СЕПГ в стремлении отменить выборы и установить единоличную политическую власть, превратить “замаскированную диктатуру” в диктатуру “пролетариата” на сталинский лад. При этом они осуждали и парламентаризм, поскольку, как и “диктатура пролетариата”, он служит “инструментом господства” и “средством сохранения эксплуатации”³⁹.

Весной и летом 1948 г. развернулась подготовка к проведению конференции либертарно-социалистических групп советской зоны. Она открылась в ноябре в Лейпциге. Но к этому времени властям уже удалось заслать агентов в организацию В. Елинека. Все делегаты Лейпцигской конференции, а также и другие анархисты (в том числе В. Елинек) были арестованы. Аресты и допросы проводили советские офицеры. Общее число либертариев, задержанных в советской зоне в ноябре 1948 г., составило 45 человек⁴⁰.

В. Елинеку было предъявлено обвинение в “фашистской и милитаристской деятельности”. Его перевели из тюрьмы в возрожденный бывший нацистский концлагерь в Заксенхаузене, а затем в тюрьму в Баутцене. Весной 1949 г. прошла вторая волна арестов анархистов в Восточной Германии. На сей раз только в одном Дрездене было арестовано около 100 человек. Анархистское движение в советской зоне оккупации было разгромлено. Анархисты пытались сопротивляться в тюрьмах. Так, в частности, В. Елинек и его товарищи приняли активное участие в организации восстания заключенных в Баутценской тюрьме в марте 1950 г. 24 марта 1952 г. В. Елинека обнаружили мертвым в своей камере...

Установление режимов советского типа в странах Восточной Европы сопровождалось свертыванием гражданских прав, свобод и политического многообразия, подавлением оппозиции. Анархисты были в ряду тех, кто первым испытал на себе удар еще только консолидировавшихся диктатур. Не успев полностью оправиться от фашистских преследований, они должны были противостоять новым властям. В этой борьбе, развернувшейся в эпоху глобального наступления этатизма, победа оказалась не на стороне анархистов. Анархистское движение в Восточной Европе начало возрождаться только в условиях кризиса и падения просоветских режимов в конце 80-х годов. Одновременно стала активно изучаться его история⁴¹.

¹ *Rübner H.* Freiheit und Brot. Berlin; Köln, 1984. S. 22.

² *Радев Б.* Не ни разбирайте криво // Свободна мисъл (Далее: СМ) / Издава Федерацията на анархистите в България. София, 1994. № 6(44). С. 6.

³ О конференции по воссозданию ФАКБ и о газете “Работническа мисъл” см.: *Balkanski Gr.* Histoire du mouvement libertaire en Bulgarie. (Esquisse). P., 1982. P. 16, 96; *Йорданов Х.К.* Конференцията в Княжево на 10 март 1945 г. и началото на погрома срещу анархистическия движение // СМ. 1995. № 3(53). С. 6; *Кирилов П.* Полемиката между официозния и анархистическият печат (1944–1946 г.) // СМ. 1997. № 6(81). С. 4.

⁴ *Хаджиев Г.* Основи на безвластието. С., 1992. С. 65.

⁵ Дело труда – Пробуждение (Далее: ДТП) (Нью-Йорк). 1946. № 18. Июнь. С. 22; *Кирилов П.* Указ. соч. С. 4; *Божилев Г.* Драги приятели, съмишленици и симпатизанти // СМ. 1993. № 11. С. 2; *Direkte Aktion.* Anarchosyndikalistische Zeitung. 1996. März–April. S. 14.

⁶ *Йорданов Х.К.* Op. cit.; *Петканов И.Д.* Години и дати, които не трябва да се забравят // СМ. 1991. № 5. С. 3; *Иванов И.Р.* В концлагера край Дупница // СМ. 1993. № 3(29). С. 3.

⁷ *Марулевски Т.* 16-ти декември 1948 г. // СМ. 1997. № 1(76). С. 6.

⁸ *Кирилов П.* Op. cit. // СМ. 1997. № 7(82). С. 2.

⁹ Ibid.

¹⁰ *Balkanski Gr.* Op. cit. P. 16.

¹¹ Цит. по: ДТП. 1946. № 18. Июнь. С. 22–23.

¹² *Кирилов П.* Op. cit. // СМ. 1997. № 7(82). С. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ *Balkanski Gr.* Op. cit. P. 16.

¹⁵ Ibid. P. 16, 78, 97, 107.

¹⁶ *Gorron Canouya F.* A.I.T.: La Internacional Revolucionaria desconocida. Madrid (1986). P. 22.

¹⁷ Ibid; *Кирилов П.* Op. cit. // СМ. 1997. № 9(84). С. 2.

¹⁸ *Хаджиев Г.* Стопанисването на земите: Проблемът на проблемите. София, 1992. С. 38. Аналогичные аргументы 40-х годов см. подробнее: *Попов М., Хаджиев Г.* Правилно изграждане на Трудово кооперативни земеделски стопанства. София, 1947.

¹⁹ *Balkanski Gr.* Op. cit. P. 17.

²⁰ *Кирилов П.* Op. cit. // СМ. 1997. № 9(84). С. 2.

²¹ Ibid.

²² Ibid; *Марулевски Т.* Op. cit.; *Павлов С.* Борба за университетска автономия и... концлагери // СМ. 1991. № 4. 24 януари. С. 3.

²³ ДТП. 1947. № 23. Декабрь. С. 17.

²⁴ ДТП. 1948. № 24. Апрель. С. 16–19; № 25. Июнь. С. 17. (Брошюру, выпущенную комиссией, см.: *Bulgaria – a new Spain. The communist terror in Bulgaria.* Chicago, 1948).

²⁵ ДТП. 1948. № 27. Ноябрь. С. 20–22; 1949. № 29. Май–июнь. С. 21–22.

²⁶ Злокобна дата // СМ. 1992. № 1(15). С. 3; *Марулевски Т.* Op. cit. С. 6.

²⁷ Организованое анархистское движение в Германии было разгромлено нацистской диктатурой. К концу 1936 г. гестапо удалось ликвидировать большинство подпольных групп анархо-синдикалистского Свободного рабочего союза Германии. В ходе крупнейшего из процессов против анархистов было отдано под суд около 100 человек. Отдельные анархистские группы или индивидуальные активисты вели подпольную антифашистскую

работу еще в 40-х годах. Подробнее см.: Anarcho-Syndikalismus in Deutschland. München, 1986; *Haug W.* "Eine Flamme erlischt". Die Freie Arbeiter Union Deutschlands (Anarcho-syndikalisten) von 1932 bis 1937 // Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. 1989. September. Н. 3; *Theissen R., Walter P., Wilhelms J.* Der Anarcho-Syndikalistische Widerstand an Rhein und Ruhr. Meppen, 1980; *Klan U., Nelles D.* "Es lebt noch eine Flamme". Grafenau, 1986; и др.

²⁸ Всеобщий рабочий союз – Единая организация – возник в 1920 г. и представлял течение "коммунистов рабочих Советов". Откололся от "левых коммунистов" и, подобно анархо-синдикалистам, выступал против создания рабочих партий и участия в выборах. Ориентировался на массовую борьбу снизу и создание рабочих Советов. Некоторые группы ВРС – ЕО впоследствии сблизилась с анархо-синдикалистами (в том числе группа в Цвиккау). Подробнее см.: *Canne Meijer H.* Die Arbeitertebewegung in Deutschland (1918–1933). Berlin, 1985; *Bock H.M.* Syndikalismus und Linkskommunismus von 1918–1923. Meisenheim; Glan, 1969; *La Gauche Hollandaise.* Aux origines du courant communiste international des conseils. Napoli, 1990; и др.

²⁹ *Schlichting J.* "Man muss in der gegenwertigen Zeit versuchen, so anarchistisch wie möglich zu leben...". Willi Jelinek und der Anarchismus in der SBZ 1945–1948 // Direkte Aktion. Anarcho-syndikalistische Zeitung. 1989. Nov.–Dez. N 78. S. 10.

³⁰ Ibid; Direkte Aktion. 1990. Jan.–Febr. N 79. S. 12.

³¹ *Schlichting J.* Op. cit. S. 10.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ См.: *Rocker R.* Zur Betrachtung der Lage in Deutschland. Die Möglichkeiten einer freiheitlichen Bewegung. New York; London; Stockholm, 1947.

³⁵ *Peterson P.* John Olday – Künstler und Kämpfer für die soziale Revolution // Trafik / Internationales Journal zur Kultur der Anarchie. Mülheim, (1985). N 21. S. 20–21.

³⁶ Ibid. S. 21.

³⁷ *Schlichting J.* Op. cit. S. 10–11.

³⁸ Цит. по: *Schlichting J.* Op. cit. S. 11.

³⁹ Achtung – Diktatur in Sicht! Es ist soweit! // Direkte Aktion. 1989. N 78. S. 10.

⁴⁰ *Schlichting J.* Op. cit. S. 11.

⁴¹ См., например, о чешском анархизме: *Tomek V.* Český anarchismus jako česká zkušenost? // Po cestách nalehavosti myšlení. P., 1993. S. 168–185; *Idem.* Historická zkušenost českého anarchizmu // Filosofický časopis. 1994. N 5. S. 805–837; *Idem.* Lide, otevri své oci. Crty o českém anarchismu. Wien, 1995; *Idem.* Cesky anarchismus. 1890–1925. Praha, 1996. О революционном синдикализме в Польше см.: *T.J. Dzieci Sorela i Piłsudskiego.* Dzieje syndykalizmu polskiego – od faszyzmu do anarchizmu // Podaj Dalej. Pismo warszawskich anarchistów. N 7. S. 28–29, 31.

Научное издание

**ТОТАЛИТАРИЗМ:
Исторический опыт
Восточной Европы**

*“Демократическое
интермеццо”
с коммунистическим
финалом
1944–1948*

*Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией Н.Л. Петрова
Редакторы С.В. Демиденко, В.М. Черемных
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор О.В. Аредова
Корректоры А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова,
Т.И. Шепалова

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 27.12.2001
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,0. Уч.-изд.л. 16,6
Тираж 780 экз. Тип. зак. 3035

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008786-6

9 785020 087866

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”**

Магазины “Книга–почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432)
55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22
142292 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

Е-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-94-64

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
Е-mail: initsiat@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru*
